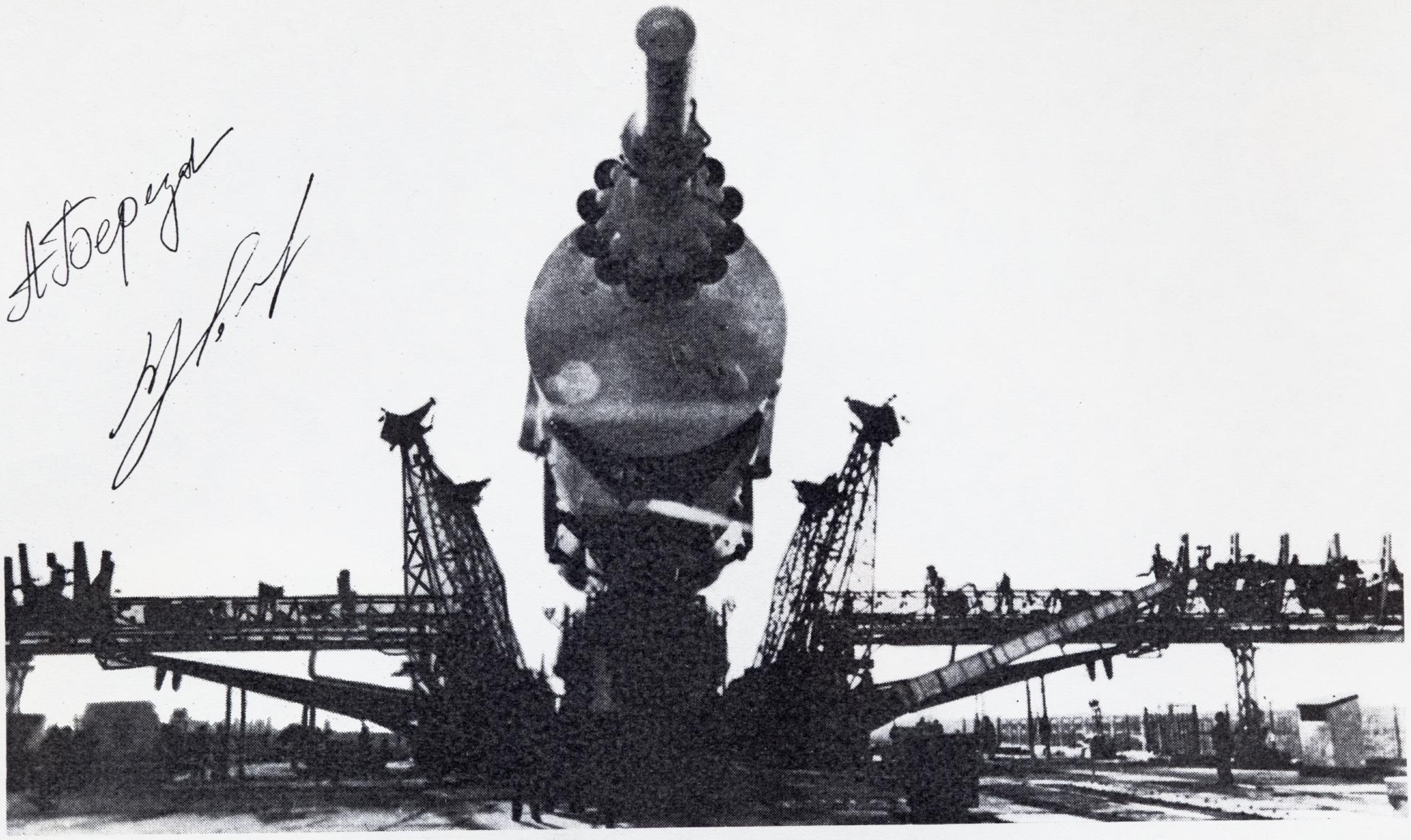
ПИОНЕР 4

1983



Дорогие ребята!

В эти апрельские дни горячо поздравляем юных ленинцев с Днем авиации и космонавтики! Это праздник не только для тех, кто сегодня участвует в освоении космоса. Мы знаем, что это и ваш праздник! В вас, сегодняшних пионерах, мы видим космонавтов XXI века.

Вам предстоит совершить полеты, о которых мы сегодня только мечтаем. Полеты длительные, на многоместных космических кораблях на другие планеты Солнечной системы.

Мы завидуем вам, ребята, потому что самые великие открытия еще впереди и совершать их будут те, кто сегодня носит пионерские галстуки.

Желаем вам счастливых стартов!

Летчики-космонавты СССР, Герои Советского Союза
Анатолий БЕРЕЗОВОЙ
Валентин ЛЕБЕДЕВ.

210 СУТОК В КОСМОСЕ

Интервью, которое длилось почти семь месяцев...

Перед стартом мы с космонавтами договорились так: тринадцатого числа каждого месяца — пока будет длиться полет — встречаемся во время одного из сеансов связи. Космонавты расскажут о своей работе, об интересных случаях из жизни вне Земли... Договоренность мы выдержали до конца полета, только последнее, «декабрьское», интервью состоялось чуть раньше намеченного срока — Анатолий Березовой и Валентин Лебедев вернулись на Землю 10 декабря 1982 года, не долетав трех дней до семи месяцев...

У Анатолия и Валентина была одна из самых трудных экспедиций в космосе. И не только потому, что она продолжалась намного больше прежних и они стали космическими рекордсменами. Важно и то, что это был первый экипаж, который осваивал новую орбитальную станцию «Салют-7».

Итак, старт 13 мая.

Первая наша встреча состоялась ровно через месяц.

— Что для вас было неожиданного за эти первые тридцать дней? — спросил я.

— Земля поразила своей красотой, — ответил Анатолий Березовой. — И, конечно, станция. Она очень большая! А ведь здесь надо помнить о каждой мелочи — поточнее, чем в своей квартире, где и то всего не упомнишь...

— В космосе многое иначе, чем дома, — смеется Валентин Лебедев. — Начиная с того, что спишь на потолке, и кончая тем, что за минуты пересекаешь целые континенты.

— Мы, как обычно, получили задания от разных специалистов — геологов, работников сельского хозяйства, вулканологов, географов — всех не перечислишь! — рассказывает Анатолий. — Уже за этот месяц мы смогли им кое-что интересное сообщить. Вот сейчас мы идем над побережьем Каспия в районе полуострова Мангышлак. Видим горы, темные полосы разломов. Они подходят к западному побережью Аральского моря, а потом поворачивают в направлении Актюбинска. В районе Сырдарьи тоже видны подобные структуры. Затем линия разломов тянется дальше — к Балхашу, огибает Аральское море. Такие протяженные образования видны только из космоса. Вот почему наши наблюдения так интересуют геологов.

— Кстати, мы часто вспоминаем рассказы других космонавтов, — добавляет Валентин. — Успех наших наблюдений во многом зависит от того, насколько обстоятельно подготовились к ним на Земле. Мне кажется, у нас с Анатолием «присматривание» к Земле прошло быстро, и сейчас мы уже замечаем гораздо больше, чем в первые дни полета. Можно сказать — начинаем видеть то, к чему готовились. Обычно ведет наблюдение один из нас, а когда видит что-то интересное, быстро зовет напарника. Смотрим вместе, чтобы затем обсудить то, что наблюдали.

— Как и все космонавты, мы стараемся глядеть на Землю глазами науки, — слышен голос Березового...

Продолжение интервью — через месяц.

— Довольны ли вы своей работой? — спросил я.

— Многое мы уже сделали, но много еще предстоит сделать, — отвечает Березовой. — Мы убедились в больших возможностях станции. Особенно когда устанавливали новые приборы, которые приходят к нам с грузовыми кораблями и с экспедицией посещения...

— Это нужно пояснить, — вмешивается Лебедев. — На борту у нас две тонны научной аппаратуры. И она регулярно обновляется. Приходят новые приборы с Земли, мы быстро их «устраиваем» на станции. Приборы помогли нам получить очень много информации об акватории Мирового океана, атмосфере, о строении Земли. За этот месяц мы еще великолепно поработали с советско-французским экипажем. Встреча была радостной, и, что очень приятно, — Владимир Джанибеков, Александр Иванченков и Жан-Лу Кретьен выполнили всю программу работ.

— А об одном эпизоде мы наверняка будем вспоминать до конца полета... — Березовой смеется.

— Имеешь в виду маску? — спрашивает Лебедев.

ПИОНЕР
Выходит с 15 марта 1924 г.
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
АПРЕЛЬ 4
Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

— Конечно...
— Какую маску?—интересуюсь я.
— Неожиданно мы обнаружили еще одного «пассажира» на станции,—рассказывает Анатолий Березовой.—Володя, Саша, Кретьен и я работаем в центральном отсеке станции и вдруг видим: из помещения корабля плывет человек—бородатый и волосатый. Выражение лица у него страшное!.. Оказывается, Кретьен захватил с собой эту маску, а Валентин нашел ее и надел... Вначале мы даже перепугались, а потом станция взорвалась от хохота. Смеялись от души...
— Дело в том, что на станции настолько привыкаешь к обстановке, что подобный сюрприз был для нас слишком уж неожиданным,—поясняет Валентин...

Третий месяц полета. Анатолий Березовой и Валентин Лебедев выходят в открытый космос. Естественно, во время нашей радиовстречи я спрашиваю их об этом.
— Для нас это был первый выход в космос,—говорит Анатолий.—Сразу после проводов советско-французского экипажа, с которым мы поработали дружно и напряженно, у нас были запланированы различные эксперименты и исследования. В том числе и прием очередного грузовика. Но мы все чаще думали о выходе в открытый космос, мечтали о нем.
— Волновались, а вдруг отменят!—замечает Лебедев.—Некоторые специалисты считали очень напряженным ритм нашей работы... Но наконец-то начались тренировки, и мы поняли, что выход разрешен, как мы и просили.
— Мы даже считали дни и часы до выхода,—добавляет Березовой.—Многое нам рассказывали товарищи о своих ощущениях, о незабываемой красоте открытого космоса—так хотелось самим это испытать!
— И вот пришло это мгновение—люк открыт!—Валентин замолкает, подбирая слова, чтобы точнее передать свои впечатления.—Первое: Земля выглядит объемной, совсем иной, чем в иллюминаторах. Чувствуется, что она очень далеко. И видишь ее будто на картине—маленькая планета, и вся она перед тобой... Меня поразила и такая мелкая деталь. Я снял крышку телекамеры и хотел ее куда-нибудь прицепить по земной привычке, но ничего не нашел подходящего. Время нельзя было терять, и я просто оставил крышку рядом с камерой. Отошел на расстояние, которое позволял «якорь», и начал работать с деталями, которые нужно было снять, затем отправить на Землю. И вдруг вижу крышку, висящую в пространстве неподвижно... С огромной скоростью летит наш комплекс, ее ощущаешь почти физически—стремительно меняется панорама Земли,—а крышка как бы висит над станцией, не двигаясь с места...
— Как только мы открыли люк, у меня возникло странное ощущение,—говорит Анатолий.—Солнышко было чуть справа и вверху, и его лучи хлынули в станцию. Мне вдруг показалось, что мы на Земле открыли дверь дома, а на улице—яркий солнечный день и белый снег...

В следующий месяц полета—новое событие. На станции «Салют-7» принимают экипаж, в составе которого женщина-космонавт. Светлана Савицкая, Леонид Попов и Александр Серебров восемь суток работали вместе с Березовым и Лебедевым. Наш разговор состоялся, когда экспедиция посещения уже вернулась на Землю.
— Как вам работалось со Светланой?—спросил я.
— Она хороший товарищ,—ответил Березовой.—Мы на станции были рады ей так же, как на Земле рады принять в мужскую компанию представительницу прекрасного пола. Честно говоря, было приятно есть все, что она нам готовила. Вкуснее казалось.
— А если серьезно,—присоединяется к разговору Лебедев,—то полет Светланы поможет ответить на вопрос, важный для будущего космонавтики. Необходимо выяснить, какие именно работы в космосе можно поручить женщинам. И кроме того, теперь стало ясно, что невесомость женский организм переносит так же, как мужской. А споров по этому поводу раньше было много. Мы довольны работой экипажа посещения, по возможности старались помогать Попову, Сереброву и Савицкой.

Последние три месяца полета Анатолий Березовой и Валентин Лебедев провели в одиночестве. Там, в космосе, они отметили и 25-летие со дня запуска первого искусственного спутника Земли. В нашем очередном разговоре зашла речь об этом юбилее.

— Чем отличается нынешняя космонавтика от космонавтики первых лет?—переспросил Анатолий.—Уровень техники совершенно иной. Теперь длительные полеты стали реальностью, тогда о них только мечтали. А кроме того, всем известно, что сейчас в нашей работе заинтересованы сотни исследовательских организаций. И не только в нашей стране, но и во многих зарубежных странах. Это и есть новые, невиданные прежде возможности космонавтики.

— Первый спутник раскрепостил дерзкую мечту человечества о покорении и использовании космоса. И наши успехи в космонавтике во многом как раз связаны с тем, что рождались новые дерзкие проекты, рождались и осуществлялись!

— Как вы оцениваете итоги своей работы?—спросил я.

— Хлеб жуем недаром.—Валентина в течение всего полета не покидало чувство юмора. Потом он добавил серьезно:—Недавно на сеанс связи приехали специалисты-геологи. И они нам сказали, что те наблюдения, которые мы провели, по сути дела, заменили работу пяти геологических партий. Беседовали мы и с астрофизиками. Оказывается, наши наблюдения одного из источников рентгеновских излучений дали возможность вовремя уловить всплеск его «яркости». Астрофизикам, которые воспользовались нашей информацией, удалось провести тщательное исследование этого источника. Подобных примеров можно привести много.

— Хочу добавить,—слышен голос Березового.—Почти семь месяцев мы в полете, а уверен—потребуется несколько лет, чтобы проанализировать всю информацию, которая получена за это время на борту «Салюта-7».

...Перед посадкой состоялся последний «космический» разговор. Он был коротким.

— Соскучились?

И я услышал из космоса:

— Очень! Как ни интересно здесь, все-таки тянет домой. Ведь мы уже забыли, каков запах земли...

Анатолий Березовой и Валентин Лебедев вернулись на Землю через 210 суток после своего старта в космос.

Владимир ГУБАРЕВ,
лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола

Центр управления полетом.

Н. ШАМСУТДИНОВ

Вперед, горнисты!

Светло подремывает тундра,
Но, поднимаясь
Над страной,
Горит распахнутое утро,
И веет в воздухе весной.

Страна великая, с тобою
Мне все задачи по плечу.
Я бережно тетрадь раскрою,
Впишу: «Спасибо Ильичу!»

У памяти свои законы...
Вот сердце песней обожгли
Красногвардейские колонны,
Что в октябре на Зимний шли.
А он темно глядел.
Суровый
Гранит его ступеней стыл.
Но трехдюймовый гром «Авроры»
Эпоху счастья возвестил,
Чтобы легла Турксиба нитка,
Чтоб в Каракумах вырос лес,
Чтобы давала сталь Магнитка
И киловатты—Днепрогэс!

Наш каждый день—краснознаменный,
Ударный, звонкий, осененный
Летящей ленинской рукой...
Наш труд
В отборнейшей пшенице
Зерном упругим колосится,
Штурмует звездные глубины,
Вращает мощные турбины.
И там, где жар его неистов,
Равнение
на коммунистов!

И вам, ребятам, несомненно,
Жить и трудиться
дерзновенно
И продолжать отцов дела!
Вас
Красногалстучною сменой
Не зря Отчизна назвала.
За урожаи Казахстана
Вам ордена
не зря дают,
Из пионерского металла
Красавцы танкеры растут.

Ребята Самотлора, БАМа,
Степной горячей Кулунды,
Ваш труд
державного масштаба
Вошел в историю страны.

Рассветный час...
Вперед, горнисты!
Равнение—на коммунистов.
К труду и подвигу отцов
Будь готов!

Всегда готов!

С. АЛЕКСЕЕВ,
лауреат Государственной премии РСФСР
и премии Ленинского комсомола

Срочный военный груз

Бушевала гражданская война. Трудное было время.

Из Сибири в Москву срочно шел железнодорожный состав. Прибыл состав в Челябинск. Забиты пути вагонами. Не хватает для всех паровозов. Стоят поезда. Затор.

Пошел начальник сибирского поезда к начальнику станции.

— Что такое?

— Срочный военный груз.

— Чье указание?

— Товарища Ленина.

Пропустили сибиряков вне очереди.

Прибыл состав в Самару. Забиты пути вагонами. Не хватает для всех паровозов. Стоят поезда. Затор.

Пошел начальник сибирского поезда к начальнику станции.

— Что такое?

— Срочный военный груз.

— Много срочных. Много военных,— пробурчал недовольно начальник станции.

Достает бумагу начальник поезда.

— Чье указание?

— Товарища Ленина.

Пропустили состав вне очереди.

Прошел он Сызрань, Кузнецк, Рязань. Уступают ему дорогу.

— Срочный военный груз!

— Срочный военный груз!

— Указание Ленина!

— Указание Ленина!

Прибыл состав в Москву. Открыли вагоны. В вагонах мешки с мукой.

— Вот так срочный!

— Вот так военный!

Позвонили Владимиру Ильичу.

— Владимир Ильич, ваше имя незаконно использовали.

— Что случилось? Слушаю вас, товарищи.

Объясняют Ленину про вагоны, про хлеб. Про то, что хлеб доставлен, как срочный военный груз.

Слушает Ленин.

— Так, так.

— Надо наказать виновных, Владимир Ильич.

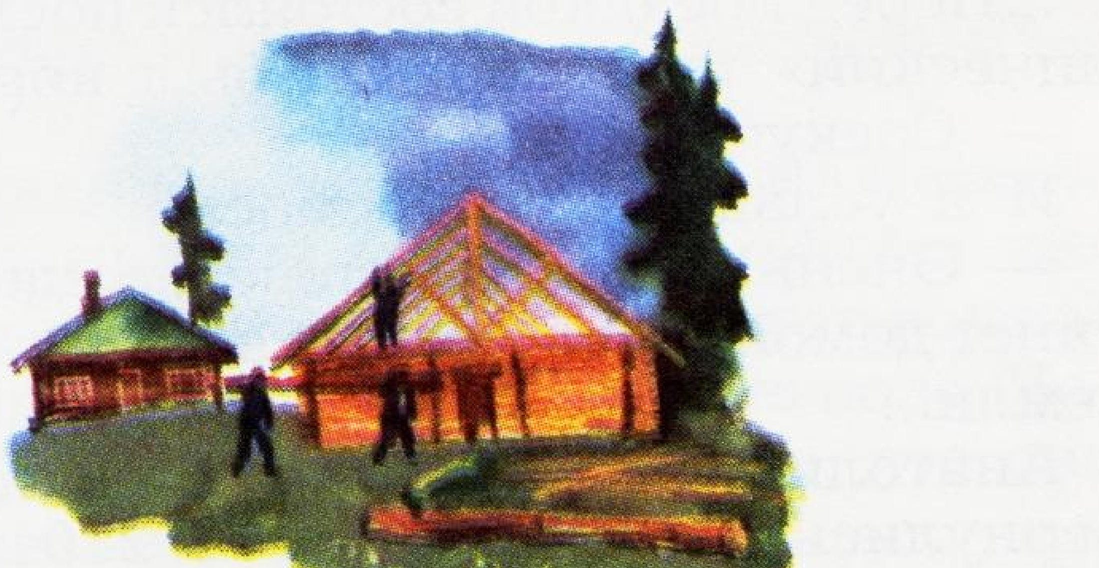
— Так, так.

— Строго, со всей революционной суровостью, по законам военного времени.

Повесил трубку Владимир Ильич. Достал из стола бумагу. Сообщалось в бумаге о том, что время тяжелое, время суровое, что очень трудно в Москве с продуктами, что голодают, что умирают от голода московские дети. Просьба была в бумаге: доставить московским детям хлеб побыстрей из Сибири.

Читает бумагу Ленин. Вспоминает тот день, когда пришли к нему с этой бумагой московские рабочие. Выслушал Ленин тогда рабочих и распорядился: «Доставить как срочный военный груз». И расписался — «Ульянов-Ленин».

Бараки



Иван Иванович Радченко — председатель Главторфа — сидел как на иголках. Шло заседание Совета Народных Комиссаров. Обсуждался вопрос об организации широкой добычи торфа в районе Шатурского месторождения.

Плохо было с углем тогда в стране. Плохо с бакинской нефтью. Торф спасал страну. К тому же Шатура находилась недалеко от Москвы.

Главторф подготовил смету. Среди прочих расходов были указаны деньги, необходимые на строительство бараков. Бараки и испортили настроение товарищу Радченко.

На строительство каждого барака Главторф просил утвердить сумму в четыре тысячи рублей. Казалось, возражения вряд ли будут. И вдруг перед самым заседанием подошел к Радченко представитель наркомата финансов:

— Учтите, я буду спорить. Двух тысяч вполне достаточно.

Напрасно товарищ Радченко пытался доказать финансовому работнику, что четыре тысячи — это только-только, в самый раз. За половинную сумму барак не построить. А без бараков все рухнет. Где же рабочим жить?

Но тот оказался непоколебим.

«Провалит смету»,— понял товарищ Радченко.

Надежда была только на Ленина. Радченко тут же написал записку Владимиру Ильичу. Ленин прочел, улыбнулся. В причинах появления этой улыбки теперь и терялся Радченко. То ли будет поддержка Ленина, то ли Ленин тоже в смету не очень верит.

Началось обсуждение сметы. Очередь дошла до бараков.

Работник наркомата финансов, как и предупреждал, резко выступил против. Один из членов Совнаркома его поддержал.

Слово предоставили Радченко.

Для выступления на заседаниях Совнаркома отводилось минимальное время: Ленин любил четкость в работе Совнаркома.

— Уложитесь за две минуты.

Две минуты! Легко сказать. Пока поднялся, пока собрался, пока вымолвил первое слово, для второго слова времени больше нет.

Растерялся товарищ Радченко. Не смог впопыхах защитить проект. Глянул на Ленина, сокрушенно подумал: «Ну, все».

И вдруг...

— Поскольку имеются споры,— сказал Владимир Ильич,— для внесения полной ясности в дело разрешите задать вопрос.— Повернулся Ленин к товарищу Радченко: — Скажите, товарищ Радченко, вы бараки когда-нибудь строили?

— Строил, конечно, Владимир Ильич. А как же, строил!

Повернулся Ленин к работнику из наркомата финансов и к нему с тем же вопросом:

— А вы когда-нибудь строили бараки? Вы точно знаете, что надо две тысячи рублей?

— Нет, я лично не строил, Владимир Ильич,— смущенно ответил товарищ из наркомата.

— А вы? — обратился Ленин к члену Совнаркома, который поддержал финансового работника.

— Тоже как-то не приходилось,— пожал тот плечами.

— Что же, ставлю вопрос на голосование,— сказал Владимир Ильич.— Есть два предложения. Первое — товарища, который раньше строил (Ленин сделал ударение на этом слове) бараки: дать четыре тысячи рублей на барак. Второе — товарищей, которые не строили (в зале прошел смешок) бараки: дать две тысячи рублей на барак. Итак, голосую вначале за первое предложение, то есть предложение товарища Радченко. Кто «за»?

Члены Совнаркома дружно подняли руки.

«Вермишельные дела»

Много разных вопросов выносилось на рассмотрение Совнаркома. Растет количество всяких дел. Чуть ли не до ста всевозможных пунктов в каждой повестке дня.

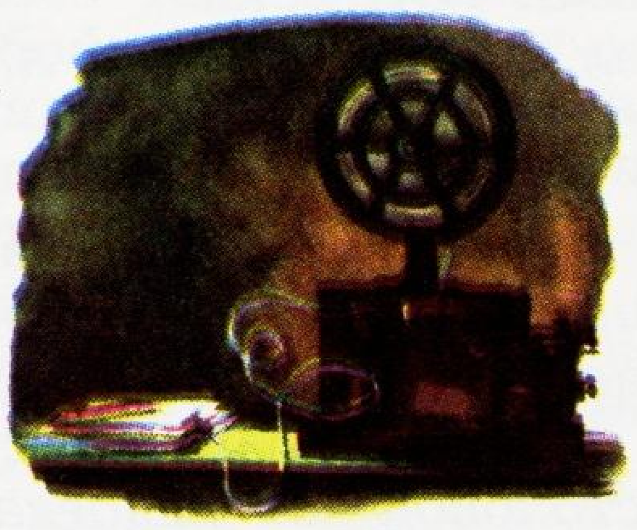
Обилие вопросов удлиняло часы заседаний Совнаркома, утомляло людей. Попадались вопросы мелкие, второстепенные. Рассмотрение их отвлекало от решения дел больших, государственных. Беспокоило это Ленина.

Готовясь как-то к очередному заседанию Совнаркома, Владимир Ильич предложил резко сократить намеченную повестку дня. Прочел вслух несколько вопросов, сказал:

— Это дела для Совнаркома мелкие, «вермишельные»! Надо создать специальную комиссию. Пусть она и рассматривает такие дела.

Метким, броским оказалось выражение «вермишельные дела». Даже в одном из протоколов Совнаркома было записано: «Создать «вермишельную» комиссию по рассмотрению мелких «вермишельных» дел».

Узнал один из хозяйственных работников о решении, принятом по предложению Владимира Ильича, обрадовался. Служил он начальником жилищного управления. Немало было непорядков в его хозяйстве. Немало поступало на управляющего жалоб. Даже раз-



давались предложения вынести разговор о его работе на заседание Совнаркома.

Заволновался было работник, а теперь успокоился:

— Дело мое — «вермишельное». К товарищу Ленину не попадет. Я за семью замками.

Однако рано радовался нерадивый работник. Узнал Владимир Ильич о жалобах. Распорядился проверить работу жилищного управления.

— Так это же дело «вермишельное»,— говорят Владимиру Ильичу.

— Нет. Это — дело серьезное, — ответил Ленин.— Серьезное потому, что связано с бытом и жизнью людей.

Разобрались проверяющие товарищи в делах жилищного управления. Доложили Владимиру Ильичу:

— Справедливы жалобы.

Пришлось Ленину наказать виновных.

Владимир Ильич внимательно следил за тем, как работала «вермишельная» комиссия.

— «Вермишельные дела» — это понятие условное,— говорил Владимир Ильич.— Даже самое мелкое дело не всегда второстепенное. Не страшны дела «вермишельные». Бойтесь «вермишельного» отношения к делу.

Рисунки П. ПРОРОКОВА.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

«Пионер» получил два письма от двух третьеклассников — Андрея Куксы из станицы Староминской Краснодарского края и Виктора Рогова из Волгограда. Прочти внимательно то, что они написали.

КТО Я?

Для дяди я — племянник,
Для дедушки я — внук,
Брат —
для сестренки Тани,
Соседу Васе —
друг.
Я в школе — третьеклассник,
Для мамы с папой — сын,
А для страны Советской —
Советский гражданин.

Виктор Рогов,
3 «В» класс, школа № 129,
г. Волгоград.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Я гражданин XXI века.
Что сделал я? Что должен я?
Мне 9 лет сейчас,
И я хочу подумать о всех о нас.
Ведь мы живем в такой стране,
Где слышно бьют часы в Кремле.
Что сделаем полезного мы
государству?
Когда в столовой мы недоедаем хлеб
и кашу,
Как ценим мы, как бережем Страну
Советов нашу?

Андрей Кукса, 3 «Б» класс,
средняя школа № 1,
станица Староминская,
Краснодарский край.

Конечно, стихи Андрея и Виктора еще несовершенны, но прекрасны своей искренностью, и взволнованностью, и взрослостью размышлений.

Девятилетние мальчики, пионеры, осознают себя гражданами великой страны — Страны Советов. И ставят перед собой очень важный для каждого человека вопрос: что значит быть гражданином?

Это вопрос и к тебе, ко всем читателям «Пионера».

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СТРАНЫ СОВЕТОВ?

ЧТО ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ КАЖДЫЙ ИЗ НАС, ЧТОБЫ С ЧЕСТЬЮ НЕСТИ ЭТО ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ?

КАК ЮНОМУ ПИОНЕРУ, ЮНОМУ ГРАЖДАНИНУ СТРОИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ, ЧТОБЫ БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ СВОЕЙ СТРАНЫ?

Ставил ли ты перед собой такие вопросы?

Говорили вы об этом на пионерском сборе?

Расскажи нам. Твое письмо, твои размышления, мнения и размышления твоих друзей помогут нам провести на страницах журнала Всесоюзный пионерский сбор **«БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ»**. Ждем твоего письма!

Утечке тепла и электроэнергии — пионерский заслон!

Что должен делать каждый из нас, чтобы с честью нести это высокое звание?

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

АДРЕС ЗАБОТЫ: ДОМ, УЛИЦА, ДВОР — так называется республиканская операция пионеров Белоруссии. Вот строчки из рапортов, присланных в штаб операции, который создан при республиканской газете «Зорька»:

«Пионеры Янковической средней школы Россонского района вместе со взрослыми работали на благоустройстве улиц».

«Разновозрастные отряды минских школ № 30, № 118, № 15 проводят рейды в домах по сбору пищевых отходов».

«Пост бережливых» в школе № 2 г. Минска постоянно дежурит в столовой, следит за бережным отношением к хлебу».

УТЕЧКЕ ТЕПЛА И ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — ПИОНЕРСКИЙ ЗАСЛОН — такой рейд был объявлен городским пионерским штабом «Уголек» в Прокопьевске.

Совет дружины 57-й школы Прокопьевска, как сообщает нам Ольга Занииздра, дал задание каждому пионерскому отряду проверить расход электроэнергии в жилых домах. Каждое звено в отряде получило маршрутный лист и отправилось в путь. Оказалось, что в некоторых подъездах днем горел свет, двери были сломаны, в одном из подвалов протекала труба с горячей водой. Пионеры все записали в свой маршрутный лист и передали его в ЖЭК. В ЖЭКе ребят поблагодарили, и через две недели все неполадки были устранены. Теперь пионеры постоянно помогают взрослым следить за порядком в микрорайоне.

Как же быть, чтобы избежать дурного, необдуманного, случайного поступка? Твоё мнение?

ПОСТУПОК

Поступок — это серьезная вещь. Поступок приносит человеку уважение тех, кто рядом, поступок может унизить и оскорбить. Скверно, когда человек совершает необдуманный поступок, которого потом стыдится всю жизнь.

Мы рассказывали о поступках, которыми можно гордиться. Сегодня мы предлагаем всем читателям «Пионера» обдумать и обсудить такие действия пионеров, которые никому не могут понравиться. Мы верим, что никто не поступал умышленно плохо, но от этого ведь никому не легче. Как же быть, чтобы избежать дурного, необдуманного, случайного? Это вопросы и к ТЕБЕ!

РАДИ ПЕРВОГО МЕСТА

Одна девочка сдала в макулатуру справочники по физике и математике. Увидела их учительница и охнула: «Они нам так нужны!» За другим сборщиком макулатуры в школу прибежал папа. Оказалось, мальчишка унес из дома все газеты с его статьями. В погоне за первым местом ребята забыли, что собирать можно только ненужную бумагу.

Н. Сорокина, школа № 2, г. Минск.

ВСЕ ЗАБЫЛИ О ТАНЕ

В нашем классе есть очень хорошая девочка, Таня. Она всегда всем поможет. И дома помогает маме растить младших сестренок и братишку. А папы у них нет.

Однажды мы поехали убирать морковку. Сели в автобусы, все были веселые, пели, шутили. И Таня смеялась вместе со всеми.

И работа шла у нас весело. Когда собрали с рядков морковь, стали обедать. Взяла Таня свой термос, открыла крышку и ахнула. Термос был разбит. Настроение у Тани испортилось, на глазах выступили слезы. Никто не признался, что разбил термос.

На обратном пути в автобусе уже никто не смеялся. Все думали, как помочь Тане. Решили: соберем по тридцать копеек и купим Тане новый термос. Живется Таниной семье нелегко — работает одна мама, а детей много. Таня ушла домой успокоенная.

А на следующий день все забыли о Таниной беде и вообще о разбитом термосе забыли.

Яна Логинова, г. Тюмень.

КАК ЖЕ БЫТЬ, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ дурного, необдуманного, случайного поступка? ТВОЕ МНЕНИЕ?

РАЗГОВОР СО ВЗРОСЛЫМИ

Очень часто в письмах ребята делятся с редакцией своими жизненными трудностями. Рассказывают и о том, как сложно порой складываются отношения со взрослыми. Спрашивают, как избежать непонимания. Мы решили публиковать такие письма ребят, авторы которых, по мнению «Пионера», правы в своей позиции. Мы просим всех взрослых внимательно читать материалы этой рубрики, по возможности выполнять просьбы пионеров, а если с чем-то в действиях своих младших друзей не согласны,— высказывать свою точку зрения на страницах журнала. Ждем и ваших писем, ТОВАРИЩИ ВЗРОСЛЫЕ!

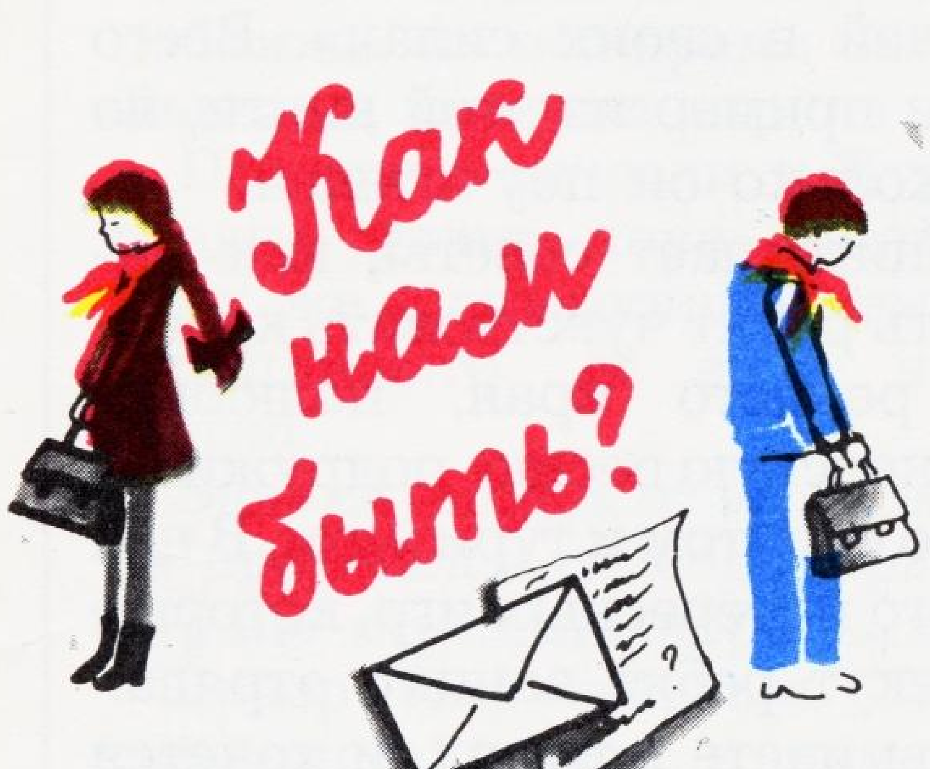
СТАРШИЙ ТОВАРИЩ, А НЕ КОМАНДИР

Для ребят в 11—13 лет особенно важно самим найти правильный путь, верное решение.

И когда классный руководитель или вожатый говорит: «Без тебя решим, как-нибудь обойдемся!» — тогда ребята охладевают. Им становится все безразлично. И человек перестает быть личностью, и это самое страшное. На сбор металлолома он может вообще не прийти; и без меня, мол, обойдутся.

Нужно, чтобы в учителях и вожатых пионеры чувствовали как бы старшего брата или сестру, старшего товарища, а не командира, не желающего выслушать подчиненного.

Нелли Полер, г. Одесса.



Давно хотела вам написать, но все не решалась. Есть у меня друг, вернее раньше был только другом, а сейчас я люблю его. И он тоже любит меня.

Учусь я в восьмом классе. Почему-то в школе да и дома тоже считают, что любить стыдно. Но я не могу понять, почему мы должны прятаться, почему должны бояться. Почему нас все обсуждают, показывают на нас пальцем, а иногда даже хихикают, причем не только друзья, но и взрослые?! Обидно, правда?

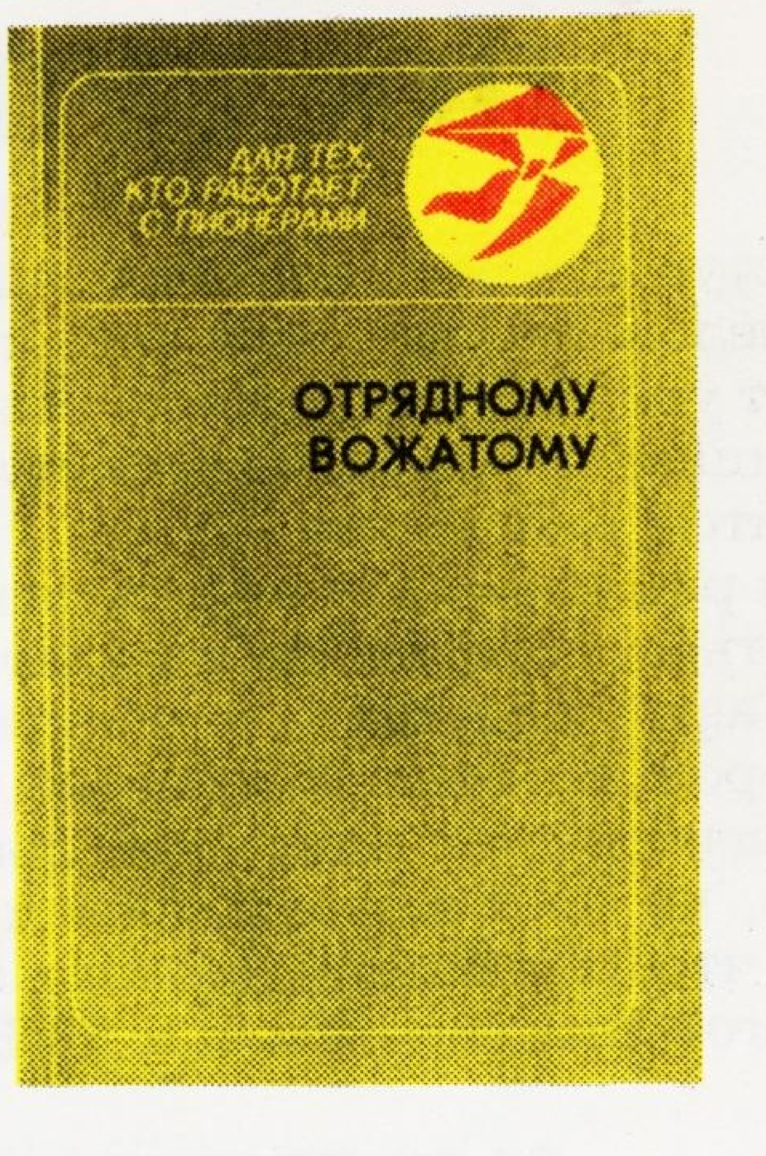
Очень прошу опубликовать мое письмо в «Пионере» в таком виде, как оно есть, ничего не изменяя. Рада буду прочитать в «Пионере» мнения моих сверстников и сверстниц. Только адрес мой и полное имя я прошу не сообщать: боюсь, что будут показывать на меня пальцами и обсуждать пуще прежнего. Считайте меня Олей М.

ОТ РЕДАКЦИИ: Просим и ребят и взрослых ответить Оле М. Ваши письма, ваши советы помогут нам всем разобраться в самых прекрасных и самых сложных человеческих отношениях — в любви и дружбе. И, возможно, подскажут правильную линию поведения тем, кто находится рядом с любящими друг друга людьми.

Ребята, просим всех, кто пошлет письмо в нашу новую рубрику, ставить на конверте „ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ". Ждем ваших писем!

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ОТРЯДНЫЙ ВОЖАТЫЙ



Совсем недавно многие из вас носили красные галстуки. Но вот наступил в вашей жизни торжественный и счастливый день — в райкоме комсомола вам вручили комсомольские билеты, и вы встали в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи — коллективного вожатого красногалстучной пионерии. И одно из первых поручений, которое даст вам комитет ВЛКСМ,— быть отрядным вожатым, передавать умения и навыки, полученные в пионерской организации, своим младшим товарищам. Вам доверили быть вожатым пионерского отряда. Это очень почетно и в то же время ответственно. Вы услышали много добрых напутствий и пожеланий от комсомольской организации. На собрании, комсомольском вечере вам вручили комсомольскую путевку, на которой написаны слова замечательного друга пионеров и вожатых — Надежды Константиновны Крупской: «Чтобы быть хорошим пионервожатым, во-первых, надо уметь учиться, во-вторых, быть политически грамотным, в-третьих, быть активистом-общественником, в-четвертых, знать ребят и знать, как надо их организовать».

Задумывались ли вы над тем, сколько в нашей Всесоюзной пионерской дружине пионерских отрядов? Восемьсот тысяч! Они действуют во всех уголках нашей страны. Одни отряды работают в дружине, где более тысячи пионеров, а есть отряды в маленьких сельских школах, где пионеров не больше двадцати человек. Но каждый отряд, где бы он ни находился, в далеком ауле или за Полярным кругом, должен работать интересно, увлекательно, с пользой для страны. От кого это зависит? В первую очередь от отрядного вожатого, от его умения зажечь ребят, поднять их на интересные дела — большие и малые.

Вы идете первый раз в свой отряд. Нам понятно ваше волнение. Как встретят вас в отряде ваши подопечные, сможете ли вы быть друзьями юных пионеров? У вас возникают сотни «почему» и «как». С чего начать, как спланировать работу отряда, какие разучить игры, как открыть отрядный уголок, как ребята вашего отряда будут бороться за присвоение имени героя? Кто же поможет вам в вашей нелегкой, но очень важной работе? В первую очередь старший пионерский вожатый, учителя — верные ваши помощники, ваши родители, которые совсем недавно носили красные галстуки. Поможет вам и книжка «Отрядному вожатому»*.

Эта книжка — добрый спутник во всех отрядных делах. В ней много очень полезных советов. Как спланировать работу отряда, как подобрать каждому юному ленинцу поручение — временное или постоянное. Книга поможет вам больше узнать о символах и ритуалах пионерской организации, о том, как вести следопытскую работу, как помочь старшим пионерам готовиться стать комсомольцами. В книге вы узнаете о том, как увлечь каждого пионера делом по душе, как использовать в отряде умения и навыки самих ребят — юных коллекционеров, книголюбов, спортсменов. Книга подскажет вам, как найти для каждого отряда ударное дело, нужное Родине.

В ваших отрядах — ребята разных характеров. И к каждому из них надо найти свой «ключик», свой подход.

«Вот мальчишка — троечник и тихоня. Его привыкли поддразнивать и в общем-то не уважать — так он бесцветен. Это беззлобное пренебрежение настолько заразительно, что уже и вожатый иногда вместо имени зовет мальчишку просто Тепой. А тот не обижается...

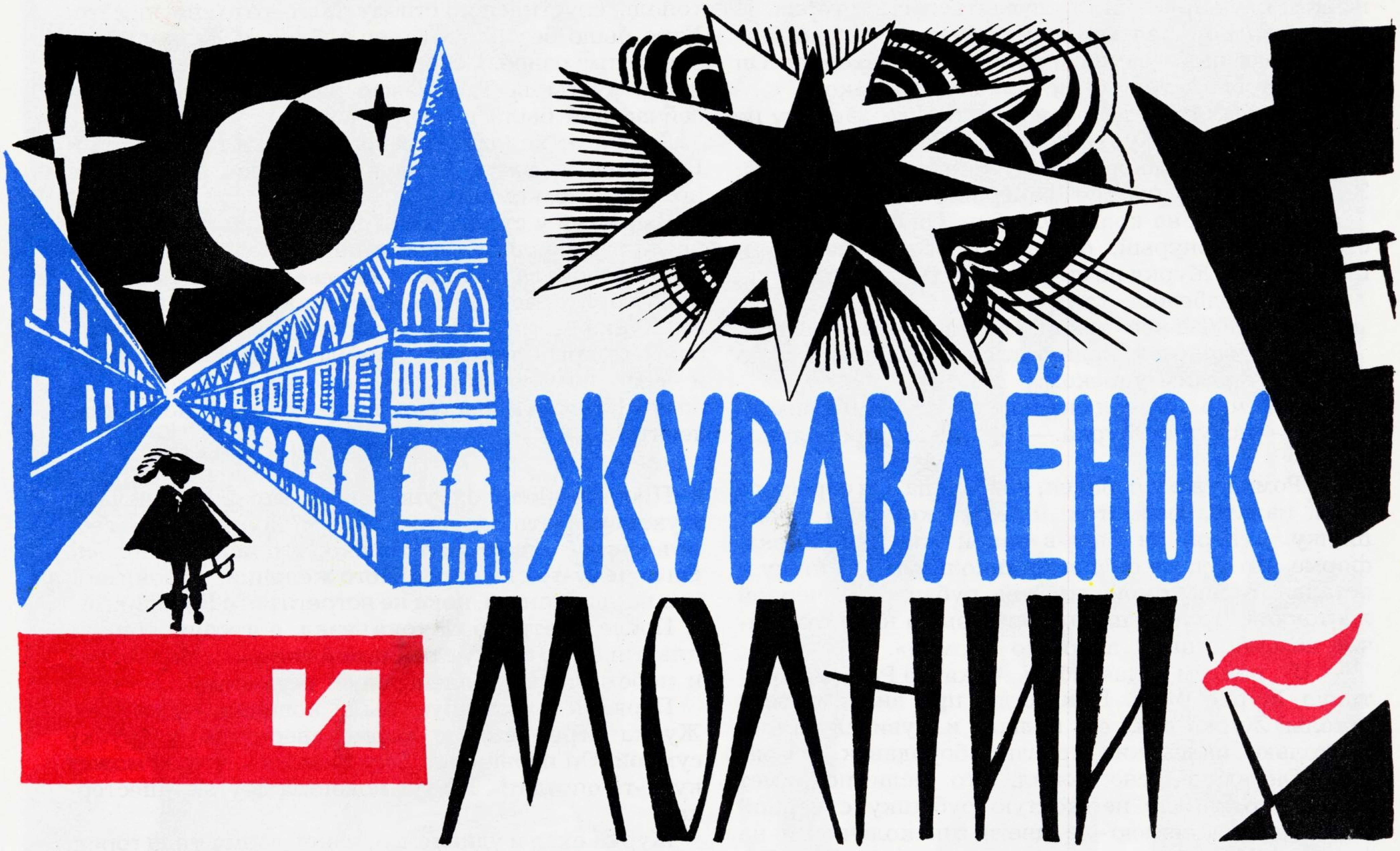
Но когда отряд вышел на работу в поле по просьбе подшефного совхоза, Тепа ушел не разгибаясь. И ушел последним. Он тихо и незаметно натаскал за год больше всех макулатуры. Он молча и безропотно дежурит по классу взамен всех, кому надо на секцию или в музыкальную школу. Не просмотри этого Тепу, сумей стать ему другом и научи ребят уважать его, помоги ему стать уверенней в своих силах». Всего один пример из этой книги, но насколько он поучителен!

Книга дает советы, как научить ребят чувствовать красоту родного края, полюбить пионерскую песню, подружиться со спортом и туризмом. В ней много интересных игр, которые увлекут ребят вашего отряда.

Вы идете в отряд, и хочется пожелать каждому, чтобы с первого дня работы в отряде вас не оставляла вера в себя, в свои силы, знания и умения. Мы будем рады, если ваш отряд будет успешно брать высоту за высотой, если он получит право называться правофланговым. В этом вам поможет и книга «Отрядному вожатому».

* Москва. «Молодая гвардия», 1982 г.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола



ЖУРАВЛЁНОК И МОЛНИИ

РОМАН ДЛЯ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ

Окончание. Начало в №№ 1—3, 9—11, 1982 г.; №№ 1, 2, 3, 1983 г.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Как-то получилось, что от Лидии Сергеевны Журка снова попал в школу. На странную молчаливую репетицию, где все двигались, но ничего не говорили. Как в балете без музыки. Золушка была непонятно кто — Лида, или Иринка, или совсем незнакомая девочка. Журка старался подойти к ней поближе, но все время оказывалась на пути Эмма Львовна, которая играла лесную ведьму...

Потом все исчезли, и Журка понял, что уже очень поздно, давно пора домой, мама беспокоится. К тому же в опустевшей темной школе стало тихо и страшновато. А если честно сказать — совсем жутко.

Задохнувшись от этого непонятного страха, Журка промчался по коридорам и выскочил на улицу. Сердце стреляло короткими очередями...

Вечер был светлый. Тихий и мягкий. Журка торопливо пошел к дому. Прохожие удивленно оглядывались на него. И Журка вдруг понял, что идет по городу в костюме принца. Забыл переодеться.

Вернуться? В пустую школу, в ее жуткую тишину? Журка боязливо оглянулся. Но школы уже не было видно, а была вокруг многолюдная улица — наполовину знакомая, а наполовину странная, будто сказочная. Журка быстро пошел мимо освещенных окон, и люди провожали его молчаливыми взглядами. Даже манекены из витрин удивленно следили за ним.

Мучаясь от этих неотрывных взглядов, от неловкости за свой театральный костюм, Журка свернул в переулок и понял, что оказался недалеко от парка.

«Вот и хорошо,— подумал он,— сейчас пробегу через кусты, потом через мост, а там рядом дом».

До ворот было далеко, и Журка подошел к решетчатой изгороди, чтобы найти лазейку. И увидел, что это не парковая решетка. Изгородь была сделана из дырчатых железных полос. Как там... где он спас Федота...

Страх опять накрыл Журку, и стало ясно, что не надо пробираться туда, за решетку. И совсем там не парк... Но лазейка открылась сама собой, и Журка полез в нее — сквозь страх, сквозь густую колючую траву и кусты. Не хотел, а лез...

Потом он выбрался на пригорок и оглянулся. Нет, кругом был все-таки парк. Только очень пустой и тихий. Смутно темнели замершие лодки качелей, подымалось над черными деревьями страшно громадное колесо обозрения.

Было темно и по-прежнему жутко. «Хоть бы огонек какой...» — подумал Журка.

И тогда среди спиц колеса разгорелось большое светлое пятно, превратилось в ясный круг. Это была, кажется, луна, только очень яркая. Почти как солнце, но с голубоватым светом. И Журка понял, что теперь совсем не страшно. И что не стоило прятаться, потому что на нем был не костюм

принца, а простая школьная форма. А от придворной одежды у него только шпага.

Журка вынул эту шпагу — не от страха, а на всякий случай — и стал спускаться с пригорка. И чем дальше он шел, тем яснее понимал, что оказался в парке не из-за косых взглядов прохожих. Он здесь, чтобы встретиться наконец с Ромкой.

Ромка был где-то совсем близко. Где? Почему не идет навстречу? Журка побежал. Свернул на боковую дорожку, выскочил на лужайку позади киоска. Здесь валялись пустые фанерные ящики...

Ромка стоял на краю лужайки. Он был какой-то странный, понурый, одетый в зимнее пальто и шапку. И на Журку не смотрел. Будто дремал стоя.

Журка подбежал, тряхнул его.

— Ромка! Ты чего такой! Почему так закутался?

Ромка вздрогнул, поднял глаза. Обрадовался, но сказал с мягким упреком:

— Конечно... Я тебя сколько жду. С самой зимы.

«Ой! — подумал Журка.— Почему же так получилось?»

Но Ромка уже улыбался, как всегда. Он сбросил с плеч пальто, размотал шарф, скинул в траву шапку. Теперь он был в такой же, как Журка, форме. Но тут же он снял и школьную курточку и остался в знакомой желтой рубашке с черной ленточкой. Только на ленточке было вышито сейчас не «Windrons», а просто «Ромка».

— Ну, пойдем куда-нибудь,—сказал Ромка и протянул Журке руки. Как тогда, при знакомстве у школы. Журка взял его пальцы и... увидел на них несколько маленьких круглых бородавок. Он замер. Он вдруг ясно понял, что если поднимет взгляд, то увидит не желтую рубашку с черной ленточкой, а синюю — с цветными колечками на кармане. И темные, смотрящие из пугливой глубины глаза...

Он все же сделал усилие, посмотрел. Нет, это был по-прежнему Ромка, такой же, как и раньше. Только теперь без улыбки. Медленно и задумчиво Ромка спросил:

— Ты отправил Иринке фотоснимки?

— Нет еще...

— А Горька...

— Что Горька? — с неожиданной тревогой отозвался Журка.

— Ты повесил его фотографию рядом с моей?

— Зачем?

Ромка сказал уклончиво:

— Ну... он же просил.

— Нет... Он не просил... Он не так...— с непонятным страхом забормотал Журка. А Ромка глянул потемневшими глазами и озабоченно проговорил:

— Странно, что он не пришел к тебе вечером. Он обещал. Даже хотел остаться ночевать...

«А ведь правда!» — ахнул Журка, вспомнив, как целый вечер ждал Горьку.

«Но ведь я еще не был дома!»

«Нет, был. А Горьки не было...»

Журка быстро сжал на прощание Ромкины пальцы с маленькими бородавками, мельком успел все же заметить синюю рубашку с колечками и, скрутив себе нервы, разорвал сон.

...Светило в окно солнечное утро. Но остатки сна еще стучали в Журке редкими тревожными ударами. И страх не проходил. Потому что в самом деле Горька вчера вечером не пришел, хотя и обещал...

Журка взглянул на будильник: было около шести. Он вскочил, уперся ладонями в стену, посмотрел на Ромкин портрет. Сказал с упреком:

— Ты чего снишься так по-дурацки?

Но Ромка улыбался ясно и открыто. Это был настоящий Ромка, не из тревожного сна. Он ничего не знал про Горьку...

Журка торопливо оделся, махнул из окна на тополь, спустился по стволу. Май — это еще не лето. Утро было безоблачное, но зябкое, и Журку сразу заколотил озноб. Особенно когда пришлось бежать через пустырь. Там вовсю разрослись лопухи, и сейчас они были в ледяной росе.

Дрожа от холода и тревоги, Журка примчался к Горькиному дому, встал на цыпочки, заглянул в полутемную комнату.

Напротив у стены стоял диванчик, и на диванчике Журка различил закутанный в одеяло ком. Из одеяла торчала нога. Ком зашевелился, нога торопливо спряталась, будто Журкин взгляд пощекотал ее. Журка засмеялся от облегчения и шагом, уже не боясь мокрых лопухов, двинулся домой. По тополю и через окно он забрался к себе в комнату. Там он опять улегся в постель и проспал до половины девятого...

Проснувшись, он уже знал, что будет делать. Нужно увидеть Валерика. Зачем? Журка не мог себе объяснить, чувствовал только, что надо. Хотелось. Он почему-то стеснялся этого желания, но понимал, что не успокоится, пока не встретится с Валериком.

После завтрака Журка взял с гвоздя тонкую пластиковую сумку с рекламой сигарет «Мальборо» и побежал на троллейбусную остановку.

Первый троллейбус был, конечно, «дрынка». Журка огрел его по корме свернутой в трубку сумкой. Он нервничал. Ему казалось, что он может куда-то опоздать. Но тут подошла другая «шестерка».

Журка ехал и удивлялся, какой громадный город. Через полчаса потянулись улицы, где он еще никогда не бывал. Мелькнуло здание с колоннами, из-за которого уходила в вышину решетчатая телевышка, и Журка с холодком волнения подумал о завтрашнем спектакле. Но это будет завтра. А сегодня... Журке казалось, что сегодня тоже случится что-то необычное.

Хорошее?

Или опять «молния»?

На «Сельмаш» приехали через час. Журка вышел на конечной остановке и растерянно оглянулся. Здесь все равно, что в другом городе. Куда идти, где искать Валеркин дом?

Над широкой площадью поднимались шестнадцатиэтажные разноцветные дома. Из боковой улицы выкатил звенящий трамвай, и Журка от удивления приоткрыл рот: в центре трамваев не было, и он даже не знал, что они водятся в этом городе...

Журка ощутил на себе чьи-то взгляды. У киоска «Союзпечати» стояли три парня лет по четырнадцати и непонятно смотрели на Журку. Он сразу вспомнил рассказы о здешних ребятах, об их любимой поговорке: «К нам не суйся — мы сельмашевские». И правда, в этих парнях было что-то подозрительное. Вроде как в компании Капрала.

Журка коротко вздохнул, щелкнул себя по колену сумкой и с екнувшим сердцем пошел прямо к ребятам. Сказал, глядя в лицо самому высокому:

— Мне на улицу Механизаторов надо. Это далеко?

Парни оказались ничего. С усмешкой, но толково объяснили, что «пойдешь вон в ту арку, а там протопаешь квартал и вертай налево».

Журка так и сделал.

За площадью дома были пониже, а улица Механизаторов оказалась совсем тихой: с лужайками,

палисадниками и деревянными штакетниками вдоль узких тротуаров.

Поглядывая на номера, Журка шагал мимо двухэтажных домов и неожиданно вышел на пустырь.

Пустырь был почти такой же, как у них на Парковой. Так же росли лопухи и валялись бетонные блоки. Среди лопухов и блоков гоняли мяч ребята. Совсем маленькие, класса из первого или второго. Они играли «в одни ворота». Штангами ворот служили два ржавых ведра. Между ведрами стоял мальчишка в широкой кепке, громадных перчатках и рыжем обвисшем свитере, из-под которого еле виднелись смятые в гармошку шортики.

Журка обрадовался. Потому что не надо было искать дом номер четыре и квартиру номер два. Потому что мальчишка был Валерик.

Журка подошел сзади и негромко сказал:

— Эй...

Валерик оглянулся. Испугался. Опустил руки, уронил с них перчатки. И Журка сразу понял, о чем он думает и чего боится. Журка сам вчера сказал: «Если чего, я к тебе приду...»

— Да все в порядке,— торопливо проговорил он.— Я к тебе так, по пустяковому делу.— Он развернул сумку.— Вот. Это вы вчера оставили?

Валерик, не понимая, смотрел то на сумку, то Журке в лицо.

— Я думал, это вы вчера забыли,— повторил Журка.— Вот и привез...

В глазах Валерика смешались радость и недоверие. Он чуть улыбнулся, тут же испугался своей улыбки и спросил:

— Ты из-за этой сумки?.. Нарочно приехал?

Журка небрежно сказал:
— Ну, а что делать? Сумка лежит под вешалкой, я подумал, что ваша.
— Не...— прошептал Валерик и опять нерешительно улыбнулся. А Журка подумал с запоздалым страхом: «Вдруг бы сказал: наша? Тогда что?» Тогда ясно стало бы, что совести у Валерки нет и знаться с ним больше нечего. И сумку пришлось бы отдать, чтобы не выглядеть дураком. И от мамы бы влетело, эта сумка ей нравилась.
Но Валерик мотнул головой и снова сказал:
— Не... не наша.
Потом в глазах его опять метнулось опасение. И тогда Журка проговорил:
— С отцом все нормально, ты не бойся. Я к тебе не ради того случая ехал.
Валерка глубоко передохнул, опустил глаза и вдруг тихо сказал:
— Ну и не ради сумки...
Эти слова застали Журку врасплох. Он понял, что сейчас начнет что-то доказывать, бормотать какие-то глупости. И тогда, сердито мотнув головой, он сказал:
— Да. У меня к тебе один вопрос. Ну-ка, давай сядем. Вон там.
Валерик послушно пошел к бетонному блоку, сел, с беспокойством глядя на Журку. Малыши перестали гонять мяч и подходили пестрой стайкой.
— Подождите,— остановил их Валерик негромко, но по-командирски. Они остановились в десяти шагах.
А Журка встал перед Валериком.
— Я насчет зубов,— объяснил он.
Валерик удивленно заморгал.
— Покажи, пожалуйста, какой тебе зуб сверлили,— попросил Журка.
Валерик широко раскрыл рот и ткнул туда пальцем.
— И...
Журка присел и сделал вид, что внимательно разглядывает. Потом спросил:
— Сейчас не болит?.. Постой, не закрывай рот, так скажи. Не болит?
— Ых,— сказал Валерик, чуть мотнув головой. Это было явное «нет».
— Завтра опять к врачу?
— Ыхы,— согласился Валерик
— «Ыхы» — это значит «да»? — уточнил Журка.
Валерик кивнул.
Журка выпрямился, коротко вздохнул, набираясь решимости, и сказал в упор:
— А теперь ответь. Вчера, когда тебя медсестра про меня спрашивала, брат я или нет, ты что сказал? «Ых» или «ыхы»?
Журка никогда не думал, что люди могут так сильно и стремительно краснеть. Валерик уронил голову, его щеки, уши и шея под черными нечесаными прядками сразу сделались вишневыми. Та же вишневая краска пошла по рукам, докатилась до ногтей. И наконец выступила даже на немытых коленках. Словно желая их спрятать, Валерка вцепился в них изо всех сил. Как вчера, дома у Журки. Ногти побелели.
Журка взял Валерика за кисти рук, мягко, но решительно приподнял. Пальцы разжались, и на коленях остались от них белые пятнышки. Валерик не сопротивлялся, но и голову не поднимал. Журка сказал:
— А я знаю, как вывести бородавки...
— Как? — шепотом спросил Валерик. Краска на его ушах немного посветлела.
— А помнишь, как Том Сойер и Гек Финн их сводили?
— Кто? — бормотнул Валерик.
— Ты что, не читал про Тома Сойера?
— А, читал... Нам в классе читали,— вспомнил Валерик и наконец поднял лицо, стыдливо посмотрел на Журку. В глазах у Валерика была мольба: «Ты только больше не спрашивай меня про брата, ладно?»
«Не буду»,— глазами пообещал Журка и сказал:
— Читали, а не помнишь...
— Нет, я помню,— откликнулся Валерик.— Это с кошкой на кладбище... Это же все не по правде.
— Что не по правде? Том Сойер?
— Да нет. Про бородавки...
— А ты бы пошел на кладбище ночью?
Валерик улыбнулся слабо, но уже без опаски. Сказал доверчиво:
— Не... Это страшно...
— А я ходил. Ну так, чтобы себя проверить,— сказал Журка. Он вовсе не хвастался. Просто чувствовал, что надо продолжить разговор. Хоть о чем, лишь бы говорить.— Я ходил, и кошка там была. Только не дохлая. Вернее, кот. Его какие-то гады к кресту привязали... Теперь он у нас живет... Это в Картинске было, там кладбище недалеко от нашей улицы. Но оно не страшное, старое, вроде парка. Так что ничего особенного...
Валерик слушал, уже не пряча глаз. Потом сказал, сочувствуя Журке:
— Все-таки страшно... Все-таки это не парк.
— Ну, конечно, не парк, в парке веселее,— согласился Журка.— А ты в парке часто бываешь?
— В каком?
— В каком! В центральном, конечно. Там, где всякие аттракционы.
— Не... Я только два раза, давно. Он же далеко.
— Не так уж далеко. Сел на «шестерку» и доехал без пересадок.
— Я знаю. Одному неохота...
— Ну...— сказал Журка, будто переступая черту.— Если хочешь, поехали вместе.
Валерик удивился, весь как-то вскинулся, недоверчиво помолчал и спросил:
— Когда?
— Хоть сию минуту,— стараясь говорить небрежно, отозвался Журка.
— Давай! — с торопливой готовностью сказал Валерик. Схватил с травы перчатки, задрал на животе свитер, сунул перчатки под резинку на поясе и опять опустил подол. Смешно получилось, будто под свитером надулся большой живот.
Журка засмеялся:
— Ты что, так пойдешь? В этом малахае и с таким пузом?
— Ой, правда,— виновато сказал Валерик. Скинул в траву кепку, сдернул через голову свитер, бросил перчатки. Окликнул одного из малышей:
— Толька, я больше не играю. Надевай это все, если хочешь. Вставай за меня.
Бойкий веснушчатый Толька охотно забрал вратарское снаряжение, а Валерик робко спросил Журку:
— Так можно?
Он остался в белой майке с рукавами, на которой оранжевой и черной краской была напечатана улыбающаяся рожица тигренка. Она полиняла от многих стирок, но все равно выглядела задорно, по-боевому.
— В самый раз. Поехали,— сказал Журка. И спохватился:— Подожди. Ты зайди домой, маме скажи, что поехал...
— Мамы нет, она еще не скоро придет,— чуть насупившись, объяснил Валерик.— Она к тете Лене

поехала, чтобы насчет обмена комнаты договориться. Нам с этими соседями не житье...

Журку смутила его взрослая озабоченность. Но Валерик уже думал о другом. Он смотрел на Журку преданно, нетерпеливо и с беспокойством: «Ты не передумал?» И вдруг сказал:

— Может, ты думаешь, у меня денег нет? У меня полтинник есть. Вот...— Он неловко полез пальцами в плоский кармашек у пояса.

— У меня тоже есть,— весело откликнулся Журка.— На карусель хватит. У тебя голова на каруселях не кружится?

— Не-е...

Не бойся грома...

Писать большие письма Журка не любил. Потому что рука не успевала за мыслями — все, что пишешь, получалось коротко и сбивчиво. Хорошо бы придумать машинку, которая читает мысли и сразу печатает их на бумагу.

Тогда получилось бы вот что:

«Ришка, здравствуй!

Это уже второе мое письмо. В первом я послал ленточку «Windrous» и рассказал, как мы с папой мчались в аэропорт и вдруг — камень. От тебя письмо я тоже получил, но ты, когда его писала, мое первое письмо не получила. А теперь, наверное, получила и снова напишешь. Да?

...Ришка, я про того Валерку, который бросил камень. Я его должен был ненавидеть, а злости у меня не появилось. Почему-то даже наоборот... Понимаешь, Ришка, он беспомощный. И он на меня так смотрел, будто я для него последняя защита... В общем, я на другой день его разыскал и повез с собой в парк. Ну, в те места, где мы с тобой играли в прошлом году... Там теперь еще один новый аттракцион — «Спутник на орбите». А на железной дороге вагончики новые, разноцветные, а на них всякие звери нарисованы... Ришка, а во Владимире хороший парк? Там у вас в городе, говорят, кремль старинный на холме, красивый... Может, и правда, приеду. Мы там везде полазим, ладно?

...И опять про Валерку. Сперва он какой-то боязливый был, а потом сделался... ну, обыкновенный. Даже веселый. Мы с ним в парке чуть ли не до вечера проболтались, все деньги на карусели и на мороженое извели. А есть-то, знаешь, как захотелось! Я ему говорю: «Пойдем к нам, пообедаем. Не бойся!» Ну, а он, конечно, уперся. Да и я бы на его месте тоже... Тогда я, знаешь, что сделал? Повел его к Лидии Сергеевне. Чуть не силой затащил. А она обрадовалась. С Валеркой так же, как со мной, стала разговаривать. Будто давно его знает. Начала нас обедом кормить. Валерка опять будто заморозился, но потом ничего, оттаял. А тут еще Максимка с улицы пришел, начал меня и его вопросами донимать. С ним не заскучаешь, с Максимкой, ты же знаешь. Болтал, болтал, а потом мне говорит:

«Ты мне котенка подари-ри скор-рее» (он на днях «р» начал выговаривать, старается теперь).

Я говорю:

«Какого котенка?»

«Ну, Федот же когда-нибудь выр-родит котенков».

Мы с Лидией Сергеевной поглядели друг на друга и надуваться начали, чтобы хохот удержать. Потом я говорю:

«Ладно, если выродит, подарю».

А сам думаю: «Найду где-нибудь и принесу».

«Только р-рыжего».

«Рыжего трудно. Федот-то серый, а дети всегда на родителей похожи».

Он думал, думал и, знаешь, что придумал?

«А давай,— говорит,— покрасим его желтой краской. А когда котенок уже будет, мы его опять отмоем».

Знаешь, Ришка, мы все чуть не взорвались от хохота. Даже Валерка... Он, между прочим, так хорошо смеется, весело, когда не боится. У него даже голос теперь немного другой стал, чище как-то.

Мы тогда долго сидели у Лидии Сергеевны, потому что начался дождь с грозой. В эти дни у нас частые грозы. Мама боится и вздрагивает, а я люблю, когда грохает. Потому что гром — это не страшно, это уже после молнии. Если слышишь, как гремит, значит, молния ударила мимо... А какая у вас погода? У нас, если нет грозы, то тепло и солнечно. И от этого хорошее настроение.

...Ришка, только одно плохо: Горька на меня опять надулся. Кажется, сильно. Потому что я целый день был в парке с Валеркой, а Горька меня ждал, ждал... Но, понимаешь, нельзя было, чтобы Горька и Валерка вместе... Пока нельзя. Валерка его боится. Вернее, стесняется как-то... Я Горьке вечером хотел объяснить: «Понимаешь, так получилось, ты не обижайся...» А он: «Я и не обижаюсь, насильно мил не будешь». И пошел домой.

Вот это меня сегодня сильно грызет.

А еще грызет что-то непонятное из-за сегодняшней съемки для телепередачи. Да нет, я не боюсь, что плохо сыграю, и даже не волнуюсь, только кажется, что может что-то случиться. Вот этого боюсь, сам не знаю почему... Но ничего, это я переборю. И опять на всякий случай надену под майку свой старый пионерский галстук...»

Из-за съемки во всех классах отменили последние уроки (вот была радость в школе!). Учителя быстро отправили ребят по домам. Хорошо, что погода теплая,— в раздевалке никакой суеты. Среди учеников нашлись несознательные личности, которые пытались укрыться в разных классах и кабинетах: им хотелось потом просочиться в зал и поглазеть на телекамеры и операторов. Однако этих нарушителей быстро выловили и проводили к выходу. Им осталось разглядывать громадный серебристый фургон с буквами «TV» и два автобуса, которые стояли у школьного крыльца. От фургона и автобусов тянулись к школьным окнам толстые резиновые кабели.

А в школе стало пусто и гулко, как в каникулы. Только в зале возились у больших глазастых телекамер и многочисленных светильников молодые бородатые дядьки, а в раздевалке спортзала натягивали на себя театральные костюмы участники спектакля. Да в учительской переговаривались учителя — одни остались по делу, другие — из любопытства (их-то не выгонишь, как ребят)...

Журка украдкой поправил под футболкой галстук и торопливо натянул через голову узкую бархатную курточку с пышными рукавчиками у плеч и широким кружевным воротником. Подошел к молчаливому Горьке, сказал тихонько:

— Застегни, пожалуйста...

Это означало: «Горька, не сердись на меня. Я нисколечко не хотел тебя обижать. Я же не виноват, что так получается...»

Горька неторопливо и старательно затянул у Журки под воротником застежку «молнию». И ничего не сказал.

— Спасибо,— подождав, проговорил Журка.

Горька, наверно, не слышал. Он уже влезал в клетчатый комбинезон дежурного шута.

«Ну и пусть! — с резкой досадой подумал Журка.— В чем я виноват?»

Он кинул на плечи плащ и, позванивая шпорами, пошел из раздевалки. Почувствовал, что Горька смотрит вслед, но оглядываться не стал.

По звонким пустым лестницам Журка поднялся в зал. Здесь то зажигались, то гасли жгучие белые рефлекторы. На сцене стояла декорация «комната принца». За кулисами басовито вякали электрогитары и подавала голос флейта. Журкина тревога почти угасла. Стало расти привычное праздничное волнение, как всегда перед спектаклем.

Два бородатых оператора о чем-то негромко спорили с третьим, курчавым и темноволосым. Он держал в руках большой аппарат, видимо, кинокамеру. Что-то нервно говорил, качая камерой в сторону сцены. Потом отвернулся и, прихрамывая, отошел. Встретился взглядом с Журкой и вдруг улыбнулся. Незаметно, одними глазами, но так по-хорошему. Журка тоже улыбнулся и спросил:

— У вас кинокамера?

— Совершенно верно, ваше высочество,— отозвался курчавый оператор.

— А говорили, что будут на магнитную пленку снимать.

— Правильно, в основном на магнитную. А я на всякий случай, для подстраховки. И кое-какие детали снять надо...

— А-а...— сказал Журка и подумал: «Что бы еще спросить?» Ему не хотелось обрывать разговор. А оператор попросил:

— Слушай, ты не мог бы узнать у вашего начальства, есть у вас в школе электрик или нет? Осветители не могут подключиться, боятся все провода пожечь...

— Могу,— охотно сказал Журка. Вышел из зала и зашагал по пустому коридору к учительской.

Коридор был очень длинный. На желтых половицах ровно лежали прямоугольники солнца. Журке казалось, что идет он долго-долго. И вдруг подумалось ему, что это не коридор, а улица в незнакомом городе, а свет падает на мостовую из окон домов. И стучат по деревянному тротуару каблуки, позванивают шпоры.

А впереди какая-то дверь, и что за ней — неизвестно.

И это было предчувствие опасности...

Журка тряхнул головой, постучал и открыл дверь учительской.

Там были Вероника Григорьевна, Маргарита Васильевна, несколько полузнакомых учителей, завуч Виктор Борисович, еще одна завуч, Алла Геннадьевна, и даже директор Нина Семеновна. А чуть в стороне, у тумбочки с телефоном, стояла Эмма Львовна — командир всей телепередачи. Она отчетливо и решительно говорила в телефонную трубку:

— ...Да, я еще в пятницу предупреждала, что должен быть запасной рулон! Хорошо, проверьте. Нет, это надо сделать сейчас же. И сразу позвоните сюда, прямо в школу. Пятьдесят пять семьдесят ноль четыре. Нет, не Тихоновой, а Кергелен. Эмме Львовне Кергелен!

Она положила трубку, и Журке показалось, что сразу стало тихо-тихо.

Все смотрели на него.

— Ты что, Журавин? — спросила Маргарита Васильевна.— Хочешь сказать, что ребята уже готовы?

— Здравствуйте,— машинально сказал он.

— Здравствуй, здравствуй. Ну, в чем дело? Ты хочешь что-то спросить?

— Да...— проговорил Журка.— Нет... Я хотел сказать, что там ищут электрика... Но теперь, кажется, все равно...

— Почему все равно? — встревожилась Вероника Григорьевна.— Юра, что случилось?

Журка посмотрел на Эмму Львовну. Она, как и все, держала Журку под вопросительным взглядом. Журка глубоко вздохнул. Сделалось зябко, и стала надвигаться тишина — сильнее прежней. Похожая на оглушительный звон. Сквозь этот звон Журка громко спросил:

— Ваша фамилия Кергелен?

— Да. А в чем дело?

Журка опять вздохнул и спросил тише и решительней:

— Это вы в январе были режиссер передачи «Подросток — заботы и тревоги»?

— Да, я... Я постоянный режиссер этого цикла. А все-таки, в чем дело?

Журка сказал устало, но твердо:

— Я не буду сниматься.

То, что было потом, Журка запомнил как отрывки. Яркие, но перемешанные.

Кажется, после своих слов он сразу повернулся и пошел из учительской. В раздевалку. Чтобы переодеться и поскорее уйти домой. На середине коридора его догнали Маргарита и Эмма Львовна.

— Журавин, стой! Это что за фокусы?

И он понял, что ничего не кончилось.

— Это не фокусы. Я не хочу сниматься с этой... с этим человеком. Из-за нее уехала Иринка.

— Как ты разговариваешь! Какая Иринка? Что за чушь!

— Это не чушь! Когда она в своей передаче Иринкиного отца... А он не виноват! Даже не разобрались! А теперь я должен сниматься, да?!

Видимо, они поняли, наконец, в чем дело. Только неясно, когда поняли: сразу или потом, в зале... Как все оказались в зале, Журка не помнил. Помнил только яркие лампы и шум голосов. Он почему-то стоял на сцене, сзади его обступали восьмиклассники в форме королевских гвардейцев, а перед ним стояли Маргарита, Эмма Львовна, учителя. И говорили, говорили наперебой. О том, что он не имеет права срывать... О том, что сейчас не время разбираться в старых обидах... О том, что та передача не имеет никакого отношения к этой... О том, что Журавин должен успокоиться, взять себя в руки и помнить о чести школы...

Он слушал, не перебивая. Но когда все умолкали, ожидая ответа, он говорил:

— Нет.

— Что значит нет? Журавин! Кто тебе дал право решать?

А ему никто не давал. Он сам решил. Он так и сказал:

— Я сам.

Тогда взорвался Виктор Борисович. Он подскочил, затопал блестящими туфлями, замахал кулачками, визгливо закричал:

— Вылетишь из школы как пробка!

Журка закрыл глаза, но не шелохнулся. Что он еще мог? Только так стоять и не двигаться. От крика, от угроз, от этого злого напора, от резкого света, который горел неизвестно зачем, Журка ощутил себя совсем беспомощным. Страха не было, но подкатили слезы, и Журка загнал их внутрь крупными глотками.

И когда загнал, стало легче.

— Не кричите на меня,— сказал он Виктору Борисовичу.

Тот задохнулся:

— Ах ты... Дерзец!

— Тихо, тихо, товарищи...— Это поднялась на сцену директор Нина Семеновна.— Виктор Борисович, не волнуйтесь, у вас сердце... И давайте разберемся по порядку. Я уже в курсе... Товарищи, выключите там ваши прожекторы...

Сразу стало хорошо-хорошо. И светлый день за окнами показался мягким и спокойным. И Нина Семеновна была тоже спокойная, добродушная, уверенная, что в ее школе не может быть никакого беспорядка и несправедливости.

Журка передохнул.

Нина Семеновна присела на фанерный, расписанный бронзовыми завитушками диванчик. Оглядела всех. Гвардейцы-восьмиклассники отступили к самым кулисам. Там же растерянно топталась Лида Синявина в платье из мешковины и стоял сумрачный Горька.

— Товарищи,— укоризненно сказала Нина Семеновна.— Почему все, не разобравшись, накинулись на Юру Журавина? Разве у мальчика двенадцати лет не может быть своих принципов, своих убеждений? А если он в чем-то прав?

— Но, Нина Семеновна...

— Минуточку, Маргарита Васильевна. Журавин ваш ученик. Скажите, он был когда-нибудь злостным нарушителем дисциплины? Обманщиком? Трусом, ябедой, хулиганом?

— Нет... Правда, тот случай зимой...

— Я в курсе. В том случае Журавин действовал необдуманно, однако в этих действиях была своя правота. И свое благородство. Он защищал девочку. И сейчас... Сейчас Юра тоже поступает искренне. И наша задача не кричать на него, а спокойно объяснить, в чем он ошибается... А может быть, Юра, ты понял уже сам?

— Нет,— сказал Журка, и опять в нем натянулись все нервы.

— Тогда послушай... Допустим, в той передаче Эммы Львовны были свои просчеты...

— Простите, товарищ директор, но о моих просчетах...— взвинченно перебила Эмма Львовна.

— Одну секунду. Я сказала «допустим». Но посуди сам, Журавин, разве режиссер Кергелен хотела

кого-то сознательно обидеть? Зачем ей это было нужно?

— Ей нужны были выразительные кадры,— дерзко сказал Журка. Потому что в его памяти как бы размоталась вся лента передачи. И снова он увидел залитое слезами, измятое лицо женщины, услышал ее беспомощный голос: «Я же его люблю, он же сыночек мой...» И теперь он четко знал, что это было лицо Валеркиной матери...

— Ей кинокадры, а людям горе. Ни над кем, даже над виноватыми людьми, нельзя так издеваться,— уже совсем бесстрашно проговорил Журка.

— Журавин, Журавин,— изменившимся голосом произнесла Нина Семеновна.— Ты позволяешь себе лишнее.

— Тогда отпустите меня домой,— тихо попросил Журка.

— Домой — это невозможно. Ты смеешься! А спектакль? Ты должен сниматься, это твой долг. Понимаешь — долг.

— Нет.

Виктор Борисович, Маргарита Васильевна и завуч Алла Геннадьевна качнулись к нему. Директор остановила их движением ладони.

— Журавин... Здесь собрались десять взрослых людей. Опытных, знающих свое дело и, уверяю тебе, неглупых. И все говорят тебе: «Юра, ты ошибаешься». Почему ты не можешь нам поверить? Почему ты, еще мальчик, считаешь, будто ты прав, а все взрослые не правы?

У Журки заболела голова, словно опять зажглись рефлекторы. И он сказал сквозь эту боль:

— Взрослые, конечно, всегда правы. Но я еще не взрослый. Зачем мне эта ваша правота?

— Я тебя не понимаю.

— Брандукова не стала бы сниматься, если бы узнала, кто режиссер. А я, значит, должен быть предателем?

— Но Брандукова уехала во Владимир! — вмешалась Маргарита Васильевна.— Она никогда не увидит этой передачи!

— Если не увидит, значит, можно? — сказал Журка. И услышал резкий короткий смех. Это зло и непонятно засмеялся у кулисы Горька.

— Но кто же виноват, что все так сложилось! — воскликнула Маргарита Васильевна.— Нельзя же из-за одного случая срывать общее дело! Теперь с Брандуковой все равно ничего не исправить! Что же делать?

Журка не знал, что надо делать.

Но он точно знал, что делать не надо. Не надо сниматься.

— Я пойду? — спросил у Нины Семеновны Журка.

— Никуда ты не пойдешь! — Она крикнула это уже без всякого добродушия.— Довольно комедий! Эмма Львовна, у вас все готово? Сейчас будем начинать!

— Нет,— сказал Журка. И увидел, как внизу у сцены ходит взад-вперед незнакомая седая дама (наверно, тоже с телестудии). Она ходила, держалась за виски и повторяла:

— Немыслимо. Немыслимо. Какой-то мальчишка... Это не позволяют себе заслуженные артисты...

— Наверно, он думает, что передача нужна мне,— с резкой насмешкой произнесла Эмма Львовна.— Да объясните вы ему, что передача нужна тысячам зрителей. Нужна вашей школе. Людям нужна! И объясните ему, что простаивает техника! Из-за него. Он знает, во сколько обходится минута простоя телевизионной аппаратуры? А если студия предъявит счет его родителям? Они же не расплатятся всю жизнь!

Голова перестала болеть, но слегка кружилась. И было все как во сне, когда снится бой и очень обидно, что ты в этом бою один и не сможешь победить. Но это был не сон. Журка сказал:

— Сам расплачусь, если надо.

— Вы посмотрите! — воскликнула завуч Алла Геннадьевна.— Какой миллионер! Ты что, наследство получил?

— Да,— сказал Журка и подумал, что пусть. Дедушка не обиделся бы за книги. Он же сам писал: надо делать по-своему, если считаешь, что прав.

Откуда-то издалека, из зала вдруг дошел до сцены спокойный и молодой голос:

— Зачем пугаете мальчишку? Кто его заставит платить? Он же не подписывал договор, чтобы сниматься...

Журка бросил взгляд в сторону телекамер и опять увидел курчавого оператора.

— А вас, Кошкарев, кто просил вмешиваться?— зло сказала Эмма Львовна.— Ваше дело — вспомогательная съемка.

— Если бы только это...— ответил оператор Кошкарев.

— Защитники нашлись... — бросила Эмма Львовна.

— Защитники не помогут,— сухо отозвалась Нина Семеновна.— Журавин должен понимать, что он срывает работу целой организации. Это как минимум стоит неудовлетворительной оценки по поведению за весь учебный год. И соответствующей характеристики.

Журка вспомнил Димку Телегина и сказал:

— Впереди еще пять лет, исправлю.

— Но ты, дорогой мой, не исправишь другого! — вмешалась завуч Алла Геннадьевна, которая ведала внеклассной работой.— Тебя вышибут... да-да, именно вышибут из пионеров! — Очки ее, похожие на свадебную эмблему, торжественно засверкали.

— За что?! — крикнул Журка.— Что я сделал? Воровал или хулиганил? Или предал кого-нибудь? Просто сниматься не хочу!

— Вот за это и будешь исключен...

— А вот и не буду! Отряд не даст! А без отряда нельзя.

— Отряд проголосует, как нужно...

— А я галстук не отдам. Зубами вцеплюсь.

— Цепляйся, цепляйся. Доцепляешься... до колонии.

— Что вам от меня надо? — сказал им всем Журка.— Все равно я не буду сниматься.— И вдруг он заплакал. Неожиданно для себя. Все сильнее и сильнее. Неудержимо. Сел на диванчик, на котором недавно сидела Нина Семеновна. Прислонился щекой к покрашенному бронзовой пудрой подлокотнику.

Стало тихо-тихо. Журка слышал только свои всхлипы. Потом кто-то сказал чуть виновато:

— Ну вот, сам себя довел...

— Какая съемка, когда он в таком состоянии,— негромко и досадливо произнесла Эмма Львовна Кергелен.

И совсем тихо (наверно, думая, что Журка не слышит) возразила ей Маргарита:

— Да поймите вы, что дело не в передаче. В нем дело. Если мы его сейчас не убедим, что будет потом? В шестом классе, в седьмом, в восьмом? То, что он делает,— неподчинение. Для школы это хуже хулиганства и воровства.

— Но вы его уже убедили,— пренебрежительно сказала Кергелен.

«Да? — подумал Журка.— Черта с два...»

Они решили, что если он плачет — значит, готов. Но слезы сами по себе, а он сам по себе. Он всхлипнул еще раз, встал, вытер ладонями мокрые щеки со следами бронзового порошка и упрямо спросил:

— Можно мне идти домой?

Нет, его не пустили домой. Виктор Борисович закричал, что надо немедленно вызвать родителей.

— Они на работе,— сказал Журка.

Алла Геннадьевна подвела Веронику Григорьевну.

— Посмотри ей в глаза! Посмотри, посмотри. Она писала пьесу, старалась. А ты... Вероника Григорьевна, скажите ему!

Посмотреть? Ладно! Журка вскинул залитые слезами глаза. Но Вероника Григорьевна смотрела в сторону.

— Оставьте мальчика,— сказала она.— Пусть он решает сам. И пошла, такая усталая и грузная, что под ней прогибалась сцена.

— Ты бестолочь, Журавин,— шепнула Маргарита.— Ты знаешь, что с тобой сделают ее восьмиклассники?

Ее услышали. В молчаливой шеренге восьмиклассников прошелестел невнятный шепот. Потом оттуда сказали:

— Никто его не тронет.

Журка узнал: это был Егор Гладков.

— Правильно! — подхватила Маргарита.— Потому что у вас есть благородство! А у него благородства ни на грош! Из-за своего каприза он подводит телестудию, подводит школу, своих товарищей, которые пришли на съемку как на праздник!.. За что ты им так мстишь, Журавин? В чем виновата вот она? — Маргарита ткнула в сторону Лиды Синявиной.— Вот он! — В сторону длинного девятиклассника Олега Ножкина, который играл короля.— Вот он! — В сторону Горьки. Горька хмуро усмехнулся.

— А я в чем виноват? — с отчаянием спросил Журка.— В том, что не хочу быть предателем?

— О господи! Да нет здесь никакого предательства! Ты его выдумал! Ясно? На самом деле его нет!

— Есть,— сказал Журка.

— Нет его, нет! — крикнула Маргарита, наливаясь помидорной краснотой.

— Иринка не стала бы сниматься. Я тоже не буду, я ее друг.

Снова откуда-то появилась Эмма Львовна.

— Мне эта передача не нужна! Но мы не можем сейчас тебе в угоду заменить режиссера.

— И не надо,— вдруг успокоившись, заявила Маргарита.— Журавин просто болен, оставим его. Вероника Григорьевна, вы говорили, что Валохин знает роль принца не хуже Журавина, верно? Вот и пусть играет. А без шута можно обойтись. Как вы считаете?

— Как хотите,— издалека сказала Вероника Григорьевна.

— Вот и прекрасно! Валохин, переодевайся!.. Или, может быть, Журавин не даст свой костюм?

— Да нет, пусть берет...— растерянно сказал Журка. И добавил пренебрежительно: — Пожалуйста. Если хочет...

Он посмотрел на Горьку мокрыми презрительными глазами... и сразу подавился стыдом, как горячей кашей. «Ты что? — взглядом спрашивал его Горька.— Ты забыл? Забыл, как вечерами читали книги о плаваниях и бурях? Как я учил тебя летать на веревке? Как ты бежал за моим отцом и кричал, что я не виноват? Как мы там, на баррикаде из ящиков, стояли плечом к плечу... Думаешь, ты один такой гордый, а остальные — тьфу!»

«Горька, я...»

«Ладно, подожди...»

Горька сложил на груди тонкие клетчатые руки и сказал со спокойным удивлением:

— Надо же... А меня и не спросили.

— А тебя и не спросят,— с угрожающей ласковостью разъяснила Маргарита.— Ты будешь делать, что скажут. Иначе живенько сообщим отцу, а он впишет тебе, что положено...

Журка повернулся к ней так, что отлетела шпора.

— Вы что...— с тихой яростью сказал он.— Вы...

Но Горька перебил его. Он ответил негромко и чуть лениво:

— Не впишет. Он от нас ушел.

«Правда?» — с удивлением и тревогой взглянул на него Журка.

«Правда».

Так вот почему Горька был в эти дни такой... Пришелся и по нему злой удар. А может, и не удар? Может, это лучше? Ведь Горька жил при отце в постоянном страхе... Но почему в страхе? Откуда берутся такие отцы? Как ни поверни — все равно горе.

И никакая машина не поможет, дурак он был, Журка. Думал: тысячи спутников над всей Землей, лучи, волны, пульты с миллионами сигнальных огоньков! Нажал кнопку — и отвел чье-то горе. А как отведешь, если горе делают сами люди? Если кому-то в радость чья-то боль? Если одни смеются, когда другие плачут? Тут все пульты задымят сгоревшими предохранителями, полопаются все сигнальные лампочки и спутники посыплются, как битые елочные игрушки...

— ...Журавин, ты слышишь?

— Что?

— В последний раз тебя спрашивают: ты всерьез намерен сорвать телезапись?

— Журавин!..

— Журавин!..

— Журавин!..

То крик, то опять спокойные и убедительные слова. Такие правильные! Ведь в самом деле срывается передача, простаивает съемочная техника, обижена Вероника Григорьевна, чуть не плачет Лида Синявина — ей так хотелось увидеть себя на экране! И все из-за него, из-за Журки...

— Журавин, как ты не можешь понять...

Он может. Он все понимает. Под лавиной справедливых слов, под их громадной взрослой правотой сжимается в крошечный комок его собственная правота.

В комок? В маленький неразбиваемый кристалл с колючими углами и гранями.

— Жу-ра-вин!

— Да подождите! — отчаянно сказал он и прижал к лицу ладони.— Ну, подождите, дайте подумать...

И сразу все замолчали. И в наступившей тишине было слышно только дыхание, а потом еще еле различимый свист. Кто-то про себя насвистывал в зале песенку. И Журка догадался, кто. И песенку вспомнил: про кораблик и дальние острова. Она звучала сквозь дыхание тех, кто ждал Журкиного ответа.

А чего они ждут? Когда он оторвет от лица ладони и скажет, что согласен? Они не знают, что он обманывает. Ни о чем он не думает, ничего не решает. Просто закрылся, чтобы хоть минуту от-

дохнуть от их напора, от угроз и уговоров, от слов — таких верных и справедливых, что с ними невозможно спорить. Как он может спорить? Что он возразит этим людям, которые сильнее, умнее, старше?

Журка опустил руки, потрогал языком заросший рубчик на нижней губе и сказал:

— Нет.

* * *

Вот здесь бы и кончить повесть о Журавленке и его друзьях. Но не получается. Из-за одной мелочи. Когда Журку и Горьку все же отпустили (а вернее, гневно прогнали), оказалось, что внизу, у спортзала, заперта раздевалка.

Техничка тетя Лиза сердито сказала:

— Ничего не знаю. Не велено открывать.— И ушла, ворча и звеня ключами.

— Отомстили,— хмыкнул Горька.

— Глупо,— сказал Журка.— Думают, что ли, что мы обратно пойдем?

Он устало сел на скамейку у дверей. Журка тоже. В окнах стоял пасмурный свет, и это ничуть не удивило Журку. Столько времени продолжался этот бой там, наверху! Конечно, уже вечер...

Журка поставил перед собой шпагу, уперся щекой в рукоятку. Посмотрел на Горьку. Тот сидел, уронив руки между коленей, обтянутых шахматными штанинами.

— Правда, отец ушел? — спросил Журка.

— Правда. Три дня назад.

— Горька... Плохо, да?

— Не знаю... Мать изводится.

— Горька, ты... Ты меня прости.

— За что? — как-то необычно ласково спросил Горька.

— За все. За вчерашний день.

— Ой, да ладно тебе. Я же понимаю...

— С этим Валеркой... Видишь, он...

— Да понимаю я. Куда тебе деваться, раз он сказал про брата... Наверно, у каждого человека должен быть брат...

— Наверно,— сказал Журка и поднял голову.

И Горька поднял голову. И убрал с глаз медные пряди.

— Я про это не раз думал,— сказал Горька.

— Про брата? Чтобы у каждого?

— Да.

— Тогда давай,— сказал Журка. После того, что было в зале, после спора и упорства, слез и решительности он чувствовал, что надо теперь говорить без нужного смущения — честно и ясно. Такая пришла минута.

— Давай,— отозвался Горька, и глаза его посветлели.

— Давай. Чтобы ты и Валерка, и Ришка, и я... Это же можно!

— Можно.

— Это будет в тысячу раз лучше машины...

— Какой машины?

— Да так, это моя фантазия... Потом я расскажу.

— Ты расскажи...

— Вот пойдем домой — и расскажу.

— Ладно... А как пойдем? Не в этом же! — Горька дернул себя за пышную манжету на узком рукаве.

«Да, в самом деле,— подумал Журка.— Но, значит, надо идти к Маргарите, просить, чтобы открыли раздевалку...»

— Нет уж, туда я больше не пойду,— сумрачно сказал он.

— Я тоже...

— Лучше уж так идти домой... Нет, правда. Три квартала пробежать. Если кто удивится и спросит, скажем: из драмкружка. Что особенного? А форму и сумки потом отсюда заберем.

— Тебе-то хорошо, ты все-таки принц. А я в этом клоунском наряде... Всем людям на потеху... Лучше уж совсем голым.

— Придумаешь тоже...

— А чего? Никто и не удивится, наоборот, скажут: молодцы. Скинули одежду, чтоб не замочить, и лупят в трусах под дождем!

— Под каким дождем?

— Ты что, не видишь?

За окнами прошелся по листьям резкий ветер, закрутились на асфальте пыльные вихри. И Журка наконец понял, что совсем еще не вечер, а просто надвинулась грозовая туча.

Мигнул розовый свет, а через несколько секунд прокатился над школой рокочущий гул. И ударили по стеклам большие капли.

— Ура! — сказал Журка.— Погода за нас! Ну-ка, расстегни мне сзади воротник...

— Давай... Готово. Журка, а зачем у тебя галстук под майкой? Я еще утром заметил...

— Надо. На счастье.

Они скатали в тугие муфты свои придворные доспехи и выскочили в тамбур. Дождь с нарастающей силой бил по автобусам у крыльца, над серебристым фургоном висела белая водяная пыль.— Ну, дает,— сказал Горька и зябко переступил тонкими ногами.

— Да ничего, прорвемся! Нам не страшен серый волк! Бежим?

— Ага! Раз, два...

— Нет, постой! Вот как трахнет гром — сразу рвем!

Гром трахнул немедленно. И они бросились под упругие безжалостные струи. Ой-ей-ей какие холодные!

Но это сперва холодные. А потом ничего. Только очень уж здорово хлещут.

Сквозь ливень, сквозь мгновенные розовые вспышки и грохот майской грозы Журка и Горька мчались вниз по Крутому переулку. Журка почти захлебывался ливнем. Скользкий асфальт больно бил по босым пяткам и вырывался из-под ног. Промокший галстук (Журка его так и не снял) прилип к телу. Было жутковато и весело.

— Журка, не отставай!

— Я лечу! Только очень скользко!

Их обгоняли бурливые ручьи. Вернее, это был уже один поток, несущийся по мостовой и тротуарам.

Внизу, недалеко от Парковой улицы, вода с ревом срывалась в черный провал — в широкую, сантиметров тридцать, щель, которая открылась на мостовой и как бы разрубила правую часть дороги.

— Во какая пасть! Водопады глотает! — на бегу крикнул Горька. И оглянулся: — Журка, ты что?

А Журка стоял. Вода бурлила у его щиколоток и уносилась в гудящую пустоту. Журка сделал осторожный шаг — ближе к провалу. Пласт лопнувшего асфальта упруго закачался под ступнями.

— Ты что! — заорал подлетевший Горька.— Смоет! Или провалишься!

— А что там такое?

В это время огненная линия полоснула над крышами и трахнула так, что, казалось, на секунду остановился дождь. А потом захлестал пуще прежнего.

Черная пустота втягивала в себя потоки.

— Что там? — опять крикнул Журка.

— Черт его знает! Какой-то подземный канал открылся или труба! Канализация какая-нибудь!

— Нет! Там целое подземелье! Как это могло случиться? Под самой дорогой! Крепеж разрушило, что ли?

— Не знаю! Потом разберемся! — закричал Горька. Струи лупили его по худым плечам и по голове с облипшими волосами.— Бежим!

— Подожди! А может, это подземный ход с Маковой горы?

— Может быть! Бежим!

Но Журка стоял. Он-то был сыном шофера. Он знал, что случится, если на скользкой дороге врежется передними колесами в эту щель автомобиль.

— Машина может грохнуться!

— Да не грохнется! Здесь они не ходят!

— А если на улице Мира опять проезд зальет? Все машины сюда повернут!

— А что делать?— крикнул Горька и присел от громового удара.

— Беги в школу! Скажи кому-нибудь, чтобы позвонили в ГАИ. Егору скажи!

— Бежим вместе!

— Да нельзя вместе! Я сигналить буду, если поедут! Вот, галстуком! — Журка дернул на шее слипшийся галстук.— Беги, ты в кедах, а у меня ноги скользят!

Горька рванул навстречу потокам и ливню. И на середине переулка скрылся за водяной завесой.

Журка оглянулся. До этого момента он не чувствовал холода, он был как бы сам частью стремительного дождя. Но сейчас задрожал.

Над тротуаром на высоте второго этажа горело окно. Там, в доме, зажгли очень яркую лампу, и широкий квадратный луч пробивался сквозь сверкающую толщу ливневых струй. Он чуть наклонно шел над мостовой и рассеивался на другой стороне улицы.

Журка машинально встал под этот луч, будто здесь было теплее.

Видимо, над Крутым переулком был самый центр грозы. Молнии стреляли уже не розовым, а белым светом, и гром трахал за ними сразу, без малейшей задержки. Журка пригибался от взрывов электрического треска, но делал это машинально. Он знал, что грома бояться нечего...

После очередного удара он не услышал, а скорее угадал, что сверху надвигается машина. И правда, за стеною ливня забрезжили размытые пятна горящих фар, а чуть позже проступил квадратный силуэт автобуса или автофургона.

Теперь все пошло очень быстро. Журка бросил к ногам сверток с одеждой, наступил на него, чтобы не смыло, рывками растянул на шее узел, вскинул в кулаке галстук. Но ткань была темная от воды, струи прижали ее к руке.

«Не заметят,— понял Журка.— А если и заметят, ничего не поймут».

А когда поймут, будет поздно!

Если бы галстук — на свет!

Но луч шел высоко над головой — не достать, не допрыгнуть.

Журка нагнулся, выхватил из одежды шпагу. Ножны отлетели, и вода смыла их в провал. Журка намотал галстук на конец клинка, затянул узел, вскинул тонкий клинок над головой. Все равно не хватало высоты. Чуть-чуть! А тяжелый автомобиль шел, шел, шел, и его фары расцветали за стеклянной стеной ливня, как громадные подсолнухи.

Журка встал на цыпочки и яростно тянулся к лучу. Наконец, то ли кто-то шевельнул в доме лампу, то ли сам Журка через силу рванулся по вертикали — луч коснулся галстука. Сырой клубок ткани налился неярким, но отчетливым багровым светом.

Теперь заметят! Если не смогут затормозить, то в крайнем случае отвернут. Лишь бы устоять, не упасть...

И он стоял, вытянувшись вверх, и каждая жилка стонала в нем, дрожа от яростной и нервной силы. Струи били по лицу, но он не закрывал глаз и смотрел на свой крошечный красный сигнал.

Опять вспыхнула над головой трескучая оглушительная звезда. Журка пригнулся и вытянулся вновь.

«Если ударит в клинок, я, наверно, не услышу грома»,— подумал он. И стоял...

Молнии рубили ливневое пространство над соседними крышами, и каждая могла пройти обжигающим ударом через тонкую сталь клинка и струны Журкиного тела.

Не ударит? Не попадет?

Может быть, нет.

На этот раз, наверное, нет...

Но впереди еще столько гроз...

И если вы увидите под ливнем и молниями Журавленка, пожалуйста, поспешите ему на помощь.

Поспешите, как спешили восьмиклассники, поднятые отчаянным Горькиным криком.

А мальчишки злятся

Два года назад я перешла учиться в новую школу. Прошло две недели, и девчонки из нашего класса спросили меня: «Кто тебе из наших мальчишек нравится?». Я, ничего не подозревая, сказала: «Сергей. А что?». На следующий день на доске появилась формула моей «любви»: «Аня + Сергей = !!!». И началось...

Я сначала не расстраивалась. Думала, ну, побесятся девчонки неделю — успокоятся. Но как бы не так! Это продолжается вот уже два года. Все замечают наши любознательные девчонки: и что Сергей мне ластик на уроке протянул, и что я десять копеек ему на булочку дала, и что он назвал меня по имени, и что мы случайно встретились на дороге к школе. Из каждой мелочи раздувается целая история.

Не думайте, что я одна такая. К другим девчонкам такое же отношение. Андрей заступился за Наташку — так-так, с ним все ясно. Валерка стукнул Витьку за то, что тот назвал Таню по фамилии,— ну-ну, да вы что, не догадываетесь?

По классу на уроках летают записочки. И опять в них та же тема: «Лена, правда, Мишка тебя вчера пригласил в кино?», «Аня, почему ты не разговариваешь с Сергеем?». Мальчишки злятся.

На классных часах обсуждаем, что класс у нас недружный, что ни одного дела мы сообща не сделали. А как же со всеми подружиться, если каждое утро ждешь: на доске должна появиться новая формула. И опять — хохот за спиной, многозначительные взгляды. Надоело!

Аня В.,
Ленинград.

Изюминка

В прошлом году в нашем селе гостили студенты музыкального училища из Ленинграда.

Несколько человек из нашей школы умеют играть на музыкальных инструментах, и мы попросили студентов помочь нам организовать ансамбль. «Хорошо,— сказали они.— Давайте попробуем».

Долго мы репетировали, но плохо получалось. «Ничего страшного,— сказали студенты.— Дело в малом. Изюминки не хватает». «Какой такой изюминки?» — спрашиваем. «Самой маленькой. Чтобы ансамбль украшала».

Стали мы думать. Думали, думали. Хотели уже разойтись. И вдруг я догадалась. «Стойте! — кричу.— Принесу сейчас изюминку!»

Летом у моей бабушки гостила подруга. Она привезла мне в подарок четыре колокольчика. Они-то нас и выручили.

Вот и вся история. Ансамбль наш мы назвали «Колокольчик». Приезжайте в гости. Мы вам сыграем.

Райся МУСТАФИНА,
с. Н. Мочалей, Горьковская область.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. Как называется рассказ Горького, который мы читали на прошлом уроке?
Ученик. «Старуха Баскервиль».

Вениамин Левцов,
г. Фрунзе.

* * *

Учительница. На чем ездил Дон-Кихот?
Ученик. Дон-Кихот ездил на старой поломанной кляче.

Таня Верейкина,
Марийская АССР.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Кто участвовал в Бородинском сражении?
Ученица. Бородинцы...

Лена Болонкина,
г. Городец,
Горьковская область.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Чем отличается остров Гренландия от других островов?
Ученица. Остров Гренландия отличается тем, что он большой и белый.

Катя Топилина,
г. Душанбе.

* * *

Учительница. Расскажи нам о животном мире саванны.
Ученик. Все звери там добрые, кроме льва.

Курлан Балкимбаев,
г. Чимкент.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. Расскажи нам о лесной растительности.
Ученик. В лесу растут деревья, кустарники, дрова...

Оксана Бернаева,
дер. Малые-Голы,
Иркутская область.

Из школьных сочинений

«Ягуар — это пятнистая кошка, которая любит поесть».
«Поросенок вилял хвостом и весело гавкал».
«На стене висела дедушкина фотография в молодости».
«И природа не остается в стороне, она пролезает в каждую дырочку».
«В клетке сидели три тигра и дрессировщик».
«Он держал инструкцию вниз головой и ничего не мог понять».
«Поза его осанки показывает, что ему 14 лет».
«Когда медуза укусит человека, то он становится укушенным».
«Это стадо коров состояло из 13 овец».
«Кот бежал по огороду вприсядку».

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Александр ХОРТ

Весёлый день

Накануне первого апреля девочки шестого «А» договорились разыграть красавчика и задаваку Женьку Варенцова. Написать, что на киностудию, мол, для съемок в новом фильме требуются девушки от пятнадцати до тридцати лет, и расклеить на столбах объявления с Женькиным домашним телефоном.

— Вот смеху-то будет, когда ему станут звонить с утра до вечера,— говорила взахлеб Лариса Заливина окружившим ее девчонкам.— Ведь в кино каждой сниматься охота.

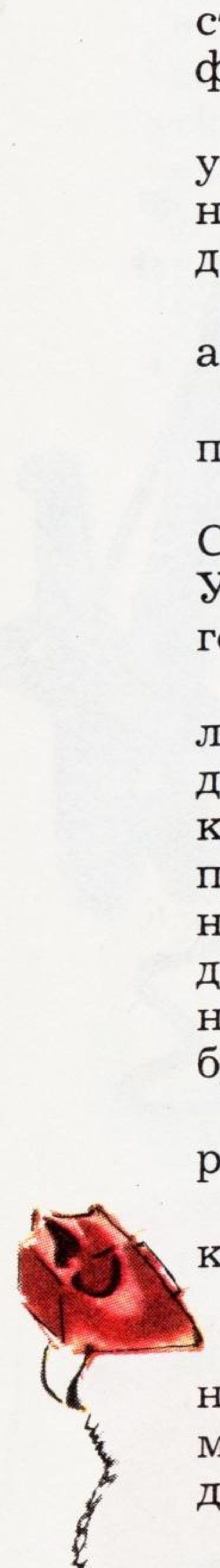
— А если девушки будут звонить и после первого апреля? — спросила Аня Северина.

— Вечером объявления надо сорвать. Кто где повесит, тот там и снимет.

Затея с телефоном была одобрена. Тихоне Ане Севериной поручили приклеить три объявления на Ударной улице. Кроме нее, никто из девочек шестого «А» с той стороны к школе не подходил.

Первого апреля, выйдя из дома, Аня остановилась возле доски объявлений. Кто-то продает детскую коляску, другие хотят поменять квартиру, кто-то разыскивает ключи... Пока Аня стояла, двое прохожих переписали с доски нужные им телефоны. «Женькин телефон тоже кто-то запишет,— подумала она.— Станут звонить с утра до вечера. А у него дома бабушка, отдохнуть ей не дадут. Нет, не буду я приклеивать свои объявления».

Около школы она встретила подружку Зою Бобровскую и призналась ей, что нарушила договор.



— Только не рассказывай об этом девчонкам,— предупредила Зойка,— ругаться будут.

— А если спросят?

— Скажи, что повесила.— И, видя нерешительность подруги, добавила: — Сегодня обманывать можно. Сегодня первое апреля, самый веселый день.

— Ну как, повесила объявления? — встретила ее в дверях класса Лариса Заливина.

— Нет,— пролепетала Аня, так и не сумев последовать Зойкиному совету.

— Ясно,— подмигнула ей Лариса, хихикнув.— Первый апрель — никому не верь. Значит, повесила.

Перед началом уроков, когда Аня с Зоей прогуливались по коридору, к ним подлетел запыхавшийся Генка Торопин.

— Ой, Ань, там ребята выбросили твой портфель в окошко,— сообщил он.

Аня рванулась в класс, выглянула в окно — никакого портфеля внизу. Куда же он делся? Она повернулась к Генке.

— Первого апреля никому не верят,— засмеялся тот. Другие ребята тоже засмеялись.

Потом она пыталась очистить платье, якобы испачканное мелом; ходила в учительскую, куда ее якобы вызывала классная руководительница. Обрадовалась тому, что сегодня весь класс поведут в кино, но и это оказалось розыгрышем, отчего Аня снова расстроилась.

На последней переменке она подошла к Борьке Линейкину, который считался первейшим врунишкой в классе, и попросила научить ее обманывать.

— Чего? — вытаращил глаза Борька.

— Научи меня врать,— повторила Аня,— чтобы я тоже сегодня веселилась. Ты же умеешь.

— Умею,— не стал отрицать Борька.— Только учить этому никогда не пробовал.

— А как ты сам научился?

— Не знаю. Это я от природы такой способный.

— Значит, и меня научить сможешь. Научи, пожалуйста,— взмолилась Аня.— А то все вокруг веселятся, лишь у меня ничего не выходит.

На минуту Борька засомневался — уж не разыгрывает ли его Северина такой странной просьбой. Однако она смотрела так умоляюще, что стало ясно: первоапрельского подвоха тут нет.

— Ну, ладно,— посерьезнел вдруг Борька, ощутив себя человеком, который передает ценный опыт.— Научу. Обманывать легко. Надо просто говорить то, чего нет на самом деле, и все будет хокей.— Так все мальчишки говорили «о'кей».

— Зачем же говорить то, чего нет?

— Затем. На словах это объяснить трудно. Лучше ты выполни практическое задание, тогда поймешь, что к чему. Подойди сейчас к Вовке Пыхалову и скажи, что у него шнурки на ботинках развязались. Он зря нагнет голову, и тебе станет весело.

Аня послушно отправилась на площадку перед входом в спортзал, где Вовка Пыхалов возился с ребятами. Они наскакивали друг на друга, прыгая на одной ноге, кто кого столкнет. Посмотрев на

Вовкины ботинки, Аня увидела, что у него развязались шнурки.

— Вов, у тебя шнурки развязались,— сказала она.

— Ха! Первого апреля — никому не верят.

— Нет, правда, развязались, честное слово. Завяжи, а то шлепнешься.

Вовка посмотрел на шнурки, нагнулся и завязал их. Аня вернулась к своему учителю вранья.

— Ну как, сказала? — спросил Борька.

— Да.

— Молодец. А он что?

— Он завязал их.

— Они по-настоящему были развязаны?

— Конечно.

— Тогда какой же это обман?! Ничего веселого. Надо было говорить, что у него шнурки завязаны. Тогда это обман. Ясно? Эх ты! Северина-Тетерина. Ладно, после уроков еще займемся.

После уроков они вместе вышли из школы.

— Первого апреля можно обманывать кого угодно,— говорил вошедший в педагогический раж Линейкин,— даже совсем незнакомых. Подойди сейчас к тому дяденьке на автобусной остановке — у него со шнурками порядок — и скажи: «Дяденька, у вас шнурки развязались». Повеселимся.

— Лучше другого найдем, там народу много.

— Капризная. Ну, подойди вон к тому, четырехглазому.

У входа в диетическую столовую стоял пожилой мужчина в очках. Аня подошла к нему и остановилась рядом. Посмотрела на него. Мужчина удивленно посмотрел на Аню и спросил:

— Тебе чего, девочка?

— Сегодня первое апреля,— выдавила она из себя.

— Знаю,— почему-то весело ответил мужчина.— Ты, наверное, хочешь сказать, что я забыл перевести свои часы. А я их уже перевел.

Она вернулась к Борьке.

— Дяденька сбил меня. Он первый начал разговаривать.

— И что из этого?! — возмутился Линейкин.— Все равно нужно говорить про шнурки. Ты просто не способна к обману, тебя любой может сбить с толку. А ты обманешь только того, кто ответить не может. У тебя, кажется, есть собака?

— Есть.

— Вот иди и потренируйся на ней.

— А как?

Почесав затылок, Борька поинтересовался:

— Она понимает, что ей говорят?

— Конечно. Кусичка все на свете понимает.

— А что она больше всего любит?

— Больше всего она любит, когда говорят: «Кусичка, пузико». Тогда сразу ложится на спинку и знает, что ей будут щекотать живот.

— Это же здорово! — обрадовался Борька.— Ты пообещай ей про пузо, а не щекочи. Классный обман будет. Повеселишься.

— Хорошо,— согласилась Аня.

...При виде маленькой хозяйки Кусичка радостно заметалась по коридору, потом понеслась следом за ней в комнату, где Аня, остановившись, произнесла:

— Кусичка, пузико.

Та по привычке развалилась на ковре в предвкушении великого удовольствия. Аня нагнулась над ней и медленно произнесла:

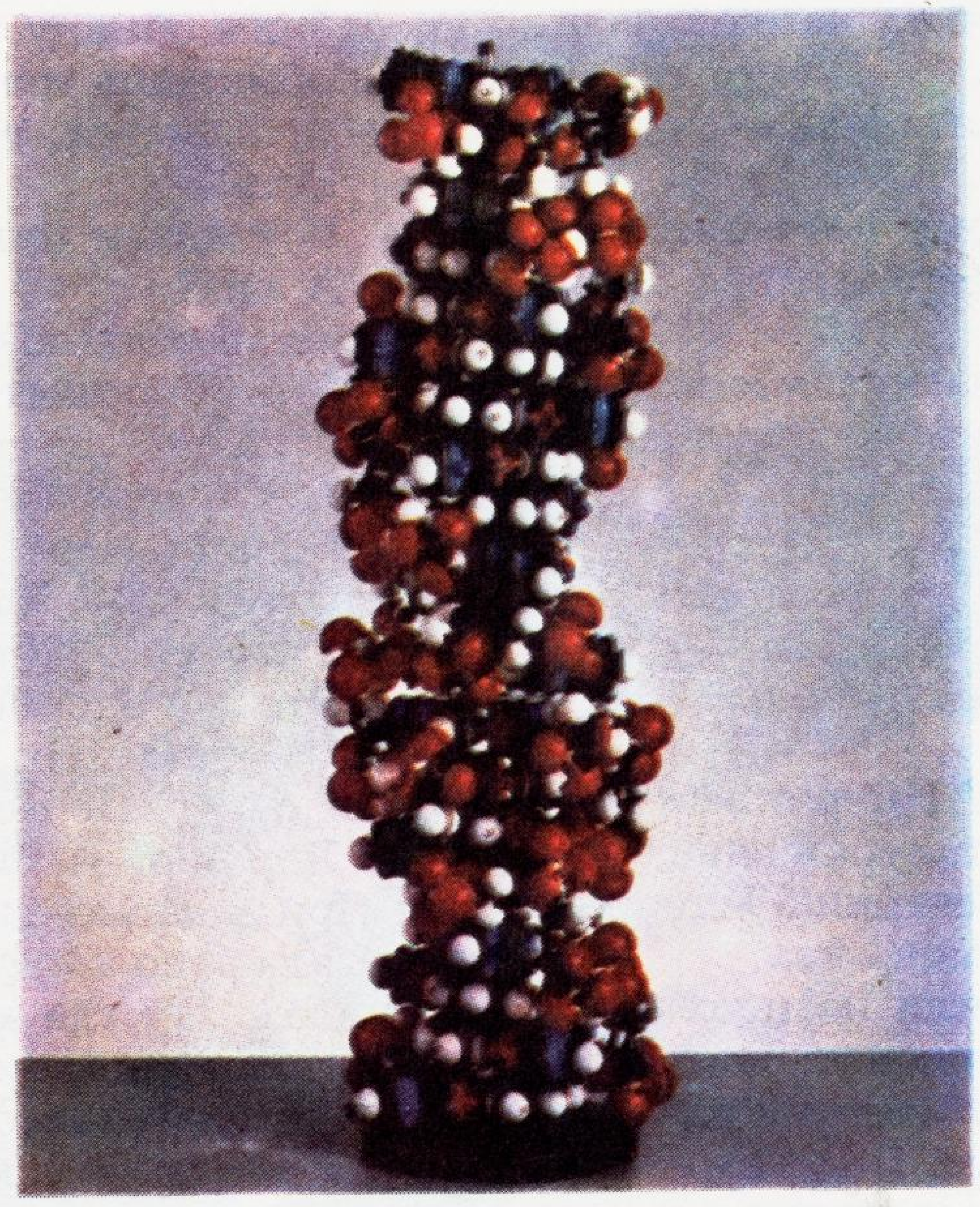
— С первым апреля.

Кусичка посмотрела на нее выжидательным взглядом, слегка приподняв голову. Однако девочка почему-то не двигалась. Полежав какое-то время, собака встала и разочарованно поплелась под письменный стол, место, где она в одиночестве переживала свои огорчения. И тут Аня не выдержала. С криком: «Кусичка, пузико, пузико, пузико, теперь по-настоящему!» — она бросилась за ней. Собака все же пыталась забраться под стол. Девочка силой вытащила обиженную Кусичку на ковер и заставила опять улечься. «Пузико, пузико»,— приговаривала она. Лишь когда Аня начала щекотать ей брюхо, выражение недоверия на собачьей мордочке сменилось блаженной истомой. Аня же долго-долго гладила ей живот, плакала и шептала:

— Скорей бы кончался этот веселый день.

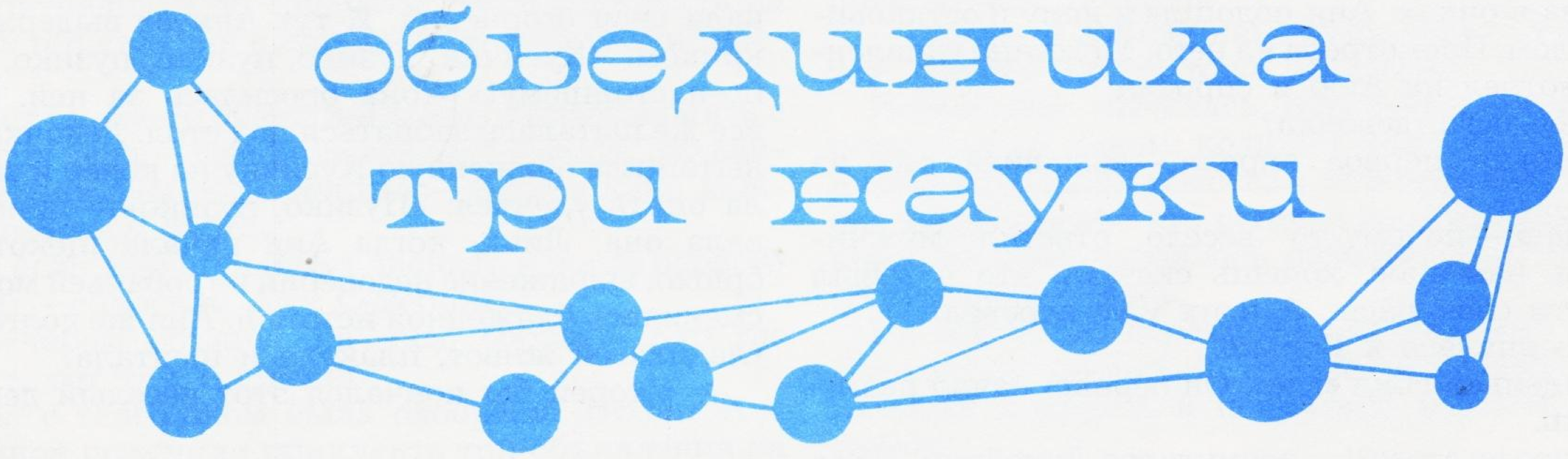
Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Ровно тридцать лет назад было сделано замечательное научное открытие. 25 апреля 1953 года была опубликована статья о том, как устроена самая загадочная молекула — молекула дезоксирибонуклеиновой кислоты. Сокращенно ее называют ДНК. Эта молекула встречается во всех живых клетках всех живых организмов. Обнаружили ее ученые сто лет назад. Но тогда никто не знал, как эта молекула устроена и какую роль играет в жизни живых существ. Окончательно разгадать тайну удалось английскому физику Френсису Крику и американскому биологу Джеймсу Уотсону.



Их открытие было очень важным. И не только для биологов, которые узнали наконец, как устроена молекула, управляющая всеми свойствами живого организма. Одно из крупнейших открытий человечества было сделано так, что совершенно невозможно сказать, какой науке это открытие принадлежит,— так тесно слились в нем химия, физика и биология. Этот сплав наук и есть самая яркая черта открытия Крика и Уотсона.

Как одна молекула объединила три науки



НА ОДНУ МОЛЕКУЛУ МОЖНО ВЗГЛЯНУТЬ ПО-РАЗНОМУ

Ученых давно интересовала тайна главного свойства всех живых организмов — размножение. Почему дети — идет ли речь о людях, медведях, вирусах — похожи на своих родителей, бабушек и дедушек? Для того, чтобы открыть тайну, биологи исследовали самые разные организмы.

И ученые выяснили, что за сходство детей и родителей отвечают особые частицы живой клетки — хромосомы. Они похожи на маленькие палочки. Небольшие участки палочки-хромосомы назвали генами. Генов очень много, и каждый отвечает за какой-нибудь признак будущего организма. Если говорить о человеке, то один ген определяет цвет глаз, другой — форму носа... Но из чего состоит ген и как он устроен, этого ученые не знали. Правда, было уже известно: в хромосомах содержится ДНК и ДНК имеет какое-то отношение к генам.

Разгадать тайну гена хотели разные ученые: каждый смотрел на эту тайну с точки зрения своей науки. Но чтобы узнать, как устроен ген, маленькая частица ДНК, надо было узнать, как устроена и из чего состоит сама молекула.

Химики, которые исследуют химический состав веществ, изучали химический состав молекулы ДНК. Физики стали просвечивать ДНК рентгеновскими лучами, как обычно они просвечивают кристаллы, чтобы узнать, как эти кристаллы устроены. И выяснили, что ДНК похожа на спираль.

Биологи интересовались загадкой гена, конечно, больше всех. И Уотсон решил заняться проблемой гена. Для того, чтобы поучиться у передовых биохимиков и побольше узнать о природе гена, он отправился из Америки в Европу.

В то время Уотсон и Крик еще не знали друг друга. Уотсон, проработав некоторое время в Европе, никак существенно не продвинулся в выяснении природы гена. Но на одной из научных конференций он узнал, что физики изучают строение молекулы ДНК с помощью своих, физических методов. Узнав это, Уотсон понял, что тайну гена ему помогут раскрыть физики, и отправился в Англию, где устроился работать в физическую лабораторию, в которой исследовали биологические молекулы. Здесь-то и произошла встреча Уотсона и Крика.

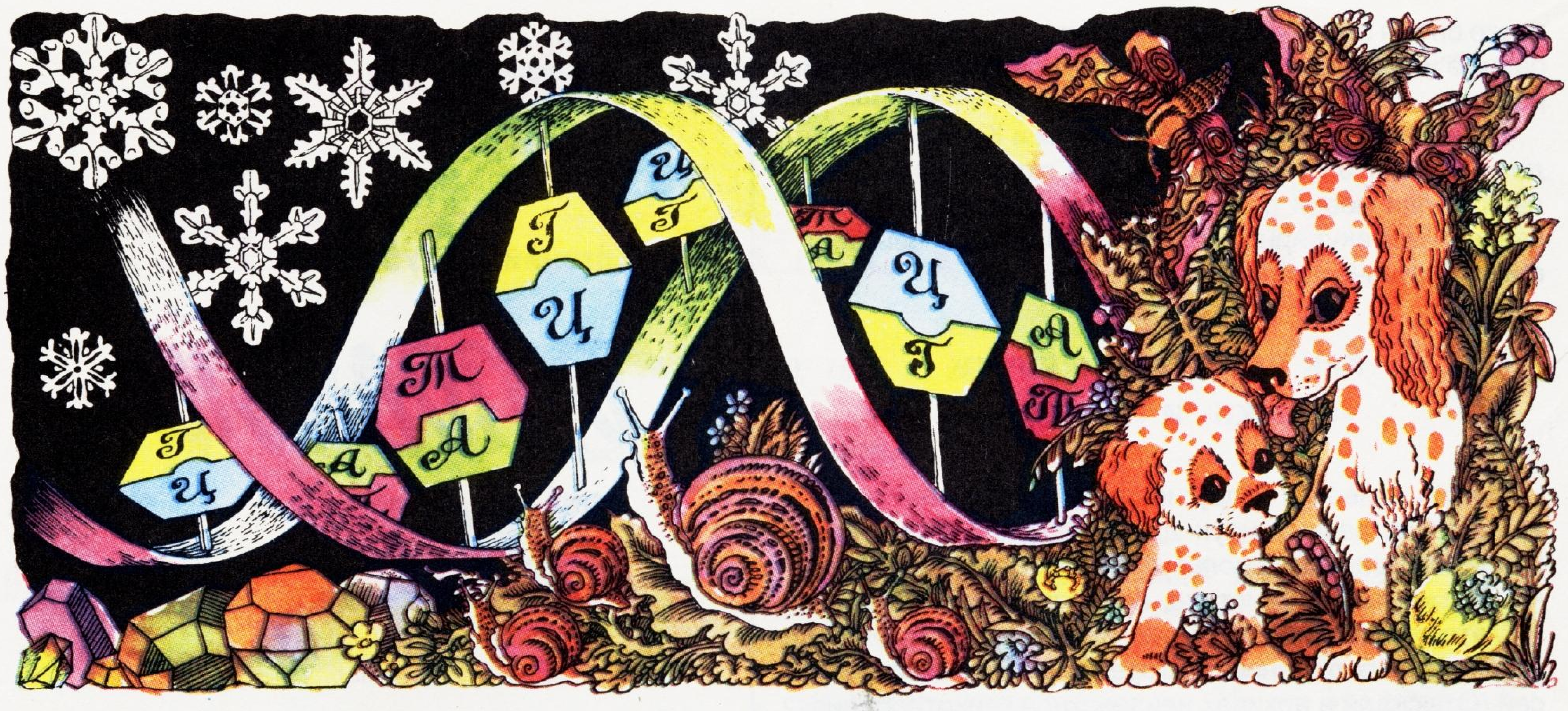


Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

КАК ФИЗИК КРИК ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ БИОЛОГИЕЙ

Крик вовсе не интересовался биологией. До тех пор, пока ему на глаза не попалась книжка известного физика Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики?».

В этой книжке автор высказал предположение, что хромосома похожа на кристалл. Шредингер заметил, что «размножение» генов напоминает рост кристалла, и предложил ученым считать ген кристаллом. Это предложение заинтересовало Крика и других физиков. Вот почему.

Кристалл — очень простое по структуре физическое тело: в нем все время повторяется одна и та же группа атомов. А устройство гена считали очень сложным, раз их так много и все они разные. Если гены состоят из вещества ДНК, а молекула ДНК устроена так же, как кристалл, то получается: она одновременно и сложная и простая. Как же так?

Уотсон и Крик понимали: физики и биологи слишком мало знают о молекуле ДНК. Правда, кое-что было известно о ДНК химикам.

КАК УОТСОН ПОМОГ ХИМИКАМ, А ХИМИКИ — КРИКУ

Химики знали, что в состав молекулы ДНК входят четыре химических соединения: аденин, тимин, гуанин и цитозин. Их обозначили по первым буквам — А, Т, Г, Ц. Причем аденина было столько же, сколько тимина, а гуанина — сколько цитозина. Почему? Этого химики понять не могли. Они догадывались: это как-то связано со структурой молекулы. Но как, не знали. Химикам помог биолог Уотсон.

Уотсон привык к тому, что в живой природе многое встречается парами: пара глаз, пара рук, пара ног, существуют, например, два пола: мужской и женский... Ему казалось, что и молекула ДНК может состоять из двух цепочек. Но если ДНК похожа на спираль, как выяснили физики при помощи рентгена, то как в этой спирали две цепочки держатся друг за друга? Уотсон предположил, что при помощи А, Г, Ц и Т, которые, как руки, протянуты друг к другу. Вырезав из картона контуры этих химических соединений, Уотсон долго прикладывал их то так, то эдак, пока вдруг не увидел: аденин прекрасно соединяется с тимином, а гуанин с цитозином.

Уотсон рассказал об этом Крику. Тот быстро сообразил, как должна выглядеть двойная спираль на самом деле — в пространстве, а не на рисунке. Оба ученых начали строить модель ДНК.

Как это — «строить»? А вот как. Из молекулярного конструктора, который напоминает детский конструктор-игрушку. В молекулярном конструкторе деталями служат шарики-атомы, которые пристегиваются друг к другу кнопочками в том порядке, в каком расположены атомы в веществе.

Молекулярный конструктор придумал другой ученый — химик Полинг. Он строил модели молекул белков и выяснил, что в них обязательно должны быть участки, похожие на спирали. Очень скоро это подтвердили физики той лаборатории, где работал Крик. Важная биологическая проблема была решена теоретическим путем.

Способ Полинга так понравился Крику, что он предложил Уотсону построить модель ДНК при помощи молекулярного конструктора.

Вот так была создана модель знаменитой Двойной спирали ДНК, которую вы можете увидеть на рисунке.

И что замечательно: из-за того, что А в одной цепи может «склеиваться» только с Т в другой, а Г — только с Ц, автоматически выполняется «химическое» правило, по которому количество А равно количеству Т, а количество Г равно количеству Ц. Но самое главное, что, глядя на Двойную спираль ДНК, сразу понятно, как решить загадку размножения генов. Достаточно «размотать» косичку ДНК, и каждая цепочка сможет достроить на себе новую так, чтобы А склеивалось с Т, а Г — с Ц: был один ген — стало два. Из-за того, что размеры пар А — Т и Г — Ц одинаковы, молекула ДНК по структуре в самом деле напоминает кристалл, как предполагали физики. И в

то же время этот «кристалл» может содержать самые разные сочетания А, Т, Ц, Г, и поэтому все гены разные.

Решение проблемы гена Уотсоном и Криком привело к тому, что буквально за 2—3 года сформировалась целая новая область естествознания, которую назвали молекулярной биологией. Часто ее называют физико-химической биологией.

КАК ПЕРЕСТАЛИ СПОРИТЬ «ФИЗИКИ» И «ЛИРИКИ»

Можно привести и другие примеры взаимного проникновения разных наук друг в друга. Математика, например, широко используется в астрономии, физике и даже в... лингвистике, науке о строении языка.

Математические методы, например, позволяют установить подлинного автора неизвестных рукописей. Отыскали в архивах неизвестное стихотворение, а кто его автор? Ученые предполагают, что написал известный поэт. Но как проверить это предположение? Математики с помощью машин подсчитывают, сколько раз в этом произведении встречается какое-нибудь определенное слово, или, скажем, в какой последовательности встречаются слова в тексте. Такие же расчеты делают и в известном произведении предполагаемого автора. Результаты сравнивают. Если они совпадают — значит, найдена подлинная рукопись. Так математики возвращают нам, читателям, украденные временем произведения известных писателей и поэтов.

Или, например, физика и музыка... Что может быть общего у точной науки с искусством? Оказывается, есть общее.

На струнных инструментах — на скрипке, виолончели — музыкант сам выбирает нужную высоту звука. Не нравится скрипачу, как звучит, к примеру, нота «до», кажется ему, что она должна звучать чуть выше или, наоборот, чуть ниже,— он сам подберет на струне точное звучание. Пианист этого сделать не может. На клавиатуре каждая клавиша — определенная нота. Сколько раз ни нажимай, она будет звучать одинаково. Значит, для точного исполнения музыкального произведения рояль должен быть очень точно настроен. Физики высчитали ту частоту колебания звука, по которой музыкальные клавишные инструменты можно настроить наиболее точно. Как видите, трудно пришлось бы музыкантам и лингвистам без физиков и математиков.

Современному человеку необходимо обладать знаниями самыми разнообразными. Сегодняшнему ученому это особенно важно. В наше время появилось много наук составных: физическая химия и химическая физика, даже, как вы теперь знаете, физико-химическая биология. Какое отношение все это имеет к вам? Самое прямое.

В школе я не думал даже, что когда-нибудь стану заниматься биологией. Увлекался больше точными науками. А вот теперь биологией занимаюсь. Неправильно разделять школьные предметы на те, которые нужны, и те, которые не нужны. Кто знает, что может пригодиться потом?

В. ИВАНОВ,
доктор физико-математических наук.

К 40-летию подвига Александра Матросова

Евгений ЕВТУШЕНКО

В ПОЛНЫЙ РОСТ!

(ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ)

Людям до полного роста
надо расти и расти,
чтобы, как Саша Матросов,
к подвигу доползти.
Саша Матросов,
Россия —
это не разорвешь.
Это понятья родные —
кровью не разольешь.
Родину не выбирают —
Родину с жизнью дают.
Пусть нас враги убивают —
Родину в нас не убьют.

* * *

Как Матросов жить непросто,
и в житье-бытье своем
часто мы встаем вполроста
и вполголоса поем.
Мы не празднуем ли труса,
если бой,
а мы — в кустки?
Это как-то не по-русски,
И вообще не по-мужски.
Если цвесть —
так в полный колос,
если взмыть —
так выше звезд,
если петь —
так в полный голос,
если встать —
так в полный рост!

З. И. ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола

ЛЕНИНСКИЕ ОКТЯБРИ

Окончание. Начало в №№ 11, 12, 1982 г.; №№ 1, 2, 1983 г.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

1923.— От всего рабочего класса России.

В тот, 1923 год вместе с утренним фабричным гудком первой мыслью было: как Ильич? В газете прежде всего искали сообщения о состоянии здоровья Владимира Ильича. С осени стали поступать добрые сведения. 21 октября в «Правде» сам наркомздрав Семашко объявил, что «здоровье товарища Ленина систематически каждый день улучшается... Настроение и самочувствие у него хорошее. Он шутит, интересуется общественными делами». Такое сообщение вызывало у всех вздох облегчения.

По цехам Глуховской мануфактуры в обеденный перерыв ходили агитаторы, разносили радостную весть. «Шутит! — улыбались ткачи.— Это хороший знак. Вот бы поехать к нему, навестить, рассказать, что поднимаем фабрики, что жизнь становится постепенно лучше». Вспомнили (да просто никогда не забывали), как три года назад вызволил Ленин глуховцев из тисков голода. Послали тогда рабочие делегацию в Кремль. И эту делегацию Ленин принял. Внимательно выслушал, подробно расспросил и в тот же час организовал помощь. И остались заметки в блокноте Ильича: «Глуховск. м-ф-ра (9000). 16—20 тысяч с семьями. За 1/2 года с 24.VIII по 28.II получили по 25 ф. на едока... Молока у ф-чн. детей нет: разверстка молока нужна... До 15.III помочь... (2 вагона Халатов обещал 1.III 40 000 п. картофеля. 175 десятин под овощи...)». Кто подал эту мысль — теперь поехать к Ильичу,— неизвестно, но она стала уже общей думой всех глуховских рабочих, всего населения поселка.

На бюро партийной организации вместе с фабкомом и комсомолом решили: послать к Ильичу делегацию. Небольшую. Чтобы не утомлять Ильича. Двух женщин и двух мужчин. Кого? Пусть сами рабочие решают. И началось обсуждение кандидатур по цехам. Прежде всего назвали женорганизатора фабрики прядильщицу Пелагею Ананьевну Холодову. Бедовая женщина, идейная и грамотная, и приветственную речь Ильичу красиво сказать может. От молодых избрали прядильщика Герасима Козлова, от старых рабочих — шестидесятилетнего молотобойца Дмитрия Кузнецова. А второй делегаткой от женского населения Глуховки решили послать сновальщицу Клаву Гусеву. Вдовая, с четырьмя ребятишками управляется и хоть беспартийная, но в работе передовая. Были и другие кандидатуры, но большинством голосов по всем цехам избрали этих. Отвезти делегацию поручили шоферу грузовой машины (легковых тогда на фабрике не было) Ивану Воронцову.

Не с пустыми же руками к Ильичу ехать. А что отвезти в подарок? И началось по цехам обсуждение. Что только не предлагали: и рубашку сшить, и пальто теплое к зиме, кресло мягкое, удобное смастерить, пирогов испечь. Но все это отвергали. Нет, красивый подарок надо Ильичу сделать, чтобы ему радостно было и чтобы подарок годы и годы ему служил. И... придумали. В фабричной теплице садовник восемнадцать саженцев владимирской вишни вырастил. Время еще не холодное, можно их в землю посадить, на зиму закутать, а весной зацветут под окном, любо-дорого будет Ильичу смотреть на цветущие деревца.

И приветственное письмо сочинили короткое, чтобы не отнимать времени у Ильича, и во всех цехах зачитали и единогласно утвердили. Нашли человека с красивым почерком, который черной тушью переписал текст на большом листе бумаги и крупными буквами, чтобы Ильичу незатруднительно было читать.

«Тов. ЛЕНИНУ, великому вождю рабочих мира, учителю и товарищу.

Ты, имя которого, как путеводная звезда, с любовью хранится в сердце не только каждого члена РКП(б) и РКСМ, но и каждого рабочего и крестьянина, ты нужен нам теперь, в момент развивающейся Германской революции, как нужен ты нам во дни труда, во дни горя, в дни радости.

Мы следим с напряженным вниманием за ходом твоей болезни и с радостью встречаем каждый шаг улучшения в твоем здоровье. Мы уверены, что твой мощный дух поборет злой недуг, и с нетерпением ждем дня, когда раздастся радостный клич во всем мире:

Великий кормчий вновь здравый у руля мировой революции.

Привет тебе, дорогой товарищ и вождь, здравствуй на многие годы!»

Вот подписать бы это письмо всем двенадцати тысячам ткачей и прядильщиц, сновальщиков и кузнецов, слесарей и токарей... Но... больше половины рабочих неграмотны. А неграмотные вместо подписи ставят кресты. Неужто посылать письмо Ильичу, сплошь испещренное крестами? Нет. И подписали так: «Рабочие, работницы и служащие в количестве 12 000 чел. Глуховской мануфактуры». А по цехам приняли решение быстрее ликвидировать неграмотность, чтобы следующее письмо Ленину подписать всем рабочим миром.

На рассвете 2 ноября население Глуховки провожало в путь свою делегацию. Клава Гусева новые полусапожки, что купили ей рабочие, собрав по кругу деньги, в руках держала, а ехала в своих старых...

С нетерпением ждали рабочие возвращения делегатов. Они вернулись только третьего к вечеру, а с четвертого ноября на праздничных вечерах отчитывались в клубе, в цехах.

В клубе на трибуне Пелагея Ананьевна, а члены делегации в президиуме, как почетные гости.

— Ну вот, приехали мы в Горки,—начинает свой рассказ Холодова,—и, правду скажу: оторопь меня взяла, когда к дверям подошли. Ну, думаю, не дело затеяли, к больному человеку, к самому Ильичу, нежданные, незваные заявились. Уж не повернуть ли обратно? Но тут дверь отворилась и сама Надежда Константиновна так ласково говорит: «Глуховцы? Мне уже сказали. Проходите, дорогие гости». И Мария Ильинична вышла. Обе такие приветные.

— А Ильич-то, Ильич-то как?—спрашивает нетерпеливый голос из зала.

— Мы первым делом и спросили—как здоровье Ильича. Надежда Константиновна говорит, что он очень старается выздороветь, ему лучше, но еще много времени потребуется, чтобы ему окрепнуть и к работе вернуться. Левой рукой научился писать, потому что правая рука не работает, ногу заставил ходить, гуляет по парку с палкой, и голос к нему постепенно возвращается. Начал читать вслух. Сейчас он отдыхает, ему врачи строгий порядок установили. И не разрешают ни с кем встречаться.

В зале люди, сидевшие до сих пор затаив дыхание, задвигались, заволновались. Послышались голоса: «Так и не повидали? Хоть бы одним глазком».

Но Холодова рукой шум в зале усмирила и продолжала:

— Мы, конечно, было приуныли. А тут вдруг слышим голос: «Надя, кто там? Кто там?» Надежда Константиновна побежала вверх по лестнице. А мы все встали и замерли. Неужели нарушили отдых Ильича? Она скоро вернулась с неожиданно радостным сообщением. «Ильич непременно хочет повидаться с вами,—говорит.—Проходите наверх, только не надолго. Минут на пять».

Поднялись мы на второй этаж, а Ильич навстречу нам идет, смотрит весело, глаза яркие, зоркие. Поздоровался с нами за руку. Я свою речь назубок выучила, а как увидела его, родного, так мы с Клавкой заплакали.

— Вот такого поручения мы не давали,—раздался строгий голос из зала.

— Да мы от радости,—оправдывалась Холодова.—Плакали и смеялись. А потом я Ильича от всех с наступающим праздником поздравила, с шестой годовщиной Октября. «Спасибо, спасибо»,—отвечает и просит садиться. Я папку раскрыла, чтобы ему приветствие зачитать, а он взял у меня и говорит: «Я сам». Читает внимательно и улыбается. Видно, доволен. Передал папку Надежде Константиновне, а она—Марии Ильиничне. Обе похвалили, что тепло и сердечно написали и что это очень дорогой подарок для Ильича к празднику. А наша Клава говорит, что главный наш подарок в машине. Нахмурился тут Ильич, но как узнал, что мы вишневые деревца привезли и посадить возле дома хотим, так обрадовался, что сказать не могу. Подошел к окну, а наш шофер эти деревца выстроил на дорожке, ну словно отряд пионеров. Владимир Ильич весело так рассмеялся. Хорошо он смеется, душевно. Умеет радоваться.

И зал зааплодировал дружно...

— Владимир Ильич расспрашивал, как живем, в чем нуждаемся. Мы сказали, что мечта одна у всех—чтобы скорее он выздоравливал. У него было настроение говорить с нами и слушать без конца, но тут Надежда Константиновна нам знак подала, что, мол, пора. Расцеловались мы с ним, а наш старик Кузнецов обхватил Ильича, и так стояли они обнявшись, а Кузнецов сказал: «Я рабочий кузнец, Владимир Ильич, я кузнец, и мы скуем все, намеченное тобой».

— Правильно сказал. От всех нас! От всего рабочего класса!—раздались голоса в зале и утонули в аплодисментах.

— Мы уходили и, повернув головы, все смотрели на Ильича, а он махал нам рукой, и такой добрый и нежный у него вид был, век не забуду.—Холодова смахнула слезы с лица.

— Ну, а дальше что было?—нетерпеливо спрашивали рабочие.

— Мы собрались уезжать, но Надежда Константиновна и Мария Ильинична сказали, что на ночь глядя нас не отпустят, дороги развезло, все в ухабах. «Оставайтесь ночевать. Вместе поужинаем,—предложила Надежда Константиновна,—Владимир Ильич наказал мне, чтобы я вас маринованными грибами угостила, которые он сам собирал». Мы, конечно, с радостью согласились. Надежда Константиновна за ужином рассказывала, как Владимир Ильич всем интересуется, что две недели назад в Москву ездил, хотел сельскохозяйственную выставку посмотреть. Очень она ему понравилась. Все братство народов в ней представлено. Газеты вслух читает и усердно упражняется в восстановлении речи. А нам показалось, что Владимир Ильич говорил, не затрудняясь.

Ночью мы, конечно, не спали, хотя всем нам постели устроили. Шутка ли—под одной крышей с Лениным! Мы сидели, общую думу думали: если б можно было сердце свое отдать, чтобы его здоровье укрепить, многие тысячи согласились бы...

— Миллионы... Миллионы...—зашумели люди в зале.—Каждый бы свое сердце отдал.

— Да, вы правы, миллионы рабочих отдали б свое сердце,—согласилась Холодова.—Утром Надежда Константиновна сказала, что Владимир Ильич письмо наше взял с собой и перед сном несколько раз его перечитывал. Спал хорошо. Встал бодрый, веселый, спросил, как мы спали, и велел перед дальней дорогой хорошенько нас накормить и еще раз спросить, в какой помощи нуждаются рабочие нашей мануфактуры.

Рабочие от всех фабрик и цехов после выступали и высказывали единодушное желание, чтобы Глуховской мануфактуре присвоили имя Владимира Ильича Ленина, и обещали ленинское звание носить с честью.

Выступила и Клава Гусева.

— Счастливая я,—сказала она и поклонилась рабочим.—Спасибо вам за великую честь, что вы меня делегатом к Ленину послали. Я прошу нашу партийную организацию принять меня в ряды РКП большевиков и торжественную клятву даю, что оправдаю доверие ленинской партии.

— Правильно решила, Клава!—аплодировали рабочие.

Долго в тот вечер не расходились из клуба глуховцы. Решили воздвигнуть на площади скульптуру Ленина, чтобы каждый день, идя на работу, с ним встречаться. Всем миром поручили эту скульптуру создать своему художнику—рабочему, однофамильцу молотобойца—Кузнецову.

— Чтобы во весь рост был Ленин и чтобы отовсюду его видно было!—наказывали рабочие

— Владимир Ильич расспрашивал, как живем, в чем нуждаемся.

художнику.— Чтобы похож был и, когда в гости к нам приедет, как в зеркале увидел бы себя.

Взволнованный молодой художник обещал работать день и ночь и в эту скульптуру вложить всю любовь народа к своему вождю.

В поселке Глухове, на площади, в окружении старых лип стоит ослепительно светлый памятник Владимиру Ильичу Ленину.

Ленин словно только что вышел из фабричных ворот, поднялся на площадку высокого постамента и обращается к идущим плотной толпой текстильщикам Глуховской мануфактуры.

Он говорит что-то очень важное и нужное людям. Левая рука заложена в карман, а правая энергичным жестом утверждает ленинскую мысль. Какую? Вглядываешься в его лицо, и кажется, что с его губ слетает любимое им присловье: «В этом гвоздь!» В чем же? Ответ начертан на одной из сторон постамента: «Больше доверия к силам рабочего класса...»

Это самый первый памятник Владимиру Ильичу Ленину на Земле. Сооружали его глуховские рабочие в знак любви к вождю и приурочили открытие памятника к первому дню революции 1905 года — 22 января. А пришлось открывать первый памятник Ленину через двенадцать часов после его смерти...

Время — самый строгий судья. И чем дальше отсчитываются годы и десятилетия, тем ярче светит человечеству всесильное ленинское учение, его беспримерный жизненный подвиг.

История не знает другого примера, когда бы в одном человеке так гармонично и счастливо сочетался гений ученого-энциклопедиста и народного вождя, борца-революционера и зодчего нового мира.

Ленинское учение, как его родная Волга, никогда не иссякнет, всегда будет пополняться новым опытом, новыми свершениями, ленинское учение всегда в движении вперед, всегда молодо и ново.

Имя Ленина бессмертно.

Учение Ленина — всепобеждающе.

Где бы я ни встречался с Мирой Алечкович — в ее белградской квартире на бульваре Революции, или в ее кабинете главного редактора детского журнала «Змай», или у нас, в Москве, я каждый раз радуюсь ее приветливому, ясному взгляду, доброй улыбке, необыкновенным легким золотым волосам, послушным малейшему дуновению ветра. Я радуюсь тому, что у меня есть такой чудесный искренний друг.

Мира Алечкович — поэт, известный в Югославии каждому.

Она человек трудной героической судьбы — партизанка, участница борьбы с фашистскими захватчиками, коммунистка.

А недавно Мира Алечкович была в редакции журнала «Пионер» и подарила нам свою новую книжку. Вот стихи из нее.

Леонид ***ЯХНИН***

Сказка моей земли

Слышишь, как море играет волной,
Шепчется с тишиной
И ели столетние там на вершине
Неспешно беседу ведут меж собой?

О чем-то бормочет горный ручей,
Ветер запутался в сетке ветвей,
Серебряным светом нежно и ровно
Светится в парке листва тополей.

Видишь, как солнце в море упало,
И белое облако розовым стало,
Замерла птица в кроне уснувшей
И крылья сложила устало?

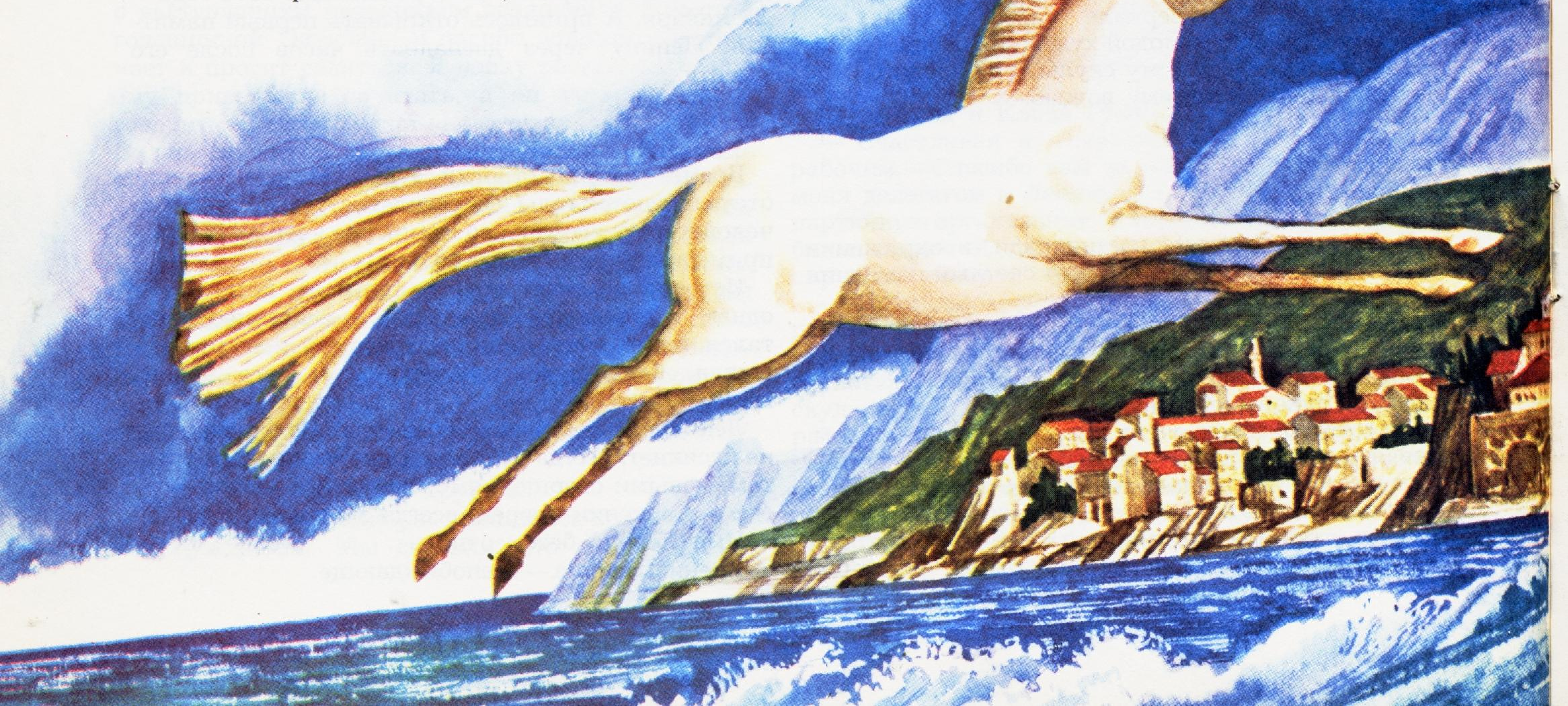
Друг мой, все это навеки твое —
Горы, долина, река и жнивье,
Маленький домик на склоне зеленом,
Свобода и красное знамя ее.

В душе моей отклики о́тчего края —
С детства знакомая песня простая,
Говор негромкий протяжный крестьянский,
Молчание гор и дыханье Дуная.

Тайна

То, что нельзя говорить никому,
Доверил я только тебе одному.
А ты по секрету поведал ему.
А он только другу сказал своему.
А друг потихоньку под честное слово
Секретом порадовал друга другого.
Аница — Зорану,
Зоран — Йованке,
Йованка — Миленке,
Миленка — Мирьянке.
Мирьянка — соседу по лестничной клетке,
А тот проболтался об этом соседке.
Была у соседки, конечно, подружка.
И та нашептала подружке на ушко...

И вот уж гуляет по белому свету
Тайна, известная всем по секрету.



Зеркало

Папа в дверь вошел усталый,
Свет хотел зажечь сначала,
Но тотчас остолбенел:
Возле зеркала стояла...
Мама? Нет! Совсем не мама!
Не она — чужая дама!
Папа белый стал, как мел.

Он глазам своим не верит —
Может, он ошибся дверью?
Может, он к чужим попал?
Но на даме шарфик мамин,
Платье мамино на даме.
Шляпку тоже он узнал.
Туфли мамины из шкафа
На высоких каблуках.
Дама в туфлях, как жирафа
На трясущихся ногах.
Он опомниться не может —
Кто же это? Кто же? Кто же?
В платье мамином — не мама.
В туфлях маминых — не мама.
Даже шарфик тот же самый,
Но она совсем не мама!

Повернулась к папе дама —
Лоб, нахмуренный упрямо,
Две косички золотых
И два глаза голубых,
Не мигая, смотрят прямо.

Папа сразу догадался,
Папа чуть не рассмеялся
И зажег в передней свет.
А ему сказала Майя:
— Папа, я уже большая,
Мне сегодня десять лет.

Шелковая песенка

Кто ласточке свежей водицы глоток
Припас на листке тополином?
Кто божьей коровке пятнистый платок
На узкие плечи накинул?
Кто сделал прозрачным лесной ручеек,
Кто чистые звезды в небе зажег,
Кто спел колыбельную сыну?
Кто, словно волшебный сияющий конь,
Мелькнул, пролетел перед нами,
Кто солнышку, будто большую ладонь,
Подставил поляну с цветами?
Кто нас приглашает в прозрачную тень?
Первый весенний радостный день.
Он вышит, как шелком, лучами.

Радость

Если день и прозрачный, и ясный,
Если солнце глядит на меня,
Я смеюсь и кричу ему: «Здравствуй!
Здравствуй, солнце весеннего дня!»

Если дождик посыплется частый,
Застучится в листы тополей,
Я смеюсь и кричу ему: «Здравствуй!
Здравствуй, дождик, поилец полей!»

Если ветер взовьется вихрастый,
Прилетевший с далеких морей,
Я смеюсь и кричу ему: «Здравствуй!
Здравствуй, ветер над Савой[1] моей!»

Если белой дорожкой по насту
Пробегает снежок молодой,
Я смеюсь и кричу ему: «Здравствуй!»
И за санками тут же — домой.

Перевел с сербскохорватского
Леонид ЯХНИН.

Рисунок А. ДУГИНА.

[1] На слиянии рек Савы и Дуная стоит Белград.

А. АМПЕЛОНОВ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Всего один ГОЛОС

ПОВЕСТЬ

1

Ольга Елисеева, усевшись на «галерку» — самую последнюю, возле окна, парту,— достала из портфеля овальное зеркальце. Здесь, на отшибе, коротать уроки было приятнее: весь класс был как на ладони и мальчишки не подбрасывали из-за спины записки.

В коридоре слабо пропел первый предупредительный звонок, загромыхали по паркету чьи-то ботинки. В класс ворвался Буслаев, высокий стройный парень с родинкой над верхней губой, за ним, тяжело дыша, пронес свое грузное тело Гришаев, близоруко моргая выцветшими пушистыми ресницами. Очки, у которых одна из дужек была укреплена синей изолентой, он осторожно нес в руке.

За Гришаем в класс вполз сонный, недовольный Вадик Вишняков. Осенью Елена Петровна вдруг назначила его старостой вместо Антона Лобова, которого избрали председателем совета отряда. Когда на выборах мальчишки стали кричать: «Антон, Антон!» — и все как один отказались голосовать за старого председателя Шнырова, классный руководитель чуть не взорвалась. Она бы наверняка добилась своего, если бы на сбор не пришла старшая вожатая Марина.

Елисеева распахнула тетрадь, сделав вид, что повторяет урок, потом украдкой взглянула на часики. На ее счастье, в классе уже появились девчонки. Оставаться один на один с Буслаевым или Гришаем Елисеевой не хотелось. Вести себя с девчонками они совершенно не умеют. Вздохнув, поймала взглядом знакомый стриженый затылок Лобова. Антон, стоя возле доски, пытался дознаться у Вадика, отчего сегодня не убран класс. Лобов выделялся среди мальчишек. Но чем? Уж не красотой, во всяком случае. Лицо у него было круглым, чуть тяжеловатым, шея — короткой, и фигурой он был совсем не спортсмен, в отличие от

Буслы, стройного и гибкого, как обезьяна. Обыкновенный мальчишка. И все же в нем было что-то необычное. Основательность? Характер?

— Вишняков, кто сегодня дежурит?

— Я забыл...

— Что значит забыл?

— Забыл назначить дежурного,— покраснел от напряжения и съежился Вадик.

— Не ври.

— Отстань ты от него, у него провалы в памяти,— посоветовал Гришай и помчался через весь класс, задевая парты: от одного соприкосновения с его большим, грузным телом они разъезжались в разные стороны, словно по льду.

Буслаев с гоготом бросился за ним.

Вадик тем временем поплелся к доске. Вытер, угрюмо взглянул на мел, разбросанный по полу, на неполитые цветы.

Елисеева встала из-за парты, взяла пустую молочную бутылку.

Вадик посмотрел благодарными глазами. Девчонок он ужасно боялся. Даже чтобы назначить дежурных, просил помощи у Буслы: для него такие переговоры не составляли проблемы.

Вместе с последним звонком в класс устало и степенно вплыла Елена Петровна.

— Почему в классе не проветрено? Кто дежурный?

Класс угомонился, мигом притих, вспомнив, что сейчас литература, урок, который непременно завершится печально — не для одного, так для другого. На двойки и замечания классная последнее время не скупилась. Чаще, чем прежде, была раздражена, не скрывала, что устала от ребят, от всего на свете. И, по наблюдениям Елисеевой, совсем перестала подводить губы и красить волосы.

— Вишняков, я, по-моему, спросила, кто дежурный? Кто у нас староста, ты или я?

Вишняков, побледнев, поднялся из-за парты.

— Ну, хорошо,— мрачно заключила она,— этим мы займемся на перемене.

Елена Петровна распахнула портфель, не спеша выложила из него классный журнал, стопку тетрадей.

— Я проверила сочинения «Моя будущая профессия». В целом неплохо, если не считать того, что написал Буслаев.— Учительница, поморщившись, взяла в руки тетрадь.

— Вот полюбуйтесь: «Когда вырасту, я хочу быть министром просвещения и делать разные реформы». Отметки у него выставляет компьютер. Учителям он, очевидно, не доверяет, думает, что машина оценит его знания справедливее. Словом, три страницы всяких глупостей. Я поставила за сочинение двойку. Возьми свою утопию.

— А почему д-двойка? — опешив и заикаясь от неожиданности, спросил Бусла.— Ошибок много?

— Нет, ошибок нет.

— Тогда нечестно,— вступился за приятеля Гришаев.— Правду написал — нужна ЭВМ. Что, человек мечтать не может?

— Мечтать — не значит совать свой нос куда не следует. Мне очень понравилось сочинение Вишнякова,— повысив голос, продолжала Елена Петровна.— Тема у него раскрыта полностью, а главное — сочинение написано искренне. Вадим, может, ты прочитаешь его вслух?

— Нет, нет, у меня горло.— Вскочив с места, Вадик испуганно замотал головой. Было видно: ему вовсе не хочется, чтобы сочинение слышали в классе.

— Ну хорошо, я прочту сама. Это будет полезно для некоторых.— Елена Петровна выразительно посмотрела на Буслаева.— «С детства я мечтал стать летчиком. Эта мечта сохранилась во мне до сих пор. Мой отец — командир воздушного лайнера. У нас дома висит карта, и я флажками отмечаю на ней столицы государств, куда летал мой отец. Сначала у меня не было особой любви к этой профессии, я даже боялся самолетов...»

В классе засмеялись.

— Не вижу тут ничего смешного, Шныров.— Учительница прервала чтение.

Шнырик (смеялся он) вздрогнул, прижался грудью к парте. Теперь, в новом году, классная больше не называла его по имени, наверное, не могла простить, что он оскандалился в председателях.

— «Я даже боялся самолетов,— с выражением продолжала чтение Елена Петровна.— Но отец часто брал меня в полеты. Самолеты у отца сначала были легкие, маленькие, и поэтому он иногда позволял мне подержать штурвал. Тяну штурвал на себя — и самолет взмывает вверх! Это воспоминание не дает мне покоя, и я очень жалею, что отец перешел теперь на большие самолеты и больше не может позволить мне подержать штурвал. Ведь ему доверены сотни жизней, и он не имеет права рисковать. В полете бывают моменты, когда летчик в считанные доли секунды должен выбрать единственно правильное решение. Например, когда самолет срывается в «пике» — теряет управление, падает носом в землю... Я хочу стать летчиком, таким, как мой отец».

— Много хочешь,— заметил Лешка Борисычев по прозвищу Карандаш — рослый парень в вечно стоптанных ботинках.

— В чем дело? — Елена Петровна бросила строгий взгляд на «галерку».

— Какой из него летчик!

— Он темноты боится! — крикнул Шнырик.

— Из него летчик, как из меня лилипут,— вставил свое слово Буслаев, уже позабыв, что Вадик только что спас его, не выдав классной, что назначил дежурным его.

Мальчишки засмеялись громко, дружно, как смеются над слабым.

Елисеева, с трудом сдерживаясь, привстала,

ей хотелось крикнуть Бусле обидные, безжалостные слова, уколоть его так же, как он уколол Вишнякова.

2

Антон Лобов застыл на пороге учительской. Все тут было привычно, знакомо по прошлому году, когда он был старостой. Два низких кресла, старый шкаф с пылящимся на нем глобусом, тумбочка с ячейками для журналов.

В мягком кресле возле окна сидела Марина, старшая вожатая. Она что-то объясняла Елене Петровне, та отвечала, не отрывая ручки от бумаги.

— Марина, мне кажется, вы же сами внушали мне: класс — это одно, а отряд — совсем другое... Разве я не правильно передаю ваши слова?

— Все правильно, но без поддержки...

— Они в моей поддержке не нуждаются.— Елена Петровна заметила, наконец, стоящего на пороге Антона.

— Вот председатель. Он у нас активный — пусть работает.

— Подойди ближе, садись.— Марина жестом поманила Антона.

Когда Антона вдруг избрали председателем совета отряда, на клумбе в школьном дворе еще цвели белые астры, последние осенние цветы, а теперь на земле уже лежал снег. Время шло, а Елена Петровна словно забыла о нем, об отряде. Шнырова, прежнего председателя, она опекала каждую минуту, вмешивалась, если сомневалась, что ребята пойдут за Шныриком на смотр строя и песни или собирать металлолом.

Антон горько жалел теперь, что не отказался. Пусть бы председателем избрали если не Шнырика, то, скажем, Клячкину. Училась она лучше всех, на уроках сидела не шелохнувшись и смотрела на учителя преданными, как у таксы, глазами.

— Антон,— ласково заговорила Марина,— я очень прошу тебя сдать мне план работы отряда. Наметь с ребятами дела. Придумайте что-нибудь новое, чего нет у других.

— Ну что тут можно придумать? — Елена Петровна, махнув рукой, снова погрузилась в журнал.

— А можно записать строительство хоккейной площадки? Мы хотим выставить команду на «Золотую шайбу». Площадку сделаем на школьном дворе.

— Как на школьном дворе? — удивилась Елена Петровна.

— Возле стадиона. Где яма для прыжков — она же зимой никому не нужна.

— Мысль интересная, только надо поговорить с директором, с Анной Зиновьевной.— Марина вопросительно взглянула на Антона, потом на Елену Петровну.

— Ну, этим пусть занимается физрук.

— Почему физрук? «Золотая шайба» — это пионерское дело.

— Маниловщина.— Классная махнула рукой.— Чем воздушные замки строить, лучше бы занялся отрядным уголком. Как в прошлом году Мишку олимпийского выпилили, так и висит.

— Но Бусла же нарисовал нейтронную бомбу...

— Хорошо, не будем спорить. А дежурства?! Что сегодня произошло? Поначалу мне казалось, что Вишняков справляется. Мальчик вежливый, аккуратный. А что случилось с сочинением? Я думала, что они с Буслаевым дружат. Сколько раз видела, как из школы вместе идут.

— Бусла, он такой...

— Какой такой?

— Всегда говорит, что думает.

— Сомнительное достоинство.

— Значит, надо врать? Если он не верит, что Вадик сможет... Летчиком может быть не каждый.

— Так зачем непременно вслух? Человек вырастет, возмужает...

— Ну вы же несправедливо поставили Бусле двойку. Он обиделся.

— У тебя странное представление о справедливости. Уверяю, Буслаев просто играет в искренность. Лишь бы вас повеселить, сорвать урок, обратить серьезное дело в хохму.

— Вам кажется, потому что вы его не любите.

— Ты хочешь сказать, что я пристрастна, несправедлива? — Елена Петровна ахнула от гнева.

Антон запнулся, чувствуя, что совершает глупость, но замолчать уже не мог.

3

Неслышно ступая по заснеженной дорожке, Антон подошел к яме для прыжков, вскинул голову, отыскивая взглядом пологий скат школьной крыши. Если залить каток здесь, у ямы, он всегда будет освещен — свет отбрасывают большие окна спортзала. А потом можно установить на крыше прожектор...

Но поддержат ли его ребята?

Бусла вот считает, что глупо строить площадку в школе: в любом дворе и легче и надежней. В отряд никто не верит. Ребята привыкли, что все решает Елена Петровна, ну а коли она отказалась поговорить с директором...

Может, Елену Петровну раздражало, что две командирские нашивки вопреки ее воле достались Антону? И она устранилась, чтобы доказать Марине: без классного руководителя отряд ни жить, ни управляться не сможет?

Но отряд жил, хотя, едва выскочив из школы, и Бусла, и Гришаев, и Карандаш прятали галстуки в карманы, будто стыдились показаться прохожим маленькими.

Ребята шагали по Шипиловской к Ореховому бульвару, где строились гаражи.

И в самом деле, за лето все в классе изменилось. Девчонки вытянулись и похорошели. Многие мальчишки отпустили волосы, стали мыть их шампунем, стричься не под полубокс, как прежде, а за рубль или два, у настоящих мастеров. На переменах они теперь не меньше девчонок вертелись перед зеркалом, вели разговоры про джинсы и модные рубашки.

Антон понимал, что за лето изменился и он сам. По утрам, войдя в вестибюль школы, бросал в зеркало быстрый, незаметный для окружающих взгляд и сразу отводил глаза. В этом году все ему не нравилось: и сердитые, чуть выпученные глаза, и прыщики, то и дело возникавшие на носу, и тяжелые, грубые руки.

— Эй, председатель!

Антон оглянулся. Вдоль низкого бетонного заборчика, отделявшего школьный двор от остального мира, широко расставляя длинные ноги в новеньких белых кроссовках, вышагивал Бусла. Рядом семенил, едва доставая макушкой до плеча, Вишняков, непонятно оживленный, будто уже позабывший, как Бусла смеялся в классе над его сочинением.

— Ты что, место для площадки выбираешь?— заметил Бусла.

— Да нет, просто так...

Вот так, на ходу решать, где лучше поставить коробочку, Антону не хотелось.

— Лучше поставить за котельной. Только надо быстрей, пока щиты не увезли.

— Щиты?

— Возле гаража их навалом. У строителей это был забор.

— Может, пойдем посмотрим? — Антон с надеждой взглянул в сторону шоссе: школьный двор от гаража отделяла всего лишь сотня метров.

4

— Не лезь, куда не следует! — Елисеева проворно вскочила с кресла и шлепнула Шнырика по руке. До чего же он любопытный, этот Шныров! Мало, что высмотрел все на трюмо, потрогал пилочки для ногтей, коробочку с пудрой, понюхал флакон с духами — теперь еще полез в ящики. Зачем она только его пустила в свою квартиру? Поболтать с ним интересно, но кто мог подумать, что он такой нахал?

— А я не лезу, не лезу.— Шнырик покорно отскочил в сторону.— Я просто за ручку подержался, ручка красивая, у Вишнякова на шкафах точно такие.

— Ты что, с ним дружишь? Ты же над ним смеялся.

— Когда?

— Когда сочинение читали.

— А-а,— по лицу Шнырика скользнуло уныние,— пусть не врет. Какой из него летчик, если он на кладбище вечером боится? Мы его сколько раз с Буслой звали — не идет. А тебе что, Вадик нравится?

— С чего ты взял? Для меня все одинаковы.

— А я думал, Акила...

— Зря думал.— Елисеева встала и поправила штору, она боялась, как бы Шнырик не заметил румянца, вспыхнувшего у нее на одной, как обычно, щеке. Акила ей и в самом деле в прошлом нравился. Оттого, что вызывал сочувствие, нуждался в помощи, совете. Но потом, когда попыталась сделать к нему маленький шажок, показался замкнутым, скучным. Теперь же, когда связался с Карандашом, и вовсе был безразличен. Зато вчера, когда читали сочинение, вдруг понравился Вишняков, такой ранимый, беззащитный. Уронив голову на парту, он ужасно переживал. Разве можно такое сочинение читать вслух? Мечты не предназначены для чужих ушей, они рушатся, исчезают в один миг, точно проткнутый солнечный мыльный пузырь. Подумаешь — человек испугался темноты, кладбища — этого боится всякий, только не подает вида.

Ольга, почувствовав, как по спине побежали мурашки, оставила Шнырика возле книжной полки и выскользнула в коридор.

Человек ведь в тринадцать лет только начинает жизнь. Неужто Вишняков не сможет перебороть свой страх, привыкнуть к нему? Садиться в самолет даже пассажирам каждый раз страшно... А летчики, они, должно быть, боятся не меньше пассажиров, но никогда не показывают этого. Наоборот, они кажутся такими спокойными, словно у каждого под фирменным кителем спрятан маленький парашют. Почему Вишняков не может мечтать стать летчиком, таким, как его отец?

...Мяч взмывал высоко вверх и, едва не задевая скрытые металлической сеткой светильники, падал вниз, чтобы, мягко ударившись о чьи-нибудь напружиненные кисти, опять улететь. В физкультурном зале играли в волейбол. Вадик, Бусла, Гришаев, Елисеева и девчонки из шестого класса. Бусла, явно красуясь перед девчонками, сильным и хлестким ударом направил мяч в угол площадки. Вадик переминался с ноги на ногу. Он и искал мяч и сторонился его. Легкий, тихий мяч был бы подарком. Тогда Вадик мог бы не спеша, легко нырнуть под него, одними пальцами, беззвучно, подбросить обратно вверх. Но резкий, крученый он боялся не принять вовсе... И тогда на губах Елисеевой могла появиться усмешка.

Вадик смотрел на Ольгу во все глаза. Рядом с нею он казался себе щуплым, маленьким, незаметным. Неужели Шнырик сказал правду? Разве мог он, Вадик, жалкий и маленький мальчишка, заинтересовать такую девицу?

Когда мяч попадал к Елисеевой, Вадик замирал: вдруг Ольга отдаст первый пас ему? Но она чаще пасовала Бусле или Шнырику, хотя Вишняков стоял напротив.

В новом году, в седьмом, его ужасно волновали девчонки. Ему хотелось нравиться им, а еще лучше знать наверное, что он нравится какой-то одной. Тогда, если знать, что она не станет смеяться, можно бы послать записку, пригласить в кино или в парк, как это делает Шнырик.

Встречаясь с Елисеевой глазами, Вадик глупо улыбался и пятился назад, пропуская летевшие к нему мячи.

— Вишняк, ты что, слепой? — сердито крикнул Бусла.— Прозевал — прыгай на пол, не расшибешься.

5

Антон шагал рядом с Буслой по Шипиловской к Ореховому бульвару, где строились кооперативные гаражи. Слева остался хмурый бетонный куб поликлиники, справа на затоптанной сотнями ног площади — универсам. Ближе к парку — гигантская яма строящейся станции метро. Тут стучали отбойные молотки, хрипели, вгрызаясь в подмороженный грунт, экскаваторы. Левее тянулись улицы старой деревни. Деревянные дома, вывороченные балки, свисавшие клочьями обои. В траншее, выдолбленной посреди старого шоссе, можно было насчитать пять слоев асфальта, что клали друг на друга давно, прежде чем сюда пришел новый город.

Гаражи — кирпичные коробки — стояли на склоне оврага. Возле железных ворот — сторожка с большим квадратным окном.

— А где же щиты? — озираясь по сторонам, спросил Антон.

— Слева, возле забора. Они теперь никому не нужны.

Бусла уверенно возглавлял процессию. За Антоном, как всегда, без причины хмурясь, шагал Акила; забегая вперед, вертелся под ногами Шнырик; не спеша, важно, надеясь, что путешествие будет забавным и необременительным, замыкал шествие Карандаш.

— А щиты тяжелые? — беспокоился Шнырик.

— Вдвоем поднять можно.

— Что, мы их отсюда таскать будем? Здесь до школы целый километр.

— Машину найдем.

— Какую машину, где ты ее возьмешь?

— Вон у Карандаша отец шофер.

— Правда? А он согласится? — Антон, отстав, пытливо взглянул Карандашу в глаза.

— Если я попрошу, на что хочешь согласится.

Карандаш хмыкнул, весело сплюнул в канаву — успех всей затеи, оказывается, зависел теперь и от него.

Бусла обошел гаражный городок, остановился возле сваленных в кучу деревянных щитов. Наверное, когда гаражи только начали строить, они служили забором. Рядом на выжженной земле ровным кружком лежал прибитый дождем пепел.

— Жгут, — заметил Карандаш. — Раньше тут куча больше была.

— Надо брать скорей, пока все не сожгли. — Шнырик засуетился, но, схватившись за щит, отступил. Тот был и грязен, и тяжел.

— Надо сперва спросить... — Не дожидаясь, пока Бусла остановит его, Антон пошел обратно, к будке сторожа. Ребята остались на месте, только Шнырик, скорее из любопытства, чем из желания помочь в трудном разговоре, присоединился к Антону.

Сторожа в будке уже не было, он медленно прогуливался по гаражному двору.

Антон прыгнул через шлагбаум, подошел.

— Кто такие?

Сторож, мужчина в ушанке и ватнике, с безусым, еще совсем детским лицом, встретил их почти враждебно.

— Мы из школы, насчет щитов. — Антон начал объяснять, зачем они оказались на территории гаража.

Сторож слушал, потягивал сигаретку, лицо его оставалось безучастным.

— Зачем вам эти щиты, вы же все равно их сожжете? — вмешался в разговор Шнырик.

— Велят сжечь — сожжем, — отбросив сигаретку, подтвердил сторож.

— Зачем же жечь? — с отчаянием спросил Антон.

Сторож молчал, поглядывая то на ворота, то на ребят.

— Вы что, хоккей не любите?

— Отчего же, на ЦСКА посмотреть люблю. — Сторож неожиданно смягчился.

— А у нас тоже своя команда будет!

— Щиты-то, они не нужны, это факт, — наконец согласился сторож. — Но что ревизия скажет? Они же числятся.

— А вы скажите, что школе передали.

— Не знаю. — Сторож покачал головой. — Поговорите с Федосеевым, он у нас начальник.

— С Федосеевым, — подпрыгнул от радости Шнырик. — Так я же с его сыном монетами менялся.

6

— Что такое, почему никто не садится? — Брови Елены Петровны в недоумении взлетели вверх.

— Елена Петровна. — Антон шагнул вперед, от волнения заговорив низким, густым голосом, чуть ли не басом. — Нам разрешили взять щиты для площадки.

— Для коробочки! — крикнул Бусла.

— Да. Нужна записка, что школа просит их передать. А то в гараже ревизия может быть.

Елисеева, сгорая от любопытства, встала на цыпочки, чтобы увидеть, что происходит у доски.

— Никаких записок я писать не буду. — Елена Петровна бросила на стол свой лакированный черный портфель. — Запишите тему: творчество Н. В. Гоголя, основоположника критического реализма в русской литературе.

Она подошла к окну, резко обернувшись, поймала взглядом сверкнувшую на солнце стальную пилочку, которой Елисеева полировала ногти, и осуждающе покачала головой.

— Годы жизни: тысяча восемьсот девятый тире тысяча восемьсот пятьдесят второй. Что это была за эпоха, Акимов?

Акила, поднятый неожиданным вопросом со своего места, беспомощно оглядывался по сторонам.

— Это девятнадцатый век.

— Совершенно верно, — не без иронии кивнула учительница.

— Шныров, напомни нам, где родился Гоголь.

— Гоголь родился в местечке Сорочинцы.

Шнырик отвечал неторопливо, нарочно запинаясь, чтобы классная не догадалась, что перед ним лежит открытый учебник.

— В местечке Большие Сорочинцы. Два года Гоголь учился в Полтавском училище, затем поступил в гимназию в Нежине.

— Продолжай, Шныров, продолжай, — кивнула Елена Петровна. — Впрочем, ты материал знаешь, пусть о Нежинском лицее расскажет кто-нибудь другой.

— Можно мне? — Гришаев, водворив на нос очки, проворно поднялся из-за парты.

— Гришаев,— без охоты согласилась Елена Петровна.

— Гоголь учился в гимназии высших наук в Нежине,— бодро начал Гришаев, посматривая в тетрадь, голос у него лукаво звенел.— В школе Гоголь проявил себя как болезненный мальчик, с наклонностью к мелким шалостям и задиранию товарищей.

— Где ты списал эту галиматью? — недовольно поморщилась Елена Петровна.

— В первом томе собрания сочинений издательства Маркса, тысяча девятисотый год.

— Где ты его взял?

— В макулатурном киоске. Туда все время старые книги приносят.

— А поновей собрания у тебя не нашлось? Садись. Продолжает Клячкина, ближе к тексту учебника. Мемуары — вещь субъективная.

Она вернулась на место, уселась на стул, почти не слушая монотонный ответ ученицы. За Клячкину она была совершенно спокойна. Весь урок эта толстушка могла просидеть, подложив под себя ногу. Манеры у нее были детские: вызываясь отвечать с места, Клячкина подпрыгивала на парте, тянула руку к самому потолку, пока на нее, наконец, не обращали внимание. Если ее кто-нибудь обижал, как малышка, показывала язык. Мальчишек она презирала независимо от роста, даже Буслу, который нравился почти всем. Получив тройку, Клячкина плакала, просила не ставить отметку в журнал, жила тем, что каждую минуту искала похвалы учителей, могла наябедничать и тайком и высказать в глаза при всех, что очень нравилось Елене Петровне.

В коридоре тихо запел звонок.

— Урок окончен. Запишите задание.— Елена Петровна, подхватив портфель, направилась к дверям.

— А как же письмо? Без письма нам щитов не дадут,— спросил Бусла, вдруг ставший серьезным, даже мрачным.

— Письмо? — На лицо Елены Петровны снова легла тень неудовольствия.— Если выпадет случай, я спрошу у директора.

— А когда? Сегодня?

— Торопить меня не надо. Вишняков, отнеси, пожалуйста, журнал в учительскую.

7

Сунув журнал под мышку, Вадик выскользнул в коридор. Сейчас он мечтал об одном: еще раз взглянуть на записку, полученную им на уроке. Там, в классе, он пробежал ее мельком — Гришай уже пытался сунуть в нее свой нос. Увы, Вадик не успел заметить, откуда она прилетела...

Взгляд Елисеевой ничего ему не сказал. Поджав тонкие, как струночки, губки, она оглядывала класс с обычной снисходительностью, с какой смотрят на всех остальных сидящие на «галерке», откуда жизнь понятнее и виднее. В три прыжка спустившись на второй этаж, Вадик повернул налево и, прислонившись к стене, развернул записку. Она была написана мелким почерком. Быстрым, торопливым, но тщательным, как пишут обычно девчонки. Именно так выглядела и шпаргалка, которую Елисеева как-то, сжалившись, подбросила ему на физике.

Вадик еще раз прочел две удивительные строки, схватил портфель и, едва касаясь ботинками каменных ступенек лестницы, сбежал вниз. Ольга стояла у зеркала среди девчонок.

Вадик с тоской посмотрел на стрелки часов, потом на журнал и, решительно засунув его в портфель, устремился в гардероб за курткой.

В записке, что он получил на уроке, было всего шесть слов: «Приходи после уроков к третьему подъезду». Дом не назывался, но место, где назначено свидание, Вадик вычислил сразу. У третьего подъезда они встречались, когда лазили на чердак, где в прошлом году прятался Акила. Из девчонок о нем знала только Елисеева.

— Вишняк, ты куда? — возле самых дверей поймал его Буслаев.— Мы сейчас насчет щитов договариваться идем.

— Я не могу.

Его обступили: Антон, молчаливый, озабоченный, Акила, Карандаш...

— Я сейчас не могу, мне к врачу,— с отчаянием оглядываясь в сторону зеркала девчонок, убеждал Вадик.

— К какому врачу? — недоверчиво переспросил Бусла.

— К зубному. Я ненадолго. Я вернусь.

Он выскочил во двор и, стараясь шагать медленно, с каблука на носок, чуть приподнимаясь на цыпочки, чтобы казаться выше ростом, направился к третьему подъезду. Девчонки исчезли: то ли они остались в школе, то ли успели выпорхнуть, пока он разговаривал с Буслой.

С каждой секундой волнуясь все больше, Вадик бросил портфель на припорошенную снегом деревянную скамью, заглянул в подъезд и нос к носу столкнулся с Шныриком.

— Ты? Чего это ты тут делаешь?

— Ничего, греюсь.— Шнырик безразлично зевнул.

Вадик тоскливо посмотрел на почтовые ящики, в круглых дырках которых белели газеты, потом снова на заснеженный двор.

Шнырик не уходил.

— А ты почему за щитами не пошел?

— Сперва Федосеева нужно найти. Его отец щитами распоряжается.

— А что же ты его не ищешь? — с надеждой спросил Вадик, все еще думая, что Шнырик оказался тут случайно.

— А что его искать? Он тут должен пройти.

Вадик с отчаянием посмотрел на часы, потом на Шнырика, уютно устроившегося на батарее.

— Тим, уйди, у меня здесь встреча.

— С кем?

— С одним человеком.

— Я его знаю? — Шнырик нагловато улыбнулся.

— Ну, уйди, как человека просят, — взмолился Вадик, начиная понимать, что Шнырик оказался тут не случайно. Записка тоже не случайно прилетела откуда-то сбоку. Шныров, должно быть, перехватил и прочитал ее?

— Уйди! Хочешь, я тебе польскую серию отдам? Олимпийские игры. Шесть видов: плавание, велоспорт, прыжки в высоту...

— Привет, — с интересом глядя на Вадика, сказала Елисеева. — Ты записку прислал?

— А прыжков в сторону нет?

Впившись глазами в узкие смеющиеся глазки Шнырика, Вадик шагнул вперед, замахнулся, еще не веря, что сможет сейчас ударить Шнырика.

— Эй, поосторожней. — Шнырик испуганно отпрыгнул к лифту. — Вон твоя невеста уже идет.

Вадик оглянулся и через стеклянную дверь увидел Ольгу. Она не спеша, будто прогуливаясь, брела вдоль дома.

— Если выглянешь из подъезда, — марок не получишь! — пригрозил Шнырику. Вадик тихонько отворил дверь, забрал со скамейки портфель и сбежал по ступенькам на дорожку.

— Привет, — с интересом поглядывая на Вадика, сказала Елисеева. — Ты записку прислал?

— Какую записку?

— Вот.— Елисеева сняла красную вязаную варежку и открыла маленькую нежную ладонь.

Написанная печатными буквами записка слово в слово повторила ту, что лежала у него в кармане.

— Не я,— вздохнул Вадик.

— Ой, нас надули.— Елисеева неожиданно рассмеялась.

Тонкие розовые губки ее все еще хранили улыбку, она шла сбоку и чуть впереди. Вадик же старался отставать на полшага, чтобы разница в росте не так была заметна. Ему казалось, что Елисеева чуть выше его.

— Ты что сейчас делаешь?

— Н-ничего.

— Пойдем ко мне, поболтаем.

— Может, погуляем?

Вадик оглянулся назад, на дверь, за которой прятался Шнырик.

8

Небо черно, но звезды еще не зажигались, только прищурившись и сложив ладони биноклем, их можно было прочитать в бездонной, туманной мгле. Город уже полыхал огнями, вспыхнули неоновые ленты подъездов.

На площадке возле школы визжала пила, стучали молотки. Антон в распахнутой куртке, не чувствуя мороза, метался по площадке, раздавая инструмент, распределяя щиты, что подвозили на санках шестиклассники. Самим строительством руководил Бусла: только он один знал, как пустить щиты, чтобы площадка одинаково закруглялась по углам, чтобы стояли они прочно, не падали от удара шайбы.

Строительство, как водится у мальчишек, вспыхнуло случайно. И часа не прошло с той минуты, как Шнырик, подловив в гараже Федосеева-отца, выпросил у него щиты, а Бусла, Акила и Карандаш уже нагнали на школьный двор целую армию пацанов из пятых, шестых, седьмых классов, даже из других школ. Двор был полон шума, со всех сторон катили санки, из которых Шнырик надумал построить движущийся мост от гаража до самой площадки.

— А где мы щиты спрячем? — с беспокойством поглядывая то на ребят, то на окна директорского кабинета, к счастью, темные, спросил Антон.

— Зачем? Мы коробочку сразу поставим.

— За один день?— Антон недоверчиво взглянул на Буслу. В огромных сапогах и ватнике с отцовского плеча, тот внушительно возвышался над ватагой малышей, готовых по первому зову перевернуть вверх тормашками всю школу.

— А что тут делать? Мы, когда жили на старой квартире, такую за четыре часа поставили. Нужно щиты ножовкой подрезать и прибивать гвоздями к стойкам, чтобы от земли было метр пятьдесят.

— Нет, метр сорок,— заспорил Шнырик.

— А лед? Надо добавить толщину льда.

— Елена, выходит, разрешила? — уставившись на Буслу запотевшими очками, спросил Гришаев.

Бусла промолчал.

— Значит, не разрешила?

В модном вельветовом пальто и щапочке из настоящей норки, Гришаев, спокойный и благоразумный, сейчас был больше похож на родителя, чем на ученика.

— Кончай, Гришай!— крикнул Шнырик.— Если испугался — беги домой. Скажем, что никто тебя не видел.

— Может, спросим у директора, если она придет? — осторожно предложил Антон, по инерции еще пытаясь остановить ребят, в душе уже примкнув к ним. В самом деле, что ему оставалось делать? Бежать со двора, чтобы завтра, когда классный руководитель будет выспрашивать, как и что, невинно мигать глазами?

— Ну тебя, Лобов, трусишь — так и скажи,— обиделся Бусла.

— Он же председатель, ему отвечать.— Гришай все еще призывал к благоразумию.

— Ну и что? Председатель ничего один не решает. Я тоже в совете отряда.— Шнырик прыгнул на санки, чтобы его видели и слушали все.— Проголосуем!

— А кто еще в совете? — усмехнувшись, спросил Карандаш.

— Значит, так,— Шнырик не спеша оглядел присутствующих,— Лобов, Шныров — это, значит, я, Вишняков, Гришай как звеньевые, Бусла...

— Еще есть Клячкина,— напомнил Гришаев.

— И Елисеева,— добавил Антон.

Карандаш в драном ватнике с удивлением поглядывал на ребят, впервые уяснив, что в классе есть совет, за который он, наверное, голосовал когда-то. Шнырик вертелся, довольный тем, что подвернулась ситуация, в которой можно себя показать.

Все это напоминало игру, озорство: привыкли, что совет отряда ничего без классного руководителя не решает.

— Значит, нет Вишнякова.

— И Елисеевой.

— Вишня к Ольке в гости пошел,— объявил Шнырик.

— Тогда голосуем без них?

Антон, все еще не убедившись, что поступает правильно, с тоской посмотрел на Шнырика, вставшего на цыпочки и выбросившего в небо сразу обе руки, на Буслу, смотревшего на него с угрюмой надеждой, и медленно поднял вверх правую руку.

Школьный двор был полон шума,
со всех сторон катили санки...

9

— Эй, самосвалы, столбы туда!

Шнырик весело направил санный поезд в левый угол площадки, где Бусла, прочертив сапогом дугу, пытался замкнуть щитом плавную плоскость виража.

Лыжную шапочку Шнырик давно спрятал в карман и носился по площадке с непокрытой головой. Его слушались и малыши, и одноклассники: ему нравилось распоряжаться, направлять усилия других. Он договорился с Федосеевым, достал щиты. Он помог собрать по домам целую кучу разного инструмента: лопаты, молотки, ножовки, топор.

В суете, важной и сладостной, растаял и осадок, оставшийся после стычки с Вадиком в подъезде. Теперь Шныров уже жалел, что подстроил эту встречу. Было обидно, что Елисеева вовсе не послала Вадика подальше, а приняла его дружелюбно. А Вадик, с виду тихоня, выступил как драчливый петух. Раньше он никогда не возникал, безропотно выносил Шнырику из дома жвачку, орешки с солью в красной аккуратной коробочке, словом, все, что привозил ему отец. Правда, у подъезда в таких случаях Шнырик караулил его не один — за спиной тенью стоял Карандаш. Карандаш обычно помалкивал, но и этого было достаточно, чтобы Вадик начинал мельтешить, заикаться... И чего Елисеева разглядела в этом коротышке?

— Эй, люди! Куда свалили щиты? — начальственно крикнул Шнырик и вдруг резко переменился: голос его игриво задрожал: — Кого мы видим!

На площадке, быстро погружающейся во мрак, вдруг возникли Елисеева в белой пушистой шапочке и Вадик с портфелем под мышкой.

— Коробочка? Здорово!

Вадик радостно засуетился, бросив на снег портфель, подхватил лопату.

— И как вы работаете? Не видно же ничего! — Елисеева прошлась по площадке.

Шнырик следовал за нею, пытаясь заглянуть ей в лицо.

— Ты что, с Вадимом пришла?

— Ну и что из этого?

— Да нет, просто так.— Шнырик неожиданно для самого себя смутился.

— А почерк ты здорово подделываешь.— Елисеева легонько щелкнула Шнырика пальцем по лбу.

— Какой почерк?

— Обыкновенный. Ты записку Вишнякову подбросил?

— Какую? Ты что! Бусла, тебе сколько на эту сторону щитов?

Шнырик скорее нырнул в темноту.

Вадик, сегодня необыкновенно уверенный, забивал скобы в очередной только что поднятый с земли щит. Шнырик задержался, хотел сказать что-нибудь обидное насчет Елисеевой, но его окликнул Бусла:

— Эй, Шныра, что делать, уже совсем темно.

— Может, с фонариком?

— А если прожектор? — предложил Антон.— Вон как там.

Все посмотрели налево. По другую сторону школьного забора висел прожектор. Он был укреплен на самой высокой верхушке тонкого деревянного столба и, разрезая ярким лучом ночную мглу, вырывал из темноты запорошенные снегом автомашины и крышу котельной, из приоткрытых ворот которой выползал белый пар.

— Может, повернуть прожектор сюда? — вдруг предложил Вадик.

— Точно,— подумав, кивнул Бусла.— Шныра, попробуешь?

— Я? — Шнырик шагнул вперед, взгляд его скользнул по тонкому слабому столбу.— Разве залезешь?

— Подсадим, ты легкий.

Шнырик прыгнул через забор, задрав голову, высоко в черном небе увидел горшок прожектора, снежинки, кружившиеся вокруг него.

— Забьешь скобу и перевесишь прожектор лицом к нам.

— Ты думаешь, будет держаться? — Шнырик тронул рукой гладкий холодный столб, с опаской посмотрел вверх.

— Давайте я,— к столбу подскочил Вадик.

— Ты?

Вадик стянул с себя куртку, обвил руками гладкий, скользкий столб и, опираясь на руку, подставленную Буслой, медленно пополз вверх. Каждый сантиметр пути давался ему тяжело, коленки скользили вниз, съедая почти все продвижение, добытое руками. Ветер холодными порывами покачивал столб. Вадику было жутко, страшно, но он взбирался выше и выше.

Шнырик отошел от столба — его никто не замечал, все смотрели вверх, помогая советами Вишнякову.

Завидуя Вадику, Шнырик пятился все дальше и дальше и чуть не задел Елисееву. Ольга смотрела на Вишняка, и губы ее дрожали. Выйдя вовсе из круга, Шнырик прыгнул через забор и упал, споткнувшись о черный кожаный портфель Вишняка с обмотанной желтой изолентой ручкой.

10

— Шныров, что там за забор во дворе? — спросила Елена Петровна, устало опустившись на стул. Сегодня на ее плечах лежал синий с серыми разводами мохеровый плед. Едва начиналась зима, она вынимала его из сундука и не расставалась с ним до весенних ручьев.

— Где? — Шнырик, невинно приоткрыв пухлый рот, потянулся к окну.

— Ты что же, не видишь? — в голосе Елены Петровны возникли грозные басовые нотки.— Что там за нагромождение под окнами спортзала?

— Это коробочка,— обиженно заметил Бусла.

— Чтобы шайба не улетела за площадку,— подхватил Вишняков.

— Так. Но кто дал вам право портить вид школьного двора? Какие-то грязные доски...

— Их можно покрасить,— спокойно заметил Гришаев.

— Вот-вот, все выкрасить и выбросить. Откуда вы взяли доски, Шныров?

— Какие доски? — испугался Шнырик, вопрос, случайно или намеренно, второй раз задавался лично ему.— Н-не знаю.

— А мне казалось, что ты в курсе,— проговорила учительница и подошла к парте Акилы.

— Может, это ты, Акимов, стащил на стройке по старой памяти?

Акила побледнел, медленно поднялся из-за парты.

— Акилы вчера вообще не было,— тихо сказал Бусла.

— Так кто же?

— Доски нам дали в гараже.

— Просто так взяли и отдали...

— Они им не нужны, они хотели их сжигать,— выкрикнул Шнырик, позабыв, что он был совершенно не в курсе дела.

— А с кем вы там говорили? — спросила Елена Петровна.

— С Федосеевым,— помедлив, объяснил Шнырик.—Ну, с председателем гаражного ко-

оператива.— Он ужасно переживал, что незаметно для себя втянулся в опасный разговор.

— Вот как? — Елена Петровна задумалась.— Значит, доски вам дали. А кто разрешил вам строить площадку на школьном дворе? Директор, когда вернулась из роно, побоялась войти во двор. Говорит, там было человек сто...

— Не меньше,— подтвердила Клячкина. Ей нравилось, когда кого-нибудь ругали, разбирали, журили за проступок или двойки.

— Как вам удалось собрать столько людей?

— Если стоящее дело...— Бусла посмотрел на Елену Петровну с жалостью, как взрослый на ребенка.

— За площадку проголосовал совет отряда,— поднявшись с парты и глядя Елене Петровне в глаза, сказал Антон.

— Совет отряда? — удивилась Елена Петровна.— Это что же, новгородское вече? Собрались всем миром и решили?

— Никакого совета не было,— обиженно воскликнула Клячкина.

— Совет был,— уточнил Гришаев, вежливо поглядев на Клячкину через толстые очки.

Елена Петровна, недоумевая, подошла к Антону.

— Кто же на нем присутствовал?

— Я, Шныров, Гришаев.— Антон на секунду замолчал, думая, называть ли Вишнякова, подошедшего чуть позже.

— Присутствовали все, кроме Клячкиной! — крикнула Елисеева и язвительно ей улыбнулась.

— Ну что же, решение принято демократическим путем.— Елена Петровна широким шагом направилась к столу.— Завтра чтобы родители явились в школу. Быстренько на стол дневники, Лобов, Елисеева и прочие. А сейчас начнем урок. Вишняков, где наш журнал?

11

— Ж-журнал? — Вадик с трудом оторвался от парты, еще не понимая, отчего вдруг журнал спрашивают именно у него.

— Что же ты молчишь? Вчера, после литературы, я дала тебе журнал, чтобы ты отнес его в учительскую.

— Я? Я? — Вадик побледнел, мучительно пытаясь припомнить, куда девался журнал.— Я отнес...

— Так где же он? Я перерыла всю этажерку. Ну-ка, сбегай поищи сам.

Вадик как ошпаренный вылетел в коридор и только здесь все понял. Журнал он положил вчера в портфель, в тот самый портфель, что бесследно исчез вечером, когда строили коробочку. Проводив Ольгу домой, он долго и бесполезно шарил руками по снегу, вокруг коробочки и ближе к забору, где снег был еще свеж. Он угадал, что портфель кто-то спрятал, такое водилось. И рано или поздно портфель в таких случаях находился. Но журнал...

Сам не зная зачем, Вадик побежал в учительскую. Руки его дрожали. Он опять почувствовал себя маленьким и слабым. Все случившееся вчера показалось сном.

Вначале, когда они с Ольгой не спеша шли вдоль дома, он терялся, зная, что рядом в подъезде Шнырик. Но потом начал рассказывать ей о космических кораблях, которые видел и фотографировал, когда ездил с отцом в Звездный городок, о кольцах Сатурна, вращающихся с разной скоростью, о фильме «Встреча с будущим», что показывали на фестивале...

Ольга слушала, боясь пропустить слово, нечаянно прервать рассказ. А Вадик держался теперь с Ольгой легко, без опаски, вдруг обнаружив, что и ростом она ничуть не выше его.

А потом судьба послала ему гладкий, холодный столб, на который вдруг струсил залезть Шнырик. Взбираясь, Вадик не чувствовал ни окоченевших рук, ни того, что шапка его сбилась набекрень, а потом упала вниз. Ни усталости, ни подозрительного скрипа, слышного при каждом порыве ветра. Он знал: если прожектор зальет светом площадку, уже никто в классе не сможет назвать его трусом.

И вот теперь, едва избавившись от насмешек и унижения, он снова попал в такой скверный, безвыходный переплет.

Вадик добежал до учительской, отворил дверь, осмотрел этажерку для журналов. Журнала на месте, конечно, не было.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.

Десятки писем получаем мы от вас, ребята, в которых вы просите рассказать о жизни в капиталистическом мире, о судьбах ваших сверстников, о положении трудящихся и т. д. Сегодня за нашим «КРУГЛЫМ СТОЛОМ» собрались комментаторы Всесоюзного радио Н. И. Агаянц, А. А. Доронин, В. С. Соболев и международный обозреватель журнала «Новое время» А. В. Барышев. Тема их разговора: «Экономический кризис и его последствия». Ведет «КРУГЛЫЙ СТОЛ» Виталий Сергеевич Соболев.

Слева направо участники «круглого стола»: А. А. Доронин, В. С. Соболев, А. В. Барышев, Н. И. Агаянц.

МИЛЛИОНЫ ОБЕЗДОЛЕННЫХ В ОБЩЕСТВЕ МНИМОГО БЛАГОДЕНСТВИЯ

А. Доронин. Когда я собирался на «круглый стол», то спросил у своей дочери-семиклассницы, что она знает об экономических кризисах. Дочка пожала плечами: «Ничего. Мы в школе этого еще не проходили». Первое, о чем я подумал в тот момент: как хорошо, что она вот так спокойно может ответить: «Не знаю». Как хорошо, что наши дети не знают экономических кризисов. А вот ребята из США или Японии, ФРГ или Италии знают о кризисах не из школьной программы, а из самой жизни... Вспомнилась фотография, опубликованная недавно американской газетой «Нью-Йорк таймс». Печальные глаза негритянского мальчика, который тянет руку к куску хлеба. Он стоит в очереди с такими же голодными, как сам, за похлебкой. Миски похлебки едва хватает, чтобы не умереть с голоду. Сколько таких голодных в капиталистическом мире? Сколько взрослых, отчаявшихся найти работу? Миллионы. И рядом роскошь, обилие продуктов, товаров, созданных трудящимися. В Древнем Риме рабовладелец обязан был кормить свои «рабочие руки». Капиталист же, когда он не нуждается в них, просто выбрасывает рабочих на улицу умирать с голоду. Таков характер капитализма. С особой силой все его противоречия обнажаются в кризисах.

Ведущий. Но в чем же причина кризисов? Об этом спрашивают нас Валя Алфеева из Таганрога, Сережа Глимов из Во-

логды, москвич Саша Кузовлев и другие ребята.

А. Барышев. Кризис — это не какая-то неожиданная беда, вроде наводнения или землетрясения. Он приходит так же неотвратимо, как ночь сменяет день. Дело в том, что капиталистическое производство, в отличие от социалистического,— неплановое. Каждый предприниматель производит свой товар как бы вслепую. Он не знает, сколько этого товара нужно, какие предприятия выпускают еще то же самое и т. д. Для него важно произвести товар и продать его, получив прибыль. И вот наступает время, когда этого товара на рынке столько, что его никто не покупает. Наступает, как говорят, кризис перепроизводства.

Конечно, беда совсем не в том, что выпустили так много товаров. Товары нужны, но трудящиеся просто не в состоянии купить их. Тогда капиталисты снижают цены. Но даже по сниженным ценам товары не находят сбыта. И вот огромное количество непроданной продукции уничтожается. А в то же время тысячи людей голодают...

Ведущий. Значит, не произведи капиталист лишнего, не было бы кризиса?

А. Барышев. Нельзя рассматривать экономические кризисы лишь через товары, как отношения спроса и предложения. Главная причина кроется в противоречиях между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов производства. Поясню, что это значит: десятки тысяч рабочих трудятся вместе на одном предприятии. Но так как средства производства, то есть оборудование завода и сам завод, принадлежат капиталисту, он и диктует, как и что должно делаться. Общественное по своему характеру производство подчинено интересам частного предпринимателя.

Ведущий. Почему же так резко увеличивается армия безработных во время экономических кризисов?

А. Барышев. Дело в том, что раз товар не пользуется спросом, капиталист перестает его производить. Зачем производить, когда им завалены магазины? Капиталист сокращает производство, останавливает станки. Тысячи рабочих становятся ненужными, и их увольняют.

Ведущий. К слову сказать, хозяйственные потери во время кризисов огромны. Например, во время крупнейшего кризиса 30-х годов (1929—1933 годы), названного Великим, производство в Соединенных Штатах сократилось почти наполовину. В Германии — на 41 процент, во Франции — на 32 процента, в Великобритании — на 24 процента. Число безработных только в Соединенных Штатах превысило 14 миллионов человек. А всего за ворота предприятий в капиталистических странах было выброшено 35 миллионов человек. Сейчас на Западе можно наблюдать почти ту же самую картину. Кстати, вот письмо, которое прислал нам Владимир Тыльцев из Калуги. Володя спрашивает: «Почему кризисы захватывают сразу много капиталистических стран?»

А. Барышев. Если быть точнее, то весь капиталистический мир. Одни страны, правда, в бóльшей степени, другие — в меньшей. Такой всеобщий характер кризисов объясняется тем, что в результате широкого вывоза капитала, развития международных экономических связей сформировался мировой капиталистический рынок. Этот рынок усилил зависимость одних стран от других. И, естественно, экономические проблемы в одной стране не могут не вызвать трудностей в других странах.

Ведущий. Итак, «механизм» кризиса, если можно так выразиться, мы выяснили. Каковы же последствия кризиса в жизни капиталистического общества?

А. Доронин. Последствий много. Самое, пожалуй, большое зло во время кризиса — безработица. Сейчас в буржуазном мире примерно 30 миллионов безработных. Один американский безработный ходил по улицам с плакатом: «Я могу работать как вол. Но работы нет!» В Нью-Йорке открыли новую гостиницу. Нужно было набрать триста человек горничных, официантов, уборщиц. Но по объявлению пришли тысячи людей и две недели стояли в очереди, ожидая, когда начнут записывать желающих. Стояли даже по ночам, боясь упустить случай. Люди просто отупели от отчаяния. Очень тяжело тем безработным, у кого есть семьи. Ведь всех надо кормить, одевать, детям надо учиться. На это нужны немалые деньги. Между тем пособие по безработице мизерное. Да и получают его меньше половины безработных...

Ведущий. Ну, а если в семье нет детей?

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

А. Доронин. Молодым людям, даже если у них нет детей, не лучше. Представьте себе юношу или девушку, которые только что окончили школу или институт. У них большие планы, они думают добиться успеха в жизни. А оказывается, что они никому не нужны. У молодежи нет опыта работы, и их нанимают с большой неохотой. Поэтому среди молодых людей безработица еще сильнее. Одни выходят на улицы, чтобы заявить свой протест против несправедливого общества. Другие начинают грабить, третьи сходят с ума или кончают жизнь самоубийством. Ученые даже точно подсчитали, насколько увеличивается число самоубийств по мере роста безработицы. Если человек уходит из жизни, значит, он дошел до крайней степени отчаяния. Вот что написали два молодых англичанина Рафии и Шон перед смертью: «Что мы оставляем в этой жизни, где нет работы для таких, как мы? Все, что нам дано,— торчать на улице, бродить взад и вперед, привлекать внимание полисмена. Время бежит. Нам осталось жить недолго. Но о вас, остающихся, мы думаем с грустью».

И еще: каждый кризис несет новую волну бездомных. Люди теряют жилье, потому что нечем платить за него. Повсюду появляются палаточные городки бездомных. Кому-то не удается устроиться и в палатках. Они ночуют под мостами, на решетках метро, в тоннелях-переходах железнодорожных вокзалов. Но и там места мало. Особенно страдают бездомные зимой. Власти Нью-Йорка на зиму подготовили ночлежки для 3600 бедняков. А требуется их в десять раз больше. Люди, замерзшие на улицах, в нетопленных квартирах,— это тоже примета кризиса.

Ведущий. Каждый день буржуазные газеты и журналы, радио, телевидение сообщают о дальнейшем обнищании трудящихся. В то же самое время буржуазные правительства продолжают гонку вооружений...

Н. Агаянц. Причем увеличение военных расходов сопровождается заверениями в том, что милитаризация экономики есть благо. Перевод производства на военные рельсы позволит, мол, обеспечить работой миллионы людей... Можно, конечно, отмахнуться от таких заявлений. Они устарели, обветшали, не выдерживают критики. Но давайте просто обратимся к фактам, которые приносит жизнь. В Соединенных Штатах, по официальной статистике, сейчас свыше 12 миллионов безработных. Министр обороны США Уайнбергер как-то заявил, что, мол, 7 миллиардов долларов, вложенных в военную промышленность, обеспечивают работой 35 тысяч человек. Вполне возможно. А вот данные, которые приводит газета «Нью-Йорк таймс»: те же 7 миллиардов долларов, вложенные в жилищное строительство, дают работу для 76 тысяч человек, в здравоохранение — для 77 тысяч, в систему образования — для 100 тысяч! Кстати, рассуждения о том, что с увеличением военных расходов обеспечивается также рост промышленного производства, мягко выражаясь, чепуха. Ведь сегодня, когда в тех же Соединенных Штатах военный бюджет достиг рекордного уровня — 263 миллиарда долларов,— многие отрасли переживают тяжелый кризис: автомобилестроение, сталелитейная промышленность, гражданское строительство...

Ведущий. Мы говорили о безработице. И вот у Саши Алтухова из города Перми возник вопрос: если столько взрослых без работы, зачем капиталисты нанимают детей?

А. Доронин. Дело в том, что детям можно платить меньше, чем взрослым, а то и вовсе не платить. Это выгодно капиталистам и помещикам. Нанимая детей, они часто нарушают закон. В большинстве капиталистических государств разрешено брать на работу мальчиков и девочек лишь с 14 лет. В действительности же работают даже дошкольники. Конечно, никаких соглашений об оплате труда их родители с хозяином не заключают. Хозяин платит столько, сколько захочет. Зачастую дети трудятся за миску риса да маисовую лепешку.

Ведущий. Кстати, наши читатели могут спросить: «Как же родители мирятся с таким положением?»

А. Доронин. Мирятся. И не потому, что не любят своих детей. А потому, что не могут прокормить их. Многие бедные семьи живут только благодаря детским заработкам. Дети не могут ходить в школу. Они плохо одеты. Вечно недоедают. Мне и многим моим товарищам-журналистам во время зарубежных поездок доводилось видеть в гостиницах совсем маленьких ребятишек, которые зарабатывали на жизнь. Они работали посыльными, посудомойками, чистильщиками сапог, дворниками. Бывая в сельских районах, мы видели, как дети работали на полях наравне со взрослыми. А вот как писал об условиях работы детей в Таиланде западногерманский журнал «Штерн»: «...Их заставляют трудиться по 12 часов в день. Они не получают никакой платы, кроме еды... Владельцы предприятий избивают беспомощных детей, запугивают, чтобы они не сбежали. Многие дети буквально не видят дневного света — их жизнь проходит на предприятиях. Там они работают, получают еду, спят часто на голом каменном полу рядом с машинами».

Ведущий. Итак, кризис — ужасное явление и последствия его ужасны для простых людей. Но делают ли что-нибудь буржуазные правительства, чтобы остановить кризис?

Н. Агаянц. Нельзя сказать, что буржуазные правительства не принимают мер, чтобы выбраться из кризиса. Например, нынешнее американское правительство придумало такой выход. Прежде всего оно решило сэкономить средства. И для этого уменьшило помощь бедным, старым, больным, сократило расходы на школьные завтраки, пособия по безработице и так далее. Такая экономия была нужна, по мысли президента Рейгана, для сокращения налогов на капиталистов. Президент надеялся, что в ответ капиталист станет вкладывать эти дополнительные деньги в новые машины и новые заводы. Значит, промышленность может лучше работать и тогда прощай кризис! Но не тут-то было. Хотя налоги сократились, предприниматели почему-то не захотели улучшать и расширять производство. Способ, который придумал президент Рейган, только сделал кризис злее. Он отнял деньги у бедняков, значит, покупателей стало меньше.

Ведущий. Подводя итог нашей беседе, следует сказать, что экономические кризисы при капитализме неизбежны. Они обостряют противоречия между трудом и капиталом, ухудшают жизнь простых людей, лишают детей детства. Для устранения кризисов, как учит марксизм-ленинизм, есть только один путь — социалистическая революция.

Фотографии В. КРУПСКОГО.

Борис ТЕБИЕВ

«ЖИЗНЬ КРАСОЙ ДУШИ КРАСНА»

Маленькая повесть о большом русском поэте

Окончание. Начало в №№ 2, 3.

В. А. Жуковский. Рисунок Е. Рейтерна.

ЧАСТЬ III

В самом начале зимы Жуковский почувствовал усталость и решил, что в работе над поэмой надо сделать передышку. Времени для раздумий и воспоминаний о прошлом теперь у него оставалось гораздо больше. Ворошить в памяти прожитую жизнь было и грустно и приятно одновременно. Грустно оттого, что воспоминания о молодости — верный признак старости и близкого конца. Приятное шло от сознания исполненного долга, честно прожитой жизни.

Врачи разрешали ему иногда снимать с глаз темную повязку и открывать в его комнате занавески. В такие минуты он всякий раз подходил к книжному шкафу, брал с полки один из девяти аккуратных томиков последнего собрания своих сочинений, изданного совсем недавно здесь же, в Германии, перелистывал страницы, находя созвучные настроению строчки.

Девять маленьких томиков, а за ними — вся жизнь! Его поэзии были свойственны и высокие мысли, и чистые чувства, и любовь к Отечеству. Он и жизнь свою прожил так же, как писал, оставаясь чистым и мыслями, и делами. Он любил и ненавидел, радовался и горевал, поступал правильно и в чем-то серьезно заблуждался, но за всю свою жизнь ни разу не покривил душой, всегда поступая так, как требовали его убеждения...

Да, восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года показалось ему стихийным бедствием, а его участники представлялись злодеями, жаждущими крови. В ту пору Жуковский был искренне убежден, что верховная власть в России священна и неприкосновенна, хотя и отчетливо сознавал многие ее пороки, от души ненавидел крепостничество. Но поднять бунт и убить царя — это казалось невероятной дерзостью.

Первые искры сомнений в правоте собственных суждений зародились у Жуковского, когда он узнал, что среди «злоумышленников на цареубийство» немало людей, хорошо ему знакомых, уважаемых всей просвещенной Россией, составляющих цвет русского общества: Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Михаил Орлов, Николай Тургенев...

Он ждал от царя милосердия. Но надежды не оправдались. Месть самодержца оказалась злой и коварной. Пятеро руководителей восстания были приговорены к смертной казни и повешены. Для остальных царь уготовил крепостные казематы, каторгу, ссылку — медленную, но верную смерть.

Такое трудно было пережить. В условиях охватившей страну жесточайшей реакции самым благоразумным было замкнуться в своей скорлупе, отгородиться от жизни и чужого горя грудой ученых книжек, тихо играть на сладкогласной лире, утешая собственное поэтическое самолюбие и радуя слух немногих близких друзей.

Но поступить так Жуковский не мог. Для него это было бы равносильно предательству идеалов юности, измене самому себе. И он выбрал путь борьбы со злом, которое все в большей мере представало перед ним в облике российского самодержавия.

Ни один человек в России не сделал для опальных декабристов так много, как сделал Жуковский. Пользуясь своим положением воспитателя наследника престола, он многие годы принимал в их судьбе горячее участие. Он помогал добрым советом, деньгами, многочисленными ходатайствами о смягчении трагической участи лучших людей России, осужденных на каторгу и ссылку за свои политические убеждения.

Просителем за декабристов Жуковский не раз представал перед самим царем. Он чувствовал на себе колючий, недружелюбный его взгляд, от которого нередко лишались чувств не только придворные дамы, но и бравые генералы, и был спокоен, уверенный в своей правоте.

— Ты при моем сыне,— гневно говорил царь.— Как же ты можешь быть сообщником людей беспорядочных, осужденных за преступление?

— Но, государь,— возражал ему Жуковский,— вина многих осужденных не доказана, а те, кто в чем-то виноват, уже и так достаточно пережили и нуждаются в милосердии...

Жуковский знал, что ходит по краю пропасти, что в любой момент может в нее сорваться, стать таким же бесправным узником, как те, за кого он хлопотал. Знал и все же поступал так, как подсказывала ему совесть.

Сердечным теплом, дружеским участием были обязаны Жуковскому не только «люди 14-го декабря», но и спасенный им от солдатчины поэт Евгений Баратынский, вызволенный из-под ареста молодой писатель Владимир Даль, выкупленный из крепостной неволи Тарас Шевченко... Таких людей было немало.

Жуковский часто задумывался над тем, что многое в жизни человека зависит от случайностей. Так ли сложилась бы его жизнь и вообще стал бы он поэтом, если бы в один действительно прекрасный день перед ним не раскрылись двери Московского университетского благородного пансиона? Здесь он окончательно сформировался как поэт, здесь увидели свет его юношеские поэтические строки.

В ту далекую зиму 1797 года в Москве, первопрестольной столице России, ожидалась торжественная коронация Павла I. Засидевшаяся в деревенской глуши Мария Григорьевна Бунина решила непременно побывать в белокаменной, посмотреть на церемонию и засвидетельствовать тем самым свое почтение новому российскому государю.

Заехав ненадолго в Тулу, она сказала, что желает взять с собой и Василия, хватит, мол, ему дома тешиться, пора браться за ум и серьезное учение.

В Москве в одной из газет Буниной попалось на глаза объявление о том, что при Московском университете действует подготовительное отделение, именуемое университетским благородным пансионом.

«При сем университетском, преимущественно для благородных учрежденном вольном пансионе,— гласило объявление,— за главную цель взяты три предмета: 1) научить детей, просветить их разум полезными знаниями; 2) вкоренить в сердца их благонравие и 3) сохранить их здравие...

Императорский Московский университет в пансионе своем преемлет на себя обучать питомцев, во-первых, основательному познанию христианского закона, потом самонужнейшим светским наукам, как-то: всей чистой математике, т. е. арифметике, геометрии, тригонометрии и алгебре, некоторым частям смешанной математики и в особенности артиллерии и фортификации; так же философии, особливо нравственной (моральной), истории и географии, и российскому стилю, присовокупляя к тому искусство рисовать карандашом, тушью и сухими красками, танцевать, фехтовать и музыке; а наконец и разным языкам, яко нужным орудиям учености, как-то российскому, немецкому, французскому,

английскому и итальянскому, а кому угодно будет — так же латинскому и греческому».

Заглянув в объявление, Василий поморщился: и тут математика! Но Мария Григорьевна уже твердо решила, что ему надлежит учиться именно здесь, и возражать Жуковский не осмелился. А через несколько дней он уже стоял в кабинете ректора университета Ивана Петровича Тургенева, знавшего когда-то Афанасия Ивановича Бунина и охотно откликнувшегося на просьбу его вдовы определить Василия на учебу в университетский пансион.

— Так, так, молодой человек,— говорил Тургенев,— значит, желаете учиться в пансионе? А где до этого занимались, чему научены?

Жуковский рассказал честно, все как было. И об учебе в пансионе Христофора Филипповича Роде, и об исключении из Главного народного училища, и о домашних занятиях, и об увлечении сочинительством.

— С математикой,— заключил Иван Петрович,— надо, конечно, поладить. Наука нужная и весьма для умственного развития полезная. А вот что сочинительством занимаетесь — это хорошо, это в пансионе поощряется!..

В пансионе было шесть классов: два низших, два средних, подвысший и высший. Директор учебного заведения Антон Антонович Прокопович-Антонский, устроив Жуковскому небольшой экзамен, решил, что по уровню знаний он подходит в первый средний класс словесного отделения.

Отделение это считалось в университетском пансионе ведущим. Его воспитанники под руководством профессоров университета и специальных преподавателей усиленно изучали русский язык, отечественную и зарубежную литературу, писали сочинения на вольные темы, основательно постигали иностранные языки. Все это как нельзя лучше подходило Жуковскому. Родная творческая стихия захватила юного поэта.

Девичье окружение сменили пансионские товарищи, такие же горячие, восторженные, ищущие свое призвание, как и сам Жуковский,— Семен Родзянко, Дмитрий Блудов, Алексей Мерзляков, Григорий Гагарин. Особая дружба связала Жуковского с сыновьями ректора университета — однокашником по пансиону Александром Тургеневым и его старшим братом Андреем. Они как-то сразу пришлись друг другу по душе.

В пансионе стараниями замечательного педагога Прокоповича-Антонского была создана особая творческая атмосфера. Он не походил ни на одно из существовавших в ту пору в России учебных заведений. Разработанный Прокоповичем-Антонским пансионский устав давал преподавателям право самим решать: чему и как следует учить питомцев.

Жуковский с головой окунулся в учебу. Юный ум жадно впитывал все, о чем говорили преподаватели, что писалось в книгах и учебных пособиях. Книги — тоже учителя. Они вводили юного мечтателя в мир прекрасного, раскрывали его тайны. В пансионе была отличная библиотека. Она ежегодно пополнялась всем лучшим, что выходило из-под типографского станка на русском, немецком, французском, английском и других европейских языках.

Особенно ценились в пансионе самостоятельность мышления питомцев, их умение искать и находить правильные ответы на вопросы, которые ставила жизнь, четко и точно выражать свои мысли на бумаге, аргументированно доказывать свою точку зрения.

Уже в первый год ученичества Жуковский был признан одним из лучших пансионеров. Известность ему принесло сочинение в прозе «Мысли при гробнице», написанное им под впечатлением трагического известия из Тулы о безвременной смерти Варвары Афанасьевны Юшковой, человека, с которым были связаны лучшие воспоминания его детства и отрочества. Глубина чувств и искренность переживаний юного автора, выразительность слога побудили педагогов пансиона рекомендовать это сочинение Жуковского в один из московских журналов.

Вскоре появляются в печати и его первые стихотворения. Опубликовав одно из них, под названием «Майское утро», журнал «Муза» отметил в примечании: «Сочинитель сей аллегории маленький, крошечный стихотворец. Какой луч надежды блестит на заре его!» Читать о себе такое было приятно. Успех кружил голову, но рассудок говорил другое: чтобы тебя уважали, чтобы стихи твои доставляли людям радость, надо много, очень много работать!

И Жуковский работал. Сколько дней и ночей провел он, склонившись над листами бумаги! О чем он думал, о чем он мечтал тогда? О счастье, о дружбе, о красоте всего земного. Об этом были и его стихи. Он подражал в стихах Ломоносову и Державину. Они были для него первейшими авторитетами в поэзии. В прозаических своих сочинениях, входивших в обязательную программу, юный Жуковский шел по стопам Карамзина, по стопам сентименталистов.

Классический стиль маститых российских стихотворцев увлекал юного поэта своей величавостью, высоким гражданским звучанием. Карамзин — глубиной проникновения в мир человеческих переживаний. В душе Жуковского теплилась тайная надежда научиться писать так, чтобы в едином поэтическом потоке сливались высокие гражданские мотивы и собственные мысли, чувства, настроения.

Жуковский установил для себя строгий распорядок дня. Особое место в нем уделялось занятиям иностранными языками и литературными переводами. Друзья познакомили Жуковского с московскими книгоиздателями, и юный автор с той поры не просто переводил на русский язык понравившееся ему произведение с немецкого, французского или англий-

ского, а делал переводы на заказ. Труд переводчика книгоиздатели оплачивали хорошо, и Жуковский смог наконец осуществить свою давнюю мечту: у него появилась пускай маленькая пока, но своя собственная библиотека из самых любимых и нужных книг.

Память Жуковского отчетливо запечатлела большой, ярко освещенный свечами актовый зал университетского благородного пансиона. За окнами ноябрьская стужа. В зале тепло и торжественно. Откуда-то из глубины доносятся легкие звуки скрипок, флейт и клавесина. В удобных креслах почетные гости — кураторы университета и благородного пансиона во главе с известным российским литератором Михаилом Матвеевичем Херасковым, профессора, московские знаменитости.

Херасков поднимает голову в напудренном парике и подает знак Прокоповичу-Антонскому. Начинается торжественный пансионский акт — публичные экзамены питомцев. Чести выступать перед почетными гостями удостоены лишь самые лучшие воспитанники, добившиеся особых успехов в учении. И первый среди них — Василий Жуковский. На нем красный суконный пансионский мундир с золотым шитьем вдоль петлиц на груди и бархатным голубым воротником. Жуковский волнуется. Его щеки горят румянцем и кажется, что сливаются по цвету с мундиром. Еще бы! Как «лучшему в учении и поведении» и первому «в благонравии и прилежании», ему доверено открыть сегодняшнее торжество.

Жуковский делает несколько шагов вперед, отдаляясь от группы товарищей и приближаясь к почетным гостям, раскатывает бумажный свиток и начинает с выражением читать приготовленную для этого дня речь:

— Любезные товарищи! Никогда еще не посещали сéрдца нашего столь сладкие чувства, как в сии достопамятные для нас минуты. Заслужить отличие в благонравии, в стремлении к добру, к просвещению, заслужить право первенства между вами, право, утвержденное собственным признанием беспристрастных, невинных сердец ваших,— не есть ли восхитительно, неоценно? Заслужить!..

Взволнованный юный голос долго звучит под сводами зала. Он призывает друзей употребить все свои душевные силы для добрых дел, остерегаться дурных поступков, умножать свои познания. В заключение речи юный оратор воздает хвалу «доброму, чувствительному, незабвенному основателю благородного пансиона Михаилу Матвеевичу Хераскову. Лицо Хераскова расплывается в улыбке. Он доволен сочинением воспитанника Жуковского и его успехами в учебе. Херасков подзывает к себе юношу и дарит ему роскошно изданную книжку своих стихов...

Пансион не давал своим воспитанникам обширных и серьезных знаний. Но он давал нечто большее, что нельзя было почерпнуть даже из лекций всемирно известных профессоров. Каждый здесь мог вволю заниматься тем, к чему имел особую склонность.

В один из дней 1798 года Прокопович-Антонский пригласил к себе в кабинет Жуковского и нескольких его товарищей, любителей и знатоков литературы.

— Друзья мои! — сказал Антон Антонович, обращаясь к собравшимся.— Мне приятно видеть, что многие из вас делают весьма серьезные успехи на ниве изящной словесности. Но негоже вам ютиться по углам и обсуждать свои сочинения в узком кругу близких товарищей. В бытность мою студентом университета у нас действовало «Общество университетских питомцев». Не создать ли и вам нечто подобное?..

Жуковский первым поддержал предложение педагога. Так решился вопрос об организации литературного кружка, получившего вскоре название «Собрание воспитанников университетского благородного пансиона». Юные ревнители словесности во главе с Жуковским разработали устав. «Цель «Собрания»,— говорилось в нем,— исправление сердца, очищение ума и вообще обрабатывание вкуса».

На первое заседание пришли немногие, но постепенно круг любителей литературы стал заметно расти. В члены «Собрания» зачисля-

лись лишь самые добросовестные в учении и примерные в поведении воспитанники. Антон Антонович Прокопович-Антонский и преподаватель словесности Михаил Никитич Баккаревич единодушно были избраны почетными «споспешествующими» (то есть способствующими) литературным занятиям членами «Собрания».

Еженедельно по средам в одной из свободных аудиторий пансиона собиралась шумная ватага начинающей литературной братии. Избирались председательствующий и секретарь, которому поручалось вести по всем правилам протокол. Председательствующий, а им чаще других бывал Жуковский, по очереди предоставлял слово собравшимся.

Каждый заранее готовил свое выступление и, приходя на заседание, старался высказать собственные мысли и суждения по рассматриваемым вопросам. Говорили буквально обо всем, что волновало юные умы: о достоинствах и недостатках литературных произведений, о гармонии российского поэтического слога, о нравственности.

Почти к каждому заседанию «Собрания» Жуковский припасал новые сочинения — стихи или прозаические рассуждения. Однажды он выступил перед друзьями с философским трактатом «О начале обществ, распространении просвещения и об обязанностях каждого человека относительно к обществу». Размышления юного поэта о том, каким благом для людей является просвещение и как важно быть настоящим гражданином своего Отечества, друзья встретили с восторгом.

Авторитет и популярность Жуковского среди воспитанников пансиона были велики. Он преуспевал не только в поэзии, знании литературы, иностранных языков и других учебных предметов, но и в рисовании. Как-то по просьбе Прокоповича-Антонского он нарисовал масляными красками большую картину. Ее вставили в раму, и живописное полотно многие годы украшало одну из комнат пансиона.

Университетский благородный пансион был для Жуковского тем, чем впоследствии для Пушкина — знаменитый Царскосельский лицей. Здесь Жуковский не только обогатил свои познания, развил свой поэтический дар, но и сформировался как личность.

А дружба с братьями Тургеневыми, а общение с одним из просвещеннейших семейств России! Это тоже оставило яркий, неизгладимый след в его жизни.

В доме Тургеневых дышалось легко и свободно. Милейший Иван Петрович был для своих сыновей не только отцом, но и другом. Он охотно участвовал в юношеских спорах, учил подростков ценить и понимать прекрасное, беречь дружбу и чистый пламень молодых сердец.

Ивана Петровича Тургенева связывала многолетняя дружба со многими выдающими-

ся современниками. Он был близок с известным просветителем Николаем Ивановичем Новиковым, помогал ему в делах знаменитой Типографской компании. В семье Тургеневых Жуковский познакомился и подружился с Иваном Владимировичем Лопухиным, в свое время известным в России государственным деятелем и публицистом.

В свободные от занятий в пансионе дни Жуковский вместе с семейством Тургеневых часто гостил в подмосковном имении Лопухина — селе Саввинском. Здесь многое поражало воображение начинающего поэта, напоминало родное Мишенское.

Лопухин был страстным поклонником английского поэта Эдуарда Юнга и в память о нем назвал Юнговым небольшой островок в центре одного из кристально чистых искусственных озер, украшавших усадьбу. На островке была построена хижина — символ уединения и поставлено несколько мраморных памятников известным поэтам и философам.

Юнгов остров был местом откровенных бесед. Юные друзья и их седые наставники часто проводили здесь не только дневные и вечерние, но и ночные часы. Под серебристым светом луны и летних звезд неторопливо лились разговоры о счастье и скоротечности жизни, о тленности всего земного и бессмертии добрых дел. Эти темы были особенно популярны в те времена в литературных беседах.

— Самое высокое призвание человека на земле,— говорил Лопухин,— делать доброе для людей и бороться со злом. Никогда, мои юные друзья, не проходите мимо человеческих страданий...

В эти поездки Жуковский брал с собой новые стихи и после долгих колебаний решался читать их в присутствии старших. Одно из стихотворений называлось «К Тибуллу. На прошедший век». Обращаясь к древнеримскому поэту, Жуковский выразил свои мысли и чувства, свое понимание смысла жизни:

Рисунки В. ДУДКИНА.

На что винить богов напрасно?
Себя мы можем пережить;
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями миру быть...

Стихотворение всем очень понравилось. Иван Петрович Тургенев сказал, что непременно рекомендует его для публикации в литературном альманахе «Утренняя Заря».

Незаметно подкрался октябрьский день 1800 года. Пришло время расставаться с благородным пансионом. Как жить дальше? Чему посвятить себя?

За успехи в учении Василий Жуковский был удостоен золотой медали. Награда открывала прямой путь в университет. Но учеба в университете требовала немалых средств, а у Жуковского их не было.

Да и что мог дать ему университет? Разве там воспитывают поэтов? В том, что его призвание — литературное творчество, Жуковский уже нисколько не сомневался. Сознавал он и то, что творческий путь, дорога к общественному признанию лежат через напряженную работу мысли, через познание окружающего мира, через живое приобщение к сокровищницам человеческого разума. Творить, познавать жизнь, обогащать свою память знаниями всего того, что создано человеческим гением, можно было и за стенами университета.

Пускай не суждено ему учиться в университете, рассуждал Жуковский, но разве можно отчаиваться, когда ты молод, полон сил и энергии, когда жизнь так прекрасна, полна тайных надежд?!

Судьба уготовила ему неожиданный и весьма, как оказалось, неприятный сюрприз — чиновничью должность в соляной конторе. Ах, что это было за тяжкое бремя! Суровая проза жизни будто бы задалась целью растоптать поэтическую душу будущего великого романтика.

Канцелярская служба обеспечивала материально, но не приносила ни радости, ни удовлетворения. Она лишь сушила сердце и попусту отнимала драгоценное время. Ценить и бережно расходовать часы и даже минуты жизни Жуковский научился рано, с тех пор, как впервые познал радость творчества. А в соляной конторе время словно остановилось. Каждый день одно и то же: пустая бумажная волокита, канцелярская казуистика, отупляющая скука.

Да и отношения, бытовавшие в чиновничьей среде, сразу же вызвали у Жуковского внутренний протест и омерзение. Младшие по должности раболепствовали перед старшими. Процветали казнокрадство, взяточничество и другие пороки.

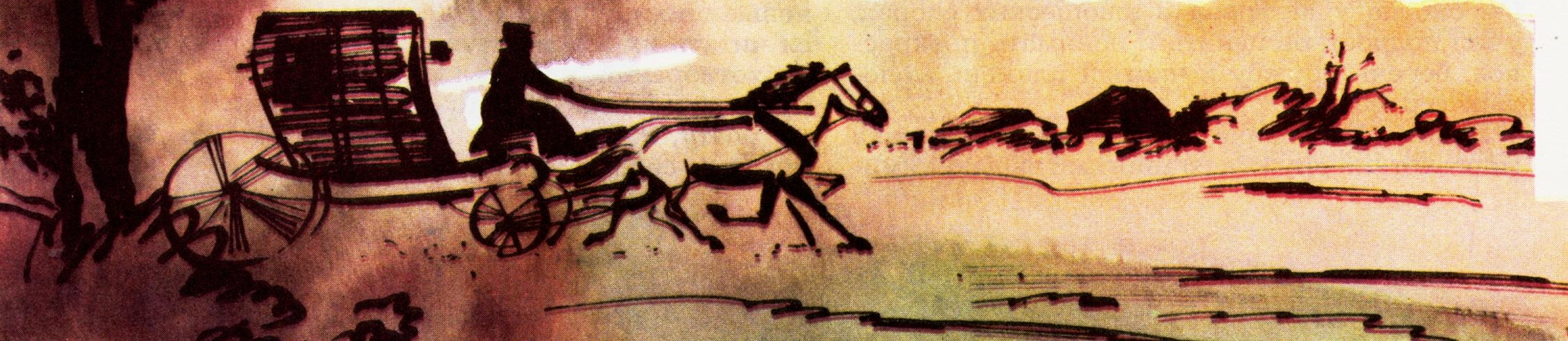
Единственная отрада в жизни — свободные от службы часы и выходные дни. Это время стало для Жуковского поистине спрессованным. Он усиленно совершенствует свое поэтическое мастерство, продолжает работу над литературными переводами, много читает. В числе прочих литературных героев Жуковского захватывает благородный образ хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчского. Роман великого испанца Мигеля Сервантеса дважды переводился на русский язык, но оба перевода кажутся Жуковскому несовершенными, и он берется сделать новый — с близкого к испанскому оригиналу французского перевода романа. Издатель Платон Бекетов охотно соглашается выпустить книгу. Перевод Жуковского имел успех.

В январе 1801 года, стремясь укрепить рожденную в пансионе дружбу, Жуковский вместе с Андреем Тургеневым и Алексеем Мерзляковым организует «Дружеское литературное общество». Кроме учредителей, в него вошли Александр Тургенев, Семен Родзянко, братья Андрей и Михаил Кайсаровы, Александр Воейков и еще несколько бывших питомцев пансиона.

«Общество» было, по сути дела, прямым продолжением пансионского «Собрания». Собираясь по вечерам, друзья поочередно читали свои сочинения, критиковали друг друга письменно и словесно, разбирали произведения знаменитых писателей, рассуждали почти о всех важнейших для человека предметах, много и шумно спорили и расходились по домам полные новых творческих планов.

Особенно часто спорили между собой Жуковский и Андрей Тургенев. Андрей был старше всех годами. Он уже заканчивал университет, но Жуковский не боялся отстаивать перед другом свои убеждения.

— Карамзин более вреден, чем полезен нашей поэзии,— с жаром говорил Андрей Турге-



нев, когда речь заходила о современных литературных течениях.

— Зачем же так сурово? — возражал ему Жуковский. — И в творчестве Карамзина есть немало такого, что обогащает нашу русскую литературу.

— Русскую литературу! — еще более вскипал Андрей. — Да можем ли мы вообще говорить о таковой, когда ее теперь вовсе не существует!..

Зная горячность друга и то, какими высокими мерками судит он о достоинствах и недостатках литераторов, Жуковский деликатно и тонко доказывал ему, что творчество Карамзина — это шаг вперед в истории русской литературы, что оно возвысило человека, обратило внимание писателей и поэтов на его чувства и переживания, пробудило у читателей прекрасные душевные порывы.

Участие в «Дружеском литературном обществе» еще более расширило кругозор молодого поэта, укрепило литературные вкусы и привязанности Жуковского. К сожалению, заседания «Общества» продолжались недолго. Осенью 1801 года Жуковский распрощался с братьями Тургеневыми. Андрей, окончив университет, уезжал на службу в Петербург, а Александр направлялся в Германию, в Геттингенский университет. После их отъезда заседания проходили все реже и реже. Тургеневых явно не хватало.

С этого времени соляная контора становится для Жуковского невыносимой. В начале 1802 года он решается бросить службу и уехать на родину, в белевскую деревню.

Ясным майским утром он прощался с Москвой, городом дорогих его сердцу воспоминаний, искренних и преданных друзей. Почтовая кибитка увозила его в родные края. В скромном багаже несостоявшегося чиновника единственным богатством были книги. Но не только их увозил с собой Жуковский. Он брал в дорогу большие надежды, горячую мечту служить Отчизне своей вдохновенной лирой. Его не страшили ни бедность, ни трудности жизни. Великая цель оправдывала все.

...В Мишенском душа его вновь оказалась на воле. А что еще нужно поэту!

В конце 1802 года журнал «Вестник Европы», издававшийся Н. М. Карамзиным, опубликовал на своих страницах вольный перевод прославленной элегии английского поэта Томаса Грея «Сельское кладбище». Перевод принадлежал перу Жуковского. Современники встретили его с восхищением. Девятнадцатилетний поэт был признан всей читающей Россией.

Через несколько месяцев Жуковский встретился в Москве с пансионскими товарищами.

— Боги Олимпа ниспослали тебе чудесный дар! — говорил Жуковскому Александр Тургенев. — Ты непременно станешь знаменитым, выдающимся поэтом...

Жуковский выслушал его внимательно, после чего сказал:

— За похвалу спасибо. Но позволь не согласиться с тобой в главном. Чтобы быть настоящим поэтом, одного таланта мало. Надо много прочувствовать, пережить, доброго много сделать для людей, иначе дар обратится во вред, поэзия окажется красивым, но пустым звуком...

Много позднее, в 1816 году, в письме к стародавнему приятелю Жуковский выразил свое творческое кредо*. «Поэзия час от часу делается для меня чем-то возвышенным, — писал он Тургеневу. — Ненадобно думать, что она только забава воображения... Но она должна иметь влияние на душу всего народа, и она будет иметь это благотворное влияние, если поэт обратит свой дар к этой цели. Поэзия принадлежит к народному воспитанию».

Чудесный дар богов — свою поэзию — Василий Андреевич Жуковский посвятил родному народу. Имя его прочно вошло в историю нашей литературы, оно живет в сердцах благодарных потомков.

Как прав был великий ученик Жуковского, Александр Сергеевич Пушкин, когда писал о своем учителе:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Задумаемся и мы о судьбе поэта, прожившего долгую, наполненную трудом жизнь. То лето, те осень и зима, когда больной, почти лишенный зрения Жуковский вспоминал прожитые годы, были последними. Он встретил, приветствуя всем сердцем, весну и умер в самом ее расцвете — 12(24) апреля 1852 года.

Выполняя последнюю волю поэта, старый слуга перевез его останки в Россию. Его похоронили в Петербурге. На могиле Жуковского был поставлен скромный памятник, к которому, как и к памятнику Пушкину, никогда не зарастет народная тропа.

---

* Кредо — символ веры, убеждения.

Стихи Наташи ОХРИМЕНКО, ученицы 5-го класса школы № 9 города Желтые Воды, Днепропетровской области.

Имя Ильича

Исполнилось мне десять лет,
И пионерка я.
Передо мной висит портрет
Великого вождя.

Любовь народа горяча
К нему на всей планете.
Мы носим имя Ильича,
И мы гордимся этим.

Космонавтам

Люблю гулять по вечерам
По нашим Желтым Водам,
Смотреть на звезды и луну
В хорошую погоду.

Знаком мне этот звездный мир
По книгам и журналам,
Проникнуть в тайны этих звезд
Я с детских лет мечтала.

Вон там Полярная звезда,
А там Пегас сверкает.
Я знаю: где-то в синеве
И наш «Салют» летает.

Отчизны верные сыны
Летят в небесных сферах.
Мы шлем им пламенный привет
Советских пионеров.

В том же городе Желтые Воды живет Оля ЛАЗАРЕВА. Оля учится во 2-м классе школы № 2.

Алфавит

Буковки-сестрички
Заплели косички,
Подтянули брючки
И взялись за ручки.
Ты их выучи скорей,
С ними будет веселей!

Инна БРОНШТЕЙН живет в городе Омске, учится в школе № 72, занимается в литературной студии имени Аркадия Гайдара, которой руководит Дмитрий Александрович Войцик.

*

Как истину бесспорную
Твердим который век:
«Не зная брода, в воду ты
Не суйся, человек!»

Но люди есть упорные,
Один из них решился —
Нырнул в опасном месте
И... плавать научился.

Летняя гроза

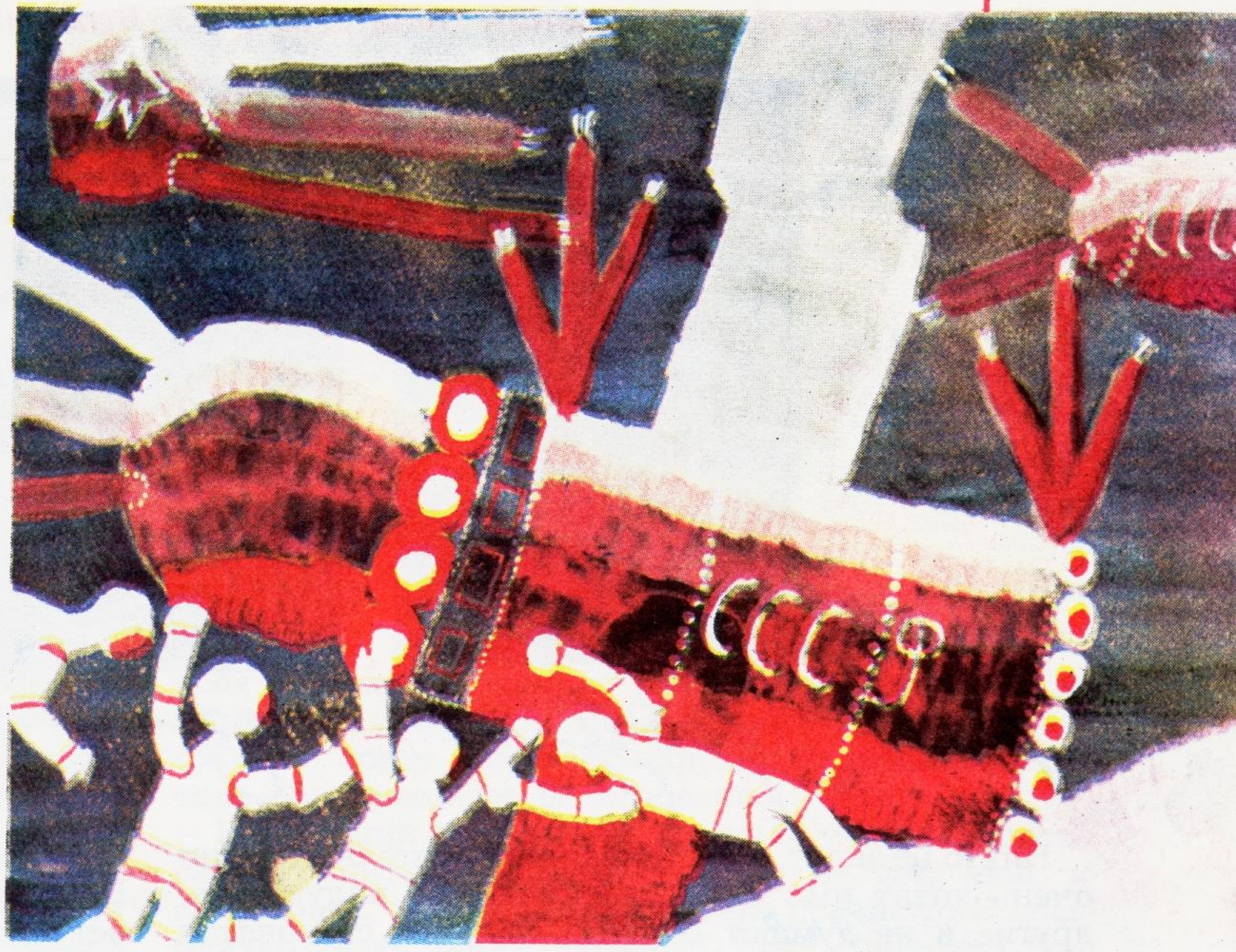
Бушует летняя гроза
Во всем своем величии.
Гудят стальные провода,
Не слышно трелей птичьих.

Не видно солнышка вдали
И неба голубого,
И не купаются в пыли
Ни воробьи, ни голуби.

Сверкают молнии с небес,
Слышны раскаты грома.
И приумолк веселый лес...
И мы скучаем дома.

ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ.
Оля ГУСАКОВА, 9 лет, СССР.

КОСМОС.
Анжелика ШАУБ, 12 лет,
Германская Демократическая Республика.



Стихи Лены ЗУЕВОЙ попали на борт «Кораблика» тоже из студии имени Аркадия Гайдара. Лена учится в 6-м классе омской школы № 87.

✻

Месяц золотистый над моим окном
Появился рано в небе голубом.
Захотел увидеть розовый закат,
А увидел — в небе облака горят.

✻

Нарисовал мороз узоры на стекле,
Сковал озера, реки и пруды.
Но все равно сон снится о весне
Воробышкам, уснувшим на ветвях сосны.

Лора КОСТАДИНОВА — давний друг «Кораблика». Она родилась и выросла в Болгарии, но русский язык выучила так хорошо, что не только говорит и пишет по-русски, но и сочиняет стихи и рассказы! Вот одно из стихотворений Лоры.

Первый цветок

Проталинами снег чернеет,
Лежит клоками на полях,
С любовью солнце землю греет,
Искрится снег в его лучах.
И с крыши капают капели,
И песнь их звонкая летит,
И светит солнце в каждой щели,
И капли ярко золотит.
Кругом светло, все вольно дышит,
Набухли почки на ветвях,
Деревья ветерок колышет,
И не смолкает песнь в полях.
И встал подснежник над землею,
Пробился он между снегов,
Покачивая головою
От теплых вешних ветерков.

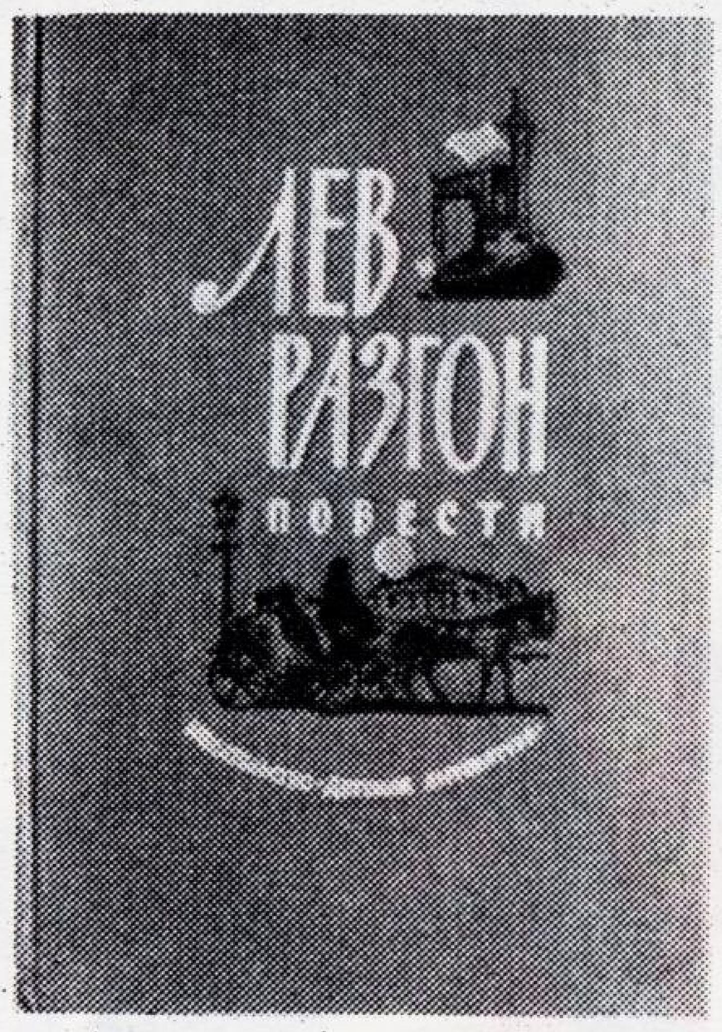
Дмитрий БАЛЬБУРОВ живет на Сахалине, в поселке Смирных, учится в 7-м классе. «Хоккей с мячом — мой любимый вид спорта. Кроме хоккея, я занимаюсь самбо и шахматами», — рассказал он «Кораблику». И свои стихи Дима посвятил хоккею.

Хоккей с мячом

Летит, свистит, несется мяч,
Минуты тайма мчатся вскачь,
Все поле позади.
В глазах мелькает небо, лед,
Теперь вперед, вперед, вперед!
Ворота-цель пройди!
Мяч прыгнул прямо в небосвод,
Но близок, близок створ ворот.
Голкипер мнется. Бей!
И снова звон и хруст коньков,
Ведь наш ледовый бой суров,
Ведь это все — хоккей!

Межпланетное путешествие.
Елена ГУБАНОВА, 8 лет,
Чехословацкая Социалистическая Республика.

К 75-летию со дня рождения писателя Л. Э. Разгона



„Я родом из двадцатых..."

Никто не знает, как становятся писателями. Одни очень хотят ими стать, да ничего не получается, другие и не думают об этом, а потом становятся знаменитыми. Конечно, не вдруг. И, конечно, для того, чтоб стать писателем, надо пройти большую школу жизни, надо иметь силу воли и настойчивость, надо очень любить людей и, безусловно, иметь талант.

Все эти качества были у Льва Разгона. Но тогда, в 1924 году, когда Разгон получил комсомольский билет, он не думал вовсе о том, что когда-нибудь станет писателем. Тогда весь свой пыл, весь жар души, всю энергию шестнадцатилетний Лева Разгон отдал комсомольской работе. Это было удивительное время — трудное, напряженное, горячее. И всем хотелось быть на передовых рубежах этого времени. Впрочем, передовые рубежи тогда проходили повсюду. Требовалось только точно найти себя, чтоб не растеряться в этих громокипящих буднях, четко определить свое место, чтобы работать с полной отдачей. Лев Разгон нашел себя сразу и безошибочно: работа в комсомоле и служение детям.

В 1926 году открывается тогда еще единственный в нашей стране Дом пионеров. Одним из первых его работников стал Лев Разгон.

Все громче гремят барабаны, все звонче звучат горны — ширится, набирает силу пионерское движение. И в первых рядах этого движения шагал Лев Разгон — пионерский вожак, член Центрального бюро юных пионеров, участник Первого Всесоюзного слета пионеров.

И, может быть, этот первый слет юных ленинцев, проходивший в 1929 году, на котором выступал В. В. Маяковский, определил дальнейший путь Льва Разгона.

Нет, он не оставляет комсомольскую работу, не перестает служить воспитанию подрастающего поколения. Напротив, он находит новую, еще более важную и ответственную точку приложения своей энергии — становится комсомольским журналистом: начинает работать в только что созданном издательстве «Молодая гвардия» и журнале «Вожатый». А когда в 1933 году организуется первое в нашей стране, да и во всем мире, издательство для детей Детиздат, одним из первых его редакторов стал Лев Разгон. С тех пор он на всю жизнь связал себя с детской литературой.

Аркадий Гайдар и Рувим Фраерман, Константин Паустовский и Лев Кассиль — их редактором, советчиком, другом стал Лев Разгон. В своей работе он всегда оставался предельно честным, принципиальным, бескомпромиссным. Таким он остался и сейчас. И за это его особенно любят друзья и товарищи по профессии.

Большой опыт, огромная эрудиция, отличный вкус и точное понимание задач, которые стоят перед детскими писателями в частности и перед всей детской литературой вообще, заставили Л. Разгона задуматься о принципах, о теории и критике детской литературы. И вот появляются книги о писателях — Н. Рубакине, В. Яне, Н. Дубове, Ю. Коринце. Но это не только портреты писателей и рассказ об их творчестве — это как бы анализ творчества многих писателей, это разговор о литературе очень всерьез — о том, какая она есть и какой должна быть, о ее успехах и просчетах. А рядом с этими книгами — другие: «Волшебство популяризатора», «Живой голос науки». Впрочем, не совсем другие — они тоже о писателях, которые пишут о науке для ребят. О тех, кто рассказывает ребятам об удивительном, прекрасном и еще очень таинственном мире науки.

Нравственность и наука — тема, которая особенно волнует Льва Разгона. Он постоянно говорит об этом в статьях, в очерках, этим вопросам посвящены его повести «Один год и вся жизнь» (о замечательном русском физике П. Н. Лебедеве) и «Сила тяжести» (об ученом-революционере П. К. Штернберге).

Лев Разгон любит говорить: «Я родом из двадцатых годов». И часто с удовольствием вспоминает свою комсомольскую юность. (О ней он написал книгу «Шестая станция».) Но удивительное дело: когда Лев Эммануилович говорит о своей молодости, у него не загораются глаза, как это бывает у вспоминающих прошлое ветеранов. Не загораются, потому что они по-молодому горят у него всегда. И сегодня, в свои семьдесят пять лет, Лев Эммануилович Разгон остается комсомольцем двадцатых годов во всем — он энергичен и собран, он напорист и весел, он постоянно в работе, у него множество интересных планов, замыслов, он верный и преданный друг, он постоянно в творческом поиске. Иными словами, он по-прежнему на передовом рубеже.

Юрий ДМИТРИЕВ

В душе живет детство

Л. Э. Разгон отвечает на вопросы нашего корреспондента

— Лев Эммануилович, вы родились 1 апреля. Как эта несерьезная дата повлияла на вашу жизнь?

— 1 апреля — хорошая дата. 1 апреля родился Корней Иванович Чуковский. В этот день родился мой друг — прекрасный поэт и человек Валентин Берестов. Николай Васильевич Гоголь тоже родился 1 апреля. Я считаю, что я родился в хороший день, в хорошей компании, и тем, как сложилась моя жизнь, я тоже доволен.

— Вы встречаете свой семьдесят пятый день рождения. В день юбилея принято оглядываться назад...

— Семьдесят пять лет не самый сладкий возраст. Но у него есть свои преимущества. Одно из них — память. Я многое видел и многое запомнил. Я начинал учиться в школе, когда учеников еще заставляли петь «Боже, царя храни». И я помню, как в 1918 году мы начали разучивать в школе «Интернационал». Я прекрасно помню Октябрьскую революцию.

В 1926 году я стал вожатым пионерского отряда. Пионерская организация создавалась как политическая детская организация. И цели она перед собой ставила совсем не игрушечные, а самые серьезные. Борьба с беспризорностью, например. Вернее, не борьба, а помощь тем десяткам тысяч беспризорных детей, которые ютились в асфальтовых котлах, подворотнях, воровских притонах. Пионеры, которые жили на селе, помогали одиноким старикам вести хозяйство, обрабатывать землю — в то время еще не было колхозов.

— Лев Эммануилович, какое дело кажется вам самым важным для пионеров сейчас?

— С благодарностью вспоминают о том, как пионеры помогали в госпиталях во время войны. И какая это была радость для раненых. Сейчас войны нет, но есть больницы. Есть детские дома. Есть одинокие больные люди. Вот где нужна помощь. Это могло бы стать серьезным делом, которого часто не хватает современным пионерским отрядам.

— Вы много лет пишете для детей, знакомы со многими детскими писателями. Чем они отличаются от других людей?

— В. Г. Белинский говорил, что детским писателем надо родиться, научиться писать для детей нельзя. И действительно, мы знаем превосходных взрослых писателей, которые пробовали писать для детей, но у них ничего не получалось.

Нужно обладать какими-то особыми качествами для того, чтобы стать детским писателем. На мой взгляд, главное из этих качеств — редкостная способность сохранить в душе детство. Я имею в виду способность писателя не притворяться, что ему интересно с детьми, а действительно чувствовать себя с ними на равных. Как бы ни был писатель талантлив, но, если он начинает притворяться, фальшь сразу вылезает наружу. А детский читатель обнаруживает ее мгновенно.

Настоящий же детский писатель не притворяется — его интерес к миру детства не показной, а искренний. И мне в моей жизни посчастливилось близко знать таких людей. Корней Иванович Чуковский не мог, например, пройти мимо плачущего ребенка, не развеселив его. Или Аркадий Петрович Гайдар. Все, наверное, помнят легенду о Крысолове, который так играл на своей дудке, что все дети ушли за ним из родного города. Гайдар мог покорить, заговорить любых детей в любых обстоятельствах. И они тоже ушли бы за ним на край света, если бы он того захотел.

— Лев Эммануилович, была ли у вас в детстве любимая книга?

— Мне кажется, что у каждого поколения людей в детстве была книга, которая переворачивала душу, в чем-то определяла всю их дальнейшую жизнь. Для меня, да и для многих других людей, такой книгой был роман Э. Войнич «Овод».

Иногда бывает, что книги, которые любил в детстве, начинаешь перечитывать, и становится обидно — они тебя больше не трогают. «Овода» я перечитывал бесконечное количество раз, и эта книга выдержала проверку временем. Сейчас я не перечитываю ее только потому, что помню почти наизусть. Вообще многие книги интереснее читать во второй, третий, четвертый раз. Книга, которую прочитал, а потом ни разу не открыл,—случайная книга. И я хочу сказать начинающим читателям: не бойтесь потерять время, перечитывайте любимые книги, и каждый раз вы будете узнавать что-то не замеченное раньше. И еще совет. Не бойтесь сложных книг. Некоторые книги читать трудно, это настоящее нравственное испытание да и просто большая работа. Но тот, кто не читал много и всерьез русскую классику, например, не сможет стать полноценным читателем.

— Вы много лет, будучи уже взрослым человеком, читаете детские книги. Они вам нравятся?

— Да, и с каждым годом все больше. Я считаю, что наша детская литература развивается, развивается правильно. Она становится все более правдивой, все более требовательной к себе и к своему читателю. И я смотрю в ее настоящее и будущее с большими надеждами.

Редакция журнала «Пионер» и миллионы его читателей от всей души поздравляют Льва Эммануиловича Разгона с днем рождения!

Интервью вела А. ДРУЯНОВА

Что нам читать?

ЧЕСТНОЕ ПИОНЕРСКОЕ

Какое жаркое лето стояло в тот год на Украине! Хорошо было прибежать с ребятами к Днепру, накупаться вдоволь, а потом растянуться на разогретом солнцем сыпучем песке. И следить за белыми облаками, что плывут по небу и складываются то в фигуры всадников, то странных зверей. И помнить про себя, что еще только июнь, каникулы в самом начале. Два огромных летних месяца впереди...

То лето кончилось рано — двадцать второго июня. И началось новое, не обозначенное в календаре время — война. О войне киевлянам не успели объявить по радио. Она сама объявила о себе ранним утром, когда бомбы разорвались на тихих улочках еще спящего города.

Уходили на фронт отцы и старшие братья. Их провожали старики, женщины, дети. Каждый хотел хоть чем-нибудь помочь фронту. А что ты можешь, если тебе всего десять лет? Еще так недавно тебя приняли в пионеры...

В один из этих дней в прифронтовом Киеве к Косте Кравчуку обратился раненый боец:

— Ты пионер?

— Пионер,— ответил мальчишка.

И услышал:

— Спрячь два полковых знамени. Только — никому.— И боец приложил палец к губам.— Дай слово.

— Честное пионерское! — ответил Костя.

Как не просто держать слово в такое время! Ведь в городе фашисты. Если твою тайну раскроют, то тебе грозит расстрел. Но ты хранишь настоящее боевое знамя. Значит, ты тоже боец. Боец, который держит свое слово.

О том, как держал свое пионерское слово Костя Кравчук, награжденный орденом Красного Знамени, ты прочтешь в книге **«В ту пору суровую в Киеве».** Написал ее хорошо знакомый многим ребятам писатель **Олег Тихомиров.** Книгу выпустило издательство «Молодая гвардия».

Г. ПОТАПОВСКАЯ

Сколько событий и приключений!

Друзья пионеры!

Вы любите приключенческие и фантастические произведения, но повести о своей пионерской жизни вы тоже любите читать. Интересно узнавать себя, свои мысли и чувства, судить о том, как поступили бы вы в обстоятельствах, какие изображает писатель. Советую, прочитайте книгу о ваших сверстниках-пионерах писателя **С. Т. Гребенникова «Большие каникулы»,** которая вышла в издательстве «Молодая гвардия». Большие? Значит, происходит что-то значительное? Да, хотя и ничего вроде особенного. Значительны чувства, дружба, увлечения, труд, природа, земля, словом, жизнь, не так ли? Об этом книга, о жизни.

Начинается она любопытным вступлением автора. Он рассказывает о своих юных друзьях, живущих в Кунцевском районе Москвы. О трех школьных товарищах, которых прозвали «святой троицей». Один из этой «троицы», Андрей Костров, уезжает с родителями в далекий украинский поселок, где его отец работает агрономом в совхозе. Распалась «святая троица»? Ничуть. Андрей пишет товарищам увлеченные письма. Москва прекрасна! Но часто ли вы встретите на московских улицах коня «серого в белых яблоках, а на лодыжках белые чулки»? А проскакать или протрусить рысцой на таком коне вам случалось? Все ново, все интересно в деревне. Андрей с совхозными ребятами ведет лошадей в ночное. Плывет «тихая, короткая, пугливая ночь», горит костер, до рассвета ведутся разговоры, слушаются таинственные истории. А днем купание в быстрой речке, плавание наперегонки, пока не перехватит дыхание, походы в лес за грибами и ягодами. Славно, весело жить! Но не одни развлечения у пионеров на уме. Задумано важное. Во время войны поселок подвергся фашистскому нашествию... Осталось страшное наследие фашистских зверств. «Долиной смерти» назвали селяне заброшенный песчаный карьер.

Много людей расстреляно фашистами на золотистом песке карьера. А может, остались какие-то памятки о погибших? Пионеры начинают искать. И находят... две простреленные музыкальные трубы. Эти музыкальные инструменты становятся главными экспонатами музея боевой славы, созданного пионерами поселка. Позже стало известно, что погибшие музыканты под дулами фашистских автоматов играли «Интернационал», славя жизнь и Советскую Родину.

Каждый день, каждый утренний рассвет был продолжением больших каникул пионеров поселка. Они умели шалить и резвиться, а иногда даже подраться, но они всегда были воители против нечестности. Разве хорошо, что директор сельмага пускает на обертку продуктов чистые страницы из тетрадок в косую линейку? Ведь на них можно бы писать сочинение в классе. Учительница велит беречь, не тратить бумагу зря. А здесь — на обертку! Как такой поступок назвать? Равнодушием к народному добру. Пионеры не хотят быть равнодушными и вступают в борьбу, конечно, при помощи взрослых.

Прочитав повесть, вы узнаете, как защищали ребята свое лесное озеро «Бусинка». Узнаете о девочке-скрипачке Олесе, с которой подружился Андрей Костров. А еще вы узнаете об изобретении Андрея — об аппарате-полиглоте, названном им ПШИК-1. Этот аппарат может переводить язык зверей и птиц на человеческий язык. Каково его действие, вы, юные читатели, узнаете, прочитав до конца книгу «Большие каникулы», где много интересных событий и происшествий.

Мария ПРИЛЕЖАЕВА.

КРИБЛЕ, КРАБЛЕ, БУМС...

Осторожно — чудеса!

Ты еще не знаком с дядюшкой Тик-Так, который вместе с тигром Рррр и Фарфоровой Собачкой отправился в путешествие по Реке Времени? А с коровой Аннабель, которая однажды спасла корабль от кораблекрушения? А с толстым носорогом Сэмом, который каждую ночь падал с кровати? Нет? Тогда возьми книгу сказок английского писателя **Дональда Биссета** «**Все кувырком**» и познакомься с ее героями.

Правда, надо сразу тебя предупредить: герои этих сказок очень уж необычны. Ну, говорящими коровами и пингвинами тебя, наверное, не удивишь. Но как тебе понравится вокзал, который вдруг решил пойти выпить чаю? Да, да, самый настоящий лондонский вокзал Ватерлоо! И король Сэмюэл, собравшийся было в гости к бабушке, принужден был его дожидаться. Или рассказывающие сказки Горячий и Холодный Краны? Или крякающий Почтовый Ящик? Или попавшая в лужу Булочка с изюмом? Все они герои рассказов Биссета.

В этой книге неожиданности ждут тебя на каждом шагу. Трудно представить, как можно объединить в одной сказке жука, бульдозер и тигра. Что общего может быть между ними? Но у Биссета они действуют как равноправные герои. И даже вступают друг с другом в схватку. Обыкновенному человеку никогда не придет в голову одушевить, скажем, лондонский туман. Но вот прикоснулось к нему волшебное перо Дональда Биссета — и Туман становится персонажем сказки. И нам уже не кажется странным, что у Тумана возникло желание увидеть военный парад. И что он написал письмо самой английской королеве. Нас уже не удивляет, что премьер-министр привел с собой в парламент слона. Или что кто-то потерял свой день рождения.

В сказках Дональда Биссета постоянно совершаются забавные превращения, идет веселая чехарда. В них поистине все кувырком! И мы с удовольствием вступаем в эту игру, становимся ее участниками. Нам интересно взглянуть на обычные вещи с неожиданной стороны. Потому что при этом мы узнаем о них что-то новое.

Люди, населяющие сказки Биссета, тоже необычны. Взять хотя бы мистера Кепи, у которого было три шляпы. И на улицу он выходил в трех шляпах сразу! Или мистер Уоллингтон, герой сказки «Вниз!», который всегда ездил в лифте с раскрытым зонтиком. Или полисмен Артур, придумавший весьма своеобразный способ перевоспитывать жуликов — с помощью забавных рисунков.

И, конечно, в сказках Биссета, как и во всяких других сказках, есть добрые и злые герои. Есть милый, симпатичный дядюшка Тик-Так и есть коварные вреднюги, есть добрый Дрозд, и есть злой мистер Смит, который не любил детей и мечтал, чтобы все они очутились на Луне. И, как во всех сказках, добро здесь одерживает верх над злом. Вреднюг, как выяснилось, можно исправить, а мистер Смит становится вполне добродушным человеком и готов угощать детей сластями.

Наверное, человек, сочиняющий необычные сказки, и сам должен быть хоть чуточку необыкновенным. И действительно, Дональд Биссет — удивительный человек. Он и писатель, и актер, и художник. Свои сказки он рассказывает по телевизору английским детям и показывает рисунки, им же самим нарисованные. Вот и сборник сказок «Все кувырком» проиллюстрирован рисунками Дональда Биссета.

Не так давно Дональд Биссет побывал в Москве, познакомился и подружился с московскими школьниками. А вы, ребята, можете прочитать книги этого писателя, которые вышли в издательстве «Детская литература»: **«Расскажу хоть сейчас», «Беседы с тигром», «Забытый день рождения», «Поездка в джунгли».** Вас ждет увлекательное путешествие в необыкновенный мир, созданный фантазией доброго сказочника Дональда Биссета.

Т. АЛАТЫРЦЕВА

Рисунок А. ДУГИНА.

Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Глава пятая

Счастливый денек

Потянулся Валерка безмятежно, глянул изумленно на солнечных зайчиков, прыгающих по чистым половицам, и откинул к стене одеяло.

Недели две землю секли дожди, полосовала снежная крупа.

Бедные скворушки, прилетевшие в самую эту мокреть, чуть ли не целыми днями отсиживались в своем домике. Валерка с мамой подкармливали скворцов и хлебными крошками, и пшенной кашей.

Казалось, непогоде конца не будет. И вот — не чудо ли? — засияло в небе доброе солнышко! Разве тут до сна?

За перегородкой похрапывал отец.

«Пусть отоспится. Устал по бездорожью маяться»,— подумал сочувственно Валерка.

Выйдя из передней на кухню, осторожно притворил за собой дверь.

— Доброе утро, мама!

Вытирая полотенцем выпачканные мукой руки, мать озадаченно посмотрела на сына.

— Какая забота подняла тебя на ноги? Сегодня же выходной.

— Тебе помогать!.. Мам, а чем это пахнет вкусно?

— Угадай!

Облизал Валерка языком губы, наморщил лоб. И захлопал в ладоши:

— Угадал, угадал! Начинкой пахнет. Капустой с яичками.

— Нюх у тебя, как у соседского Шарика.— Мать засмеялась.

На кухонном шкафу с посудой стоял транзистор. Русланова пела заветную мамину песню «Валенки, валенки, не подшиты, стареньки».

Валерка любил, когда мама была веселой. Улыбка преображала ее замкнутое, озабоченное всегда лицо с поджатыми тонкими губами.

Все еще улыбаясь, мама сказала:

— Если тебе хочется мне помочь, то сходи за водой. Но сначала умойся.

На крыльце Валерка остановился, пораженный разносившимся по двору протяжно-задорным посвистом.

«Али Петька меня выманивает?— подумал он.— Не-е... ему в жизни этак не суметь».

Над сараем возвышался шест со скворечником. Вчера в нем было тоскливо-тихо, а нынче... На сухой ветке вяза, прибитой к птичьему домику, сидел черно-жгучий скворушка... Вот, оказывается, кто вызывающе задорно посвистывал на весь двор.

Поразительно теплое апрельское утро готовило Валерке новые сюрпризы.

Принес он ведерки с водой, выпил кружку топленого молока. И только собрался бежать к Петьке-Петушку, а ему — новое поручение.

— Слетай к старикам,— попросила мама, раскатывая по столу пышное ноздреватое тесто.— Приглашай в гости. К двенадцати часам.

Валерка всегда с радостью бегал к деду и бабушке. А сейчас ему особенно приятно было выполнить мамино поручение.

— Я мигом!

— Не суетись. Времени у тебя предостаточно.

В глазах у сына запрыгали смешливые искорки. Успокоил мать:

— Ну да, предостаточно.

А сам хвать шапку в охапку, да и был таков! От калитки глянул на скворечник. Скворцы хлопотали возле своего жилья, выбрасывая из него прошлогодний хлам.

— Вы смотрите, не улетайте от нас! — попросил Валерка и припустился через все село к Плуталову курмышу.

И хорошо, что поспешил. Едва поравнялся с дедушкиным двором, а он — навстречу из калитки.

— Ишь, легок на помине! — заулыбался дед Терентий в огненно-рыжую — лопатой — бородищу.— А бабка кручинится: давно внука не видела.

— Дедушка, а ты куда?

— В рощу. С осени приметил сухостойную ветлу. Молодое деревцо, а что-то погибло. Срубить собираюсь. На ферме стойло одно починки требует.

Валерка вскинул на деда свои чистые, как голубое небо, глаза.

— И я с тобой.

— Ну, коли охота...

В лесу под ногами хлюпало. В низинках же грязными лоскутками таился последний снег.

— Ой, дедушка! — вскрикнул вдруг Валерка, задирая вверх лицо.— На меня с неба труха сыплется.

— Не труха, а с ели семена,— добродушно прогудел дедушка.— Обогрело солнышко вершину ели, ощетинились шишки. И полетели по вольному свету крылатки... Парашютиками.

Дед Терентий вытянул сложенные пригоршней руки.

— Глянь-ка.

— Правда! — прошептал Валерка, разглядывая на смуглых, глубокими морщинами иссеченных ладонях деда маленькие крылатые семена.

— Разнесет ветер их во все стороны. Иные, глядишь, и приживутся. И появятся в лесу новые ершистые елочки на радость людям.

Валерка слушал деда с затаенным дыханием. Вот бы и ему, Валерке, вырасти таким же умным, рачительным, как дедушка Терентий, знающим по округе все леса и перелески!

Сквозь ветошь прошлогодней листвы на него смотрели во все глаза подснежники.

— Чего притих?

— Хочу спросить: холода, дедушка, насовсем кончились?

— А это еще надвое бабка гадала. И в мае, случается, такая непогода завернет! Про апрель же в народе говорят: «Тепло апрельское ненадежно... сипит да дует, погодь, что еще будет!»

Пока дед Терентий рубил под корень сухостойкую голенастую ветлу, любопытный Валерка сбегал на пригретую солнцем сосновую гриву. Показалось ему, будто на выпученной горбом рыжей от прошлогодних иголок гриве расцвели ярко-желтые и алые цветы.

Ошибся Валерка. То бабочки были: крапивница и две лимонницы. Они наперегонки порхали над теплой проталиной, пахнущей грибами и прелью. Бойчее других резвилась большая, с яркими крылышками крапивница.

Встрепенулось сердце. Ну, если проснулись от зимней спячки бабочки, теперь уж недолго ждать благодатного тепла!

Насмотревшись вдоволь, Валерка побрел к булькающему под горкой ручью.

Сосредоточенно смотрел под ноги, чтобы нечаянно не наступить на зазевавшихся лимонниц.

Возле неглубокой ямки, окольцованной твердой, что тебе булыжник, синеющей наледью, мальчишка на миг приостановился. А потом присел на корточки.

Сквозь ветошь прошлогодней листвы на него смотрели во все глаза подснежники. Крохотные, с ноготок, небесно-голубые лепестки. Они смело таращились, радуясь солнцу и радуя весь белый свет.

Валерка собрался было выкопать с корешками беззащитные подснежники с дрожащими капельками растаявшего снега, чтобы подарить их бабушке и маме. Да передумал. Пожалел самые первые в эту весну цветы-цветики.

Пусть все живое на земле радуется отважным предвестникам мая! Дедушка сказал: могут еще быть холода и секучие дожди со снегом, но вот голубоватенькие, с ноготок, подснежники ничего не забоялись!

Заслышав зычный голос деда Терентия, зовущего к себе, Валерка бросился без оглядки к опушке.

«Эх, и счастливый нынче денек! — жмурился он.— И скворцы запели, и бабочки проснулись, и подснежники расцвели! Есть о чем записывать мне в свой календарь!»

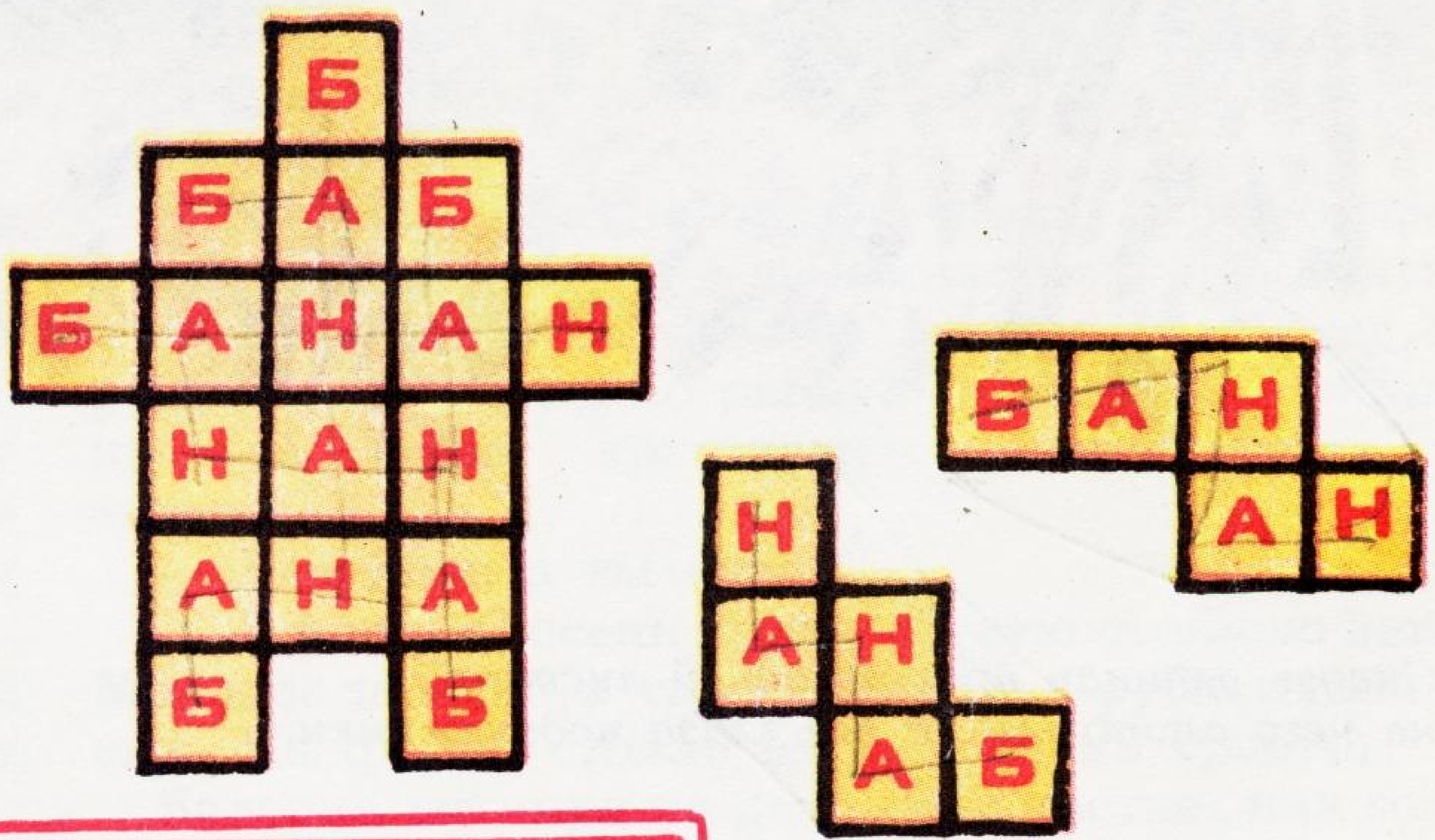
УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Обезьяны и бананы

Очень любят обезьяны
Пересчитывать бананы.
Раз, два, три, четыре, пять!
Обезьянам помогите,
Но, считая, не спешите,
Чтоб ошибок избежать!

Примечание: в связке столько бананов, сколько раз можно просчитать слово «банан» прямыми и зигзагообразными способами, начиная от всех букв «Б».

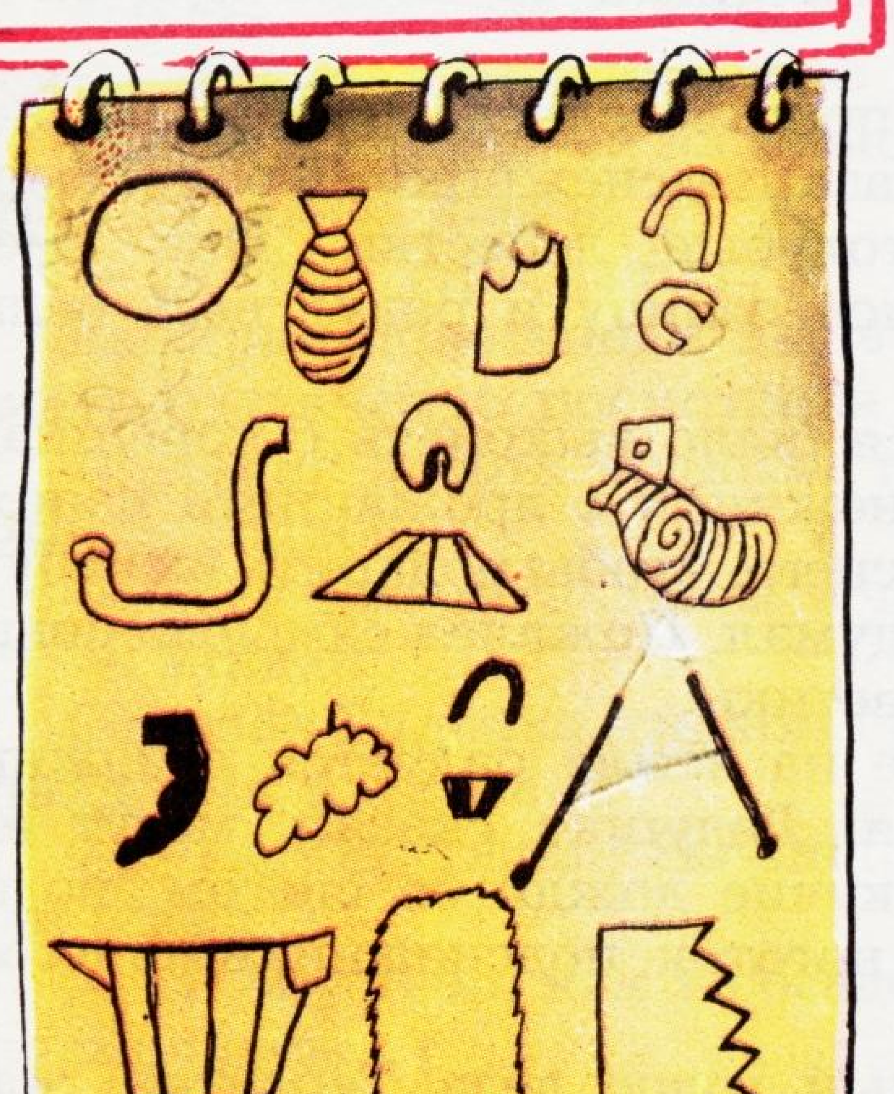


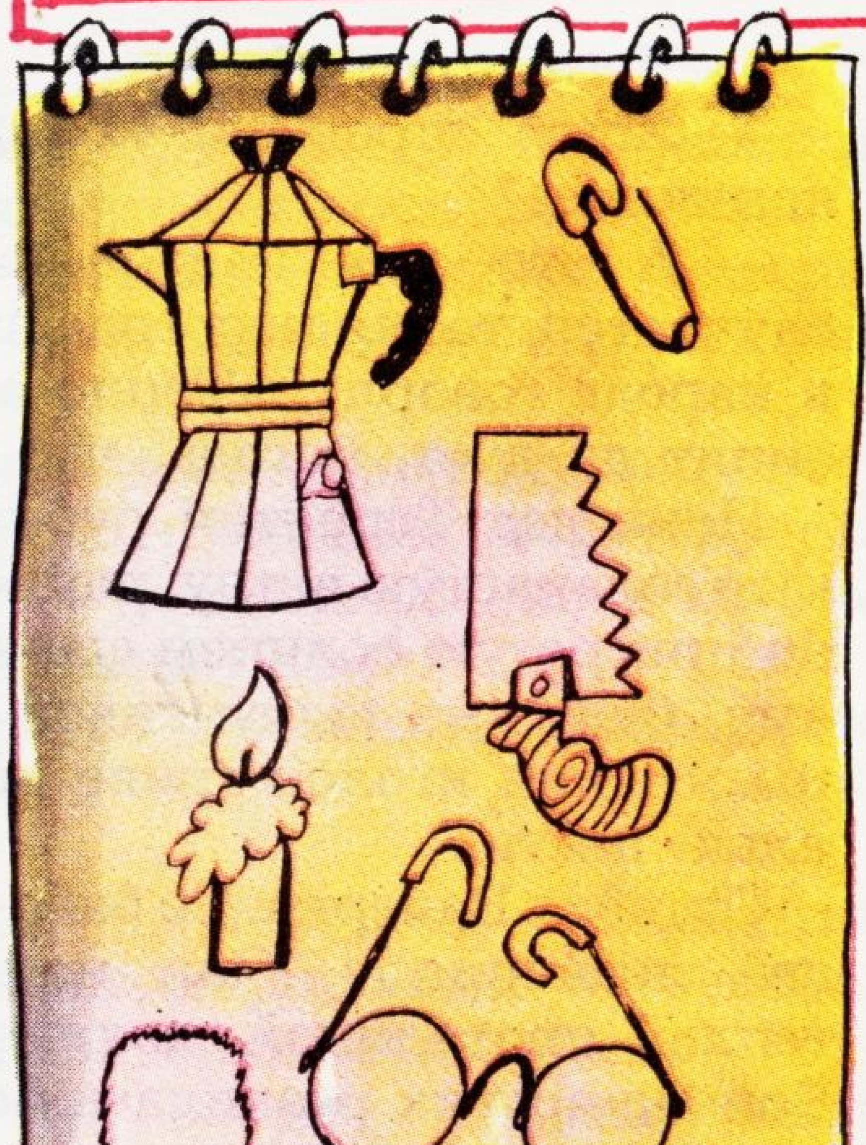
Игры Луны и Пинцета

Спор из-за кабана

Друзья! Хотят пять разных стран
Стоять на марке, где кабан!
Из букв составьте их названия,
Затем мы просим отобрать
Ту, чьи права и основания,
Конечно, следует признать.

Запутанное дело



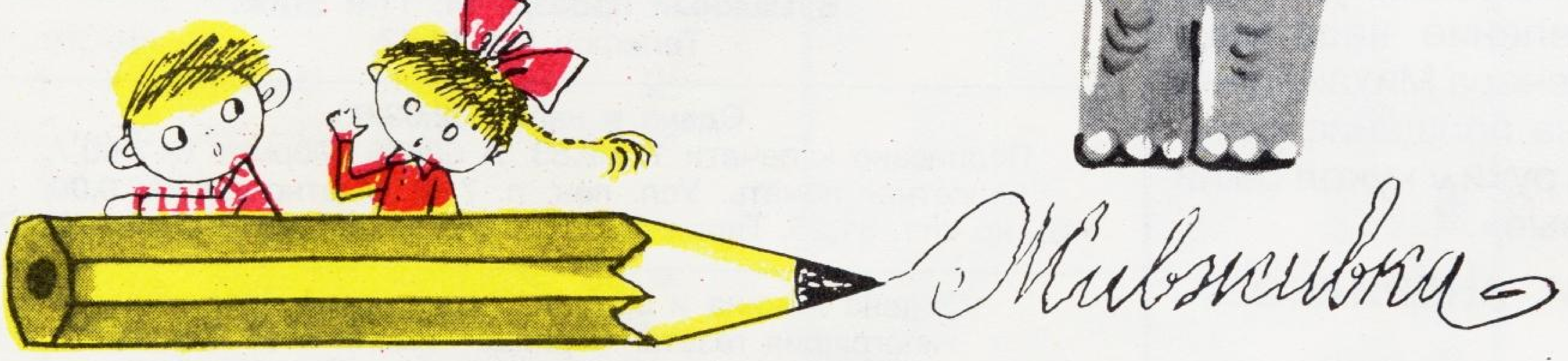


Взгляни в бинокль! Увидишь четко,
Что кораблю грозит беда!
Стрелой должна лететь туда
Твоя спасательная лодка!
Однако прежде не забудь
Найти — средь рифов! — верный путь.

Примечание: часть пути отмечена буями (черными точками), вторую часть пройдите без их помощи.

Вот запутанное дело:
Карандаш слоненок взял,
На листочке том, что слева,
Он детали набросал.
На листочке том, что справа,
Все детали он собрал
И, прищурившись лукаво,
Кое-что дорисовал.
Интересно, что же это?
С нетерпеньем жду ответа.

Живживка



ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 3

Игры Деда Буквоеда.

Гантель для глаз. «Волков бояться — в лес не ходить!»

Капитан Перо ищет помощника

Между селениями В и Д, Б и Г.

Игры Лупы и Пинцета

Первые марки начали выпускаться в Европе в середине прошлого века. Львы, выпущенные в Тоскане, относятся к их числу. Об этом свидетельствует и дата на штемпеле.

Чаепитие с куклами

Мы разговаривали и пили чай с Еленой Владимировной Колат, руководителем кукольного кружка Дома пионеров Куйбышевского района столицы. Рядом на столе лежали подушечки с иголками, наперстки. На стульях висели куски разноцветной ткани.

Что-то мешало нашему разговору. Было ощущение — мы не одни.

Я стала приглядываться. И вдруг увидела: из шкафов и углов на нас смотрят внимательные глазки. Куклы! (Фотографии кукол мы поместили на четвертой странице обложки.)

Елена Владимировна стала знакомить меня с куклами. В ее руках они оживали, прыгали, улыбались, а доктор Айболит даже спросил, как я себя чувствую. Я растерялась и ответила, что не знаю... Неужели эти куклы живые?

Елена Владимировна училась делать куклы у Екатерины Терентьевны Беклешовой — известной художницы. Затем работала в мастерской театра Образцова. А сейчас ведет кукольный кружок. Ребята, ученики Елены Владимировны, — мастера на все руки. Они умеют делать куклы, ставить спектакли, играть в этих спектаклях.

— Ребята приходят в кружок по-разному, — говорит Елена Владимировна. — Хотите, расскажу, как одна девочка оказалась в нашем кружке? Она очень хотела научиться танцевать и пришла в Дом пионеров. Походила, походила по коридору, ожидая преподавателя-хореографа, заглянула к нам и осталась.

Уходила я из дома Елены Владимировны уже под вечер. Провожало меня все население квартиры. Звездочет, Городничий, Айболит, Венера Михайловна Пустомельская — все подали мне на прощание руку.

Я вышла на улицу и подумала: «А руки у кукол были теплые. Значит, они все-таки живые».

И. АНДРИАНОВА.

Рисунок Д. БАРАБАША.

СОДЕРЖАНИЕ

210 суток в космосе. — В. Губарев. Рисунки В. Дудкина. Фотографии Фотохроники ТАСС ... 1
Вперед, горнисты! — Стихотворение Н. Шамсутдинова ... 3
Рассказы о В. И. Ленине. — С. Алексеев. Рисунки П. Пророкова ... 4
Отряд говорит с отрядом. — Рисунки А. Вовиковой ... 6
Малая пионерская энциклопедия ... 8
Журавленок и молнии. — Роман для ребят и взрослых В. Крапивина. Окончание. Рисунки Е. Медведева ... 9
Сами о себе ... 20
«Переменка». — Ведет Н. Ростовцева ... 21
Первый рассказ в «Пионере»
Веселый день. — Рассказ А. Хорта. Рисунки М. Лисогорского ... 22
Как одна молекула объединила три науки. — В. Иванов. Рисунки Н. Доброхотовой ... 24
В полный рост! — Отрывки из поэмы Е. Евтушенко ... 26
Ленинские Октябри. — З. И. Воскресенская. Окончание. Рисунок С. Трофимова ... 27
Сказка моей земли. Тайна. Зеркало. Шелковая песенка. Радость. — Стихи М. Алечкович. Перевод Л. Яхнина. Рисунок А. Дугина ... 30
Всего один голос. — Повесть А. Ампелонова. Рисунки А. Борисова ... 32
Миллионы обездоленных в обществе мнимого благоденствия. — М. Агаянц, А. Доронин, В. Соболев, А. Барышев. Рисунки Е. Шабельника. Фотографии В. Крупского ... 44
«Жизнь красой души красна». — Повесть Б. Тебиева. Окончание. Рисунки В. Дудкина ... 47
«Кораблик» ... 54
«Я родом из двадцатых...» — Ю. Дмитриев ... 56
В душе живет детство. — Интервью вела А. Друянова ... 57
Что нам читать? — Рисунок А. Дугина ... 58
Валеркин календарь. — Повесть В. Баныкина. Продолжение. Рисунок М. Петрова ... 60
Ума палата ... 62
Чаепитие с куклами. — И. Андрианова. Рисунок Д. Барабаша ... 64
В стране шаха — владыки черных и белых полей ... III обл.

На обложке:
«Мы красные галстуки звездам повяжем». — Фантастический рисунок Л. Хачатряна.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, В. П. КРАПИВИН, С. Л. МАКЕЕВ** (ответственный секретарь), **М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1983.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.02.83.
Подписано к печати 17.02.83. А 02635. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1660000 экз. Изд. № 619. Заказ № 176.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Грозило 7. Kf5+, черных губит то, что их фигуры ферзевого фланга не принимают участия в обороне.

7. h5—h6 f7—f6 8. e5:f6! Фe7:d6 9. Лd1—g1.

У черных лишняя фигура, но конь на a6 явно в офсайде.

9... Фd6—c7 10. Фg4—g7+! Лd7:g7 11. h6:g7+ Kph7—g8 12. Лh1—h8+ Kpg8—f7 13. Лh8:a8. Черные сдались.

Отличная победа Сергея Оганова!

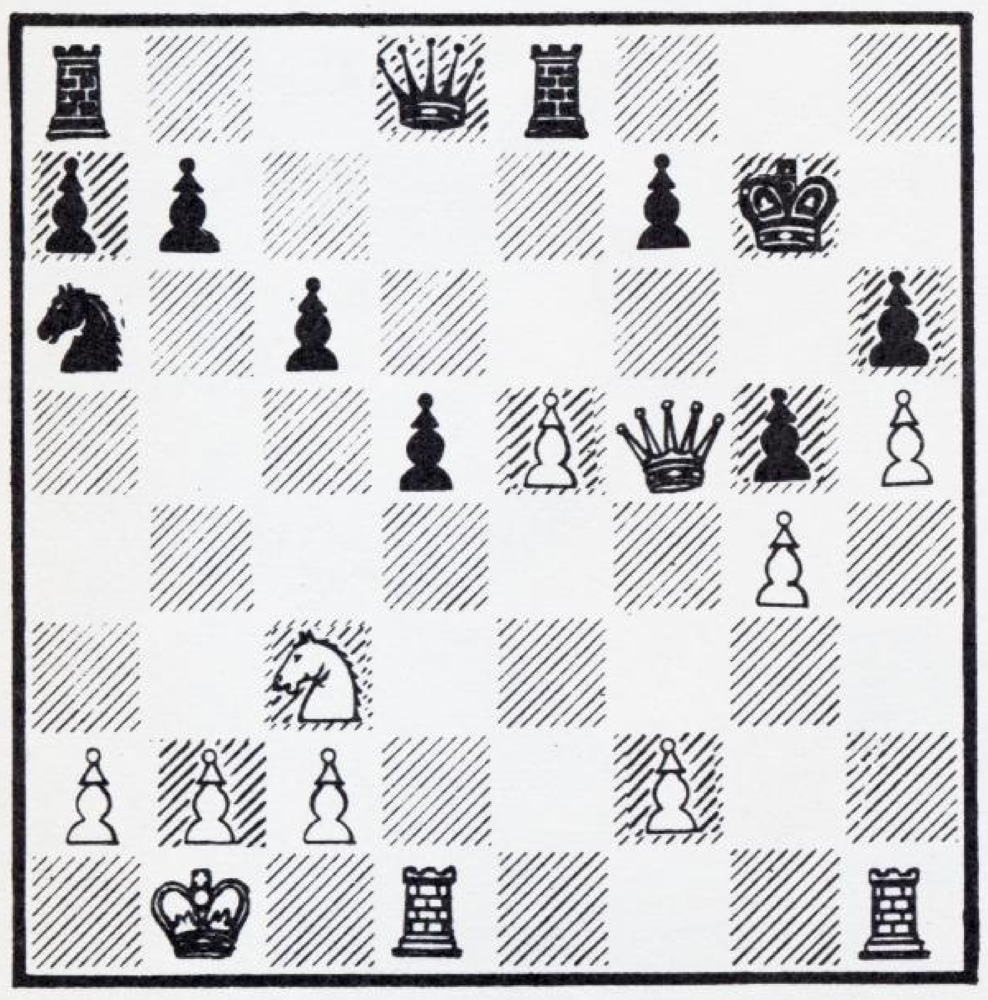
Фестиваль дружбы

Двенадцать союзных республик прислали свои пионерские команды на необычные соревнования юных шахматистов, организованные в Баку.

Это было, по существу, шахматное многоборье. 46 команд, приехавших в Баку, не только сражались за шахматными досками, но и участвовали в сеансах одновременной игры мастеров, молниеносных поединках, конкурсах решений задач.

Зачет был общим по всем разделам многоборья, и слагаемые успеха точно учитывала судейская коллегия. Первое место уверенно заняла первая команда Минпроса Азербайджана, на втором месте — ребята из Горьковского Дворца пионеров, на третьем — команда Дворца пионеров Баку.

На фестивале было сыграно много интересных партий. Посмотрите, как девятилетний Сергей Оганов (Баку) победил своего более опытного земляка Рауфа Гасанова.



Позиция черного короля ослаблена, белые бросают в бой резервы.

1. Кc3—e4! Фd8—e7 2. Ke4—d6 Лe8—d8 3. f2—f4! g5:f4 4. g4—g5!

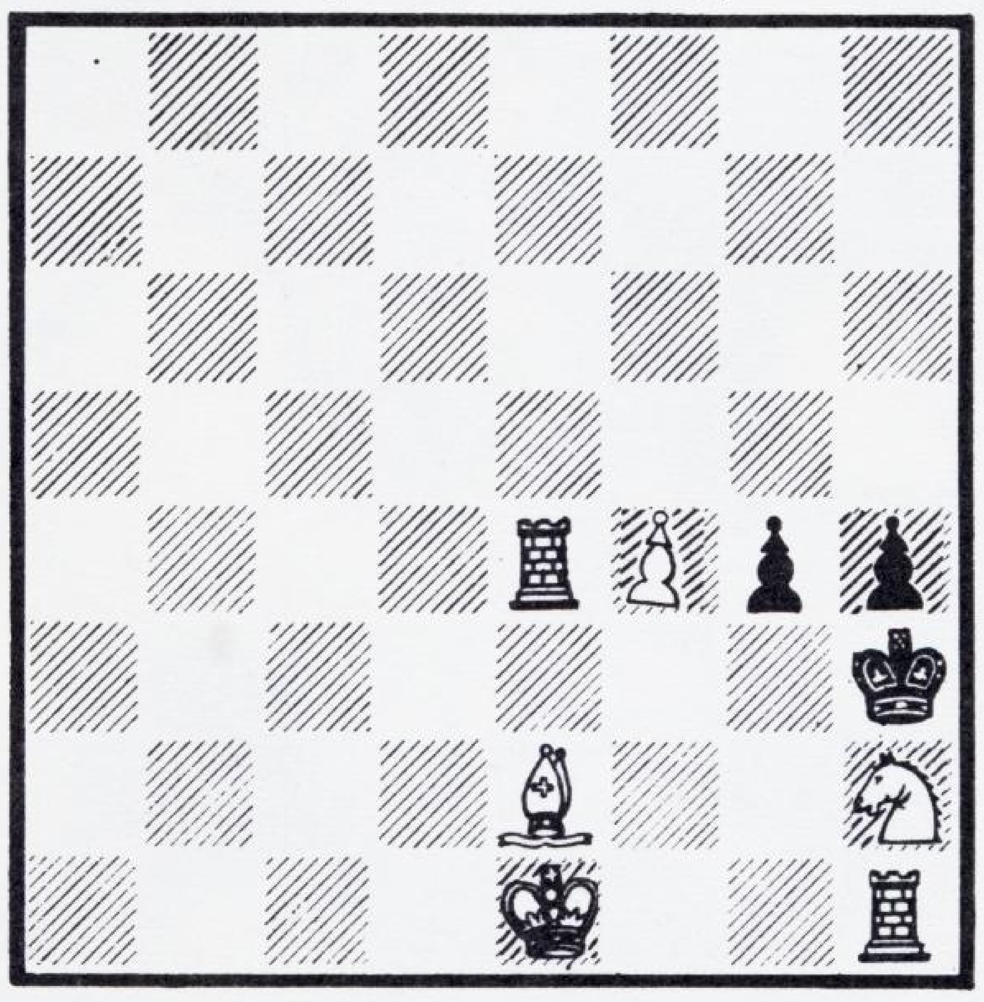
Прорывая укрепленную линию обороны черного короля, если 4... hg, то 5. Лdg1 или 5. h6+.

4... Лd8—d7 5. g5:h6+ Kpg7:h6 6. Фf5—g4! Kph6—h7.

Наше многоборье

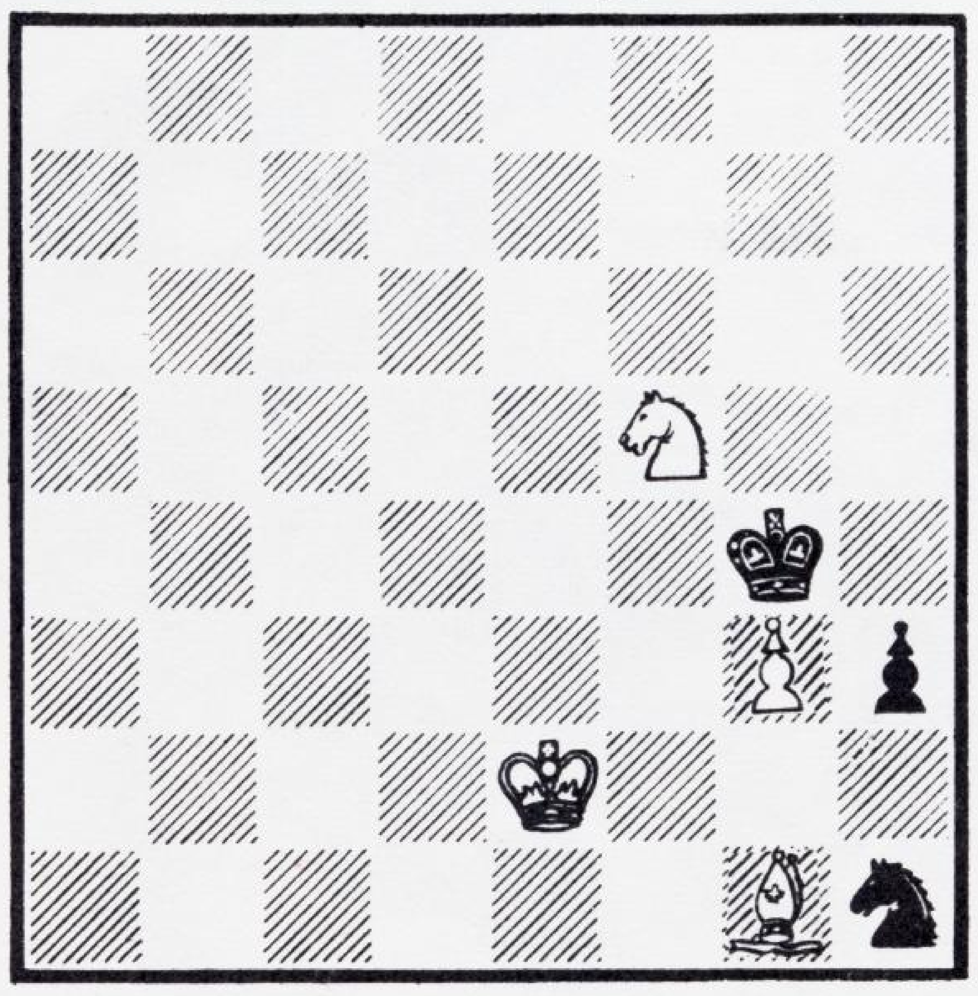
По доброму примеру бакинцев мы тоже проводим многоборье для юных любителей шахмат. Победу в нашем конкурсе завоюют те ребята, которые пришлют правильные решения задач и этюдов, ответят на вопрос по теории окончаний и сообщат нам о том, как проходил турнир клуба «Белая ладья» в их школе.

Для победителей многоборья установлено 10 призов. Это шахматные книги, вышедшие в 1982 году. Они будут награждены почетными грамотами журнала.



На этой диаграмме вы видите шуточную задачу чемпиона мира Анатолия Карпова. Расположение фигур и пешек в задаче создает рисунок буквы «П», первой буквы названия нашего журнала.

Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в два хода.



А это остроумный этюд, в котором белые при своем ходе добиваются победы. Найти решение этюда непросто, а в ряде вариантов возникает окончание, в котором белые король, слон и конь должны будут дать мат одинокому черному королю.

Напишите, во сколько ходов и каким путем достигается этот мат.

Ждем ваших писем, ребята. Шлите нам интересные партии, сыгранные на турнирах клуба «Белая ладья».

Азбука Пешкина

«Нужно ли объявлять шах королю? У нас некоторые ребята считают, что это обязательно». На этот вопрос просит ответить Саша Лукин (г. Ош Киргизской ССР).

Шах можно не объявлять. А вот Лена Самодурова (г. Псков) пишет о таком случае: у них в турнире одна девочка объявила шах королю противника, но ошиблась: на самом деле шаха не было. Девочке хотели засчитать поражение.

Это неправильно, ни к каким последствиям такая ошибка не ведет. Просто этой девочке надо быть повнимательней.

За почетный приз

800 сборных команд дворцов и домов пионеров выступили в отборочных матчах традиционных соревнований на приз газеты «Комсомольская правда». Эти спортивные встречи проходили во всех союзных республиках и были посвящены шестидесятилетию образования СССР. Среди ребят, оспаривавших победу, было много кандидатов в мастера и перворазрядников.

Команды, показавшие лучшие результаты, играли затем в зональных турнирах, состоявшихся в Рязани, Куйбышеве, Харькове, Иркутске, Орджоникидзе. Из каждой зоны одна команда выходила в финал.

На решающем этапе в финале, состоявшемся в дни весенних каникул в Вильнюсе, упорную борьбу вели команды дворцов пионеров Москвы, Тбилиси, Вильнюса, Ленинграда, Харькова и Новосибирска. О том, как сложилась эта борьба, мы расскажем в следующих номерах журнала.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.